

Ванесса Марлоу

*В постели
с дьяволом*

Роман о чувственном искушении

На фоне орегонских пейзажей разворачивается история, подобная сказке о Синей Бороде. И хотя героиня не средневековая красавица, а вполне современная здравомыслящая женщина, она оказывается заперта... нет, не в башне замка, всего лишь в пентхаусе. Абсолютный контроль, сексуальное принуждение, садизм и прочие «прелести», которые Пэм считает противоестественными, — не слишком ли дорогая цена за любовь?

Предисловие

Перед читателем роман-вопрос, роман-исследование. Обычная жизнь вдруг съезжает с накатанных рельсов, рутина неожиданно обращается кошмаром, который петлей затягивается на шее... Постепенно поступаясь малым, героиня вдруг обнаруживает, что совершает ужасные, отвратительные вещи... Но почему все это происходит именно с ней?

«В постели с дьяволом» отличается от других произведений, написанных в жанре эротического романа. Это не просто восклицание «Посмотрите и ужаснитесь!», не просто история одного убийства. Автор предлагает читателю вместе с героиней выяснить, когда же был совершен тот самый роковой шаг в пропасть... Действительно, когда?

Скука гонит Пэм и Стива в ресторан, где молодые люди встречают двух посетителей. Мужчина производит на Пэм сильнейшее впечатление, она ощущает невероятное сексуальное влечение к нему, почти непреодолимое. Новые знакомые предлагают отправиться в летний дом Джордана (так зовут человека, который буквально взглядом соблазняет Пэм). И с этого момента все рушится...

Постепенно Джордан отсекает все контакты Пэм с прошлым, лишая любимого, друзей, работы, возможности вести нормальную жизнь. Полный контроль со стороны мужа, полное подчинение жены. И Пэм, Пэм-личность, Пэм — заядлая тусовщица, Пэм — ироничная и разумная, Пэм-я-знаю-себе-цену... глотает все это. Нельзя сказать, что не бунтуя, но глотает и через какое-то время понимает, что ОН добьется своего в любом случае. Казалось бы, что ужасного, если тебе подсказывают, что лучше надеть? Но в том-то и беда, что, по мнению Джордана, если можно диктовать жене, в какой цвет красить волосы, то почему нельзя заставлять ее делать в постели все, что ему угодно?

Дальнейшие события напоминают наркотический кошмар. Попытки попросить помощи заканчиваются трагически, рассчитывать Пэм может только на себя. Она мечется, совершая ошибки, терпя унижения. Стоя на краю пропасти, уже не метафорической, а вполне реальной, она находит в себе силы на отчаянный поступок. Пэм удерживается на краю, но... Ее жизнь разбита, искорежена, уничтожена. Она одна...

Возможно, это и есть ответ. Возможно, одиночество толкнуло Пэм в объятия дьявола. И когда она в отчаянии спрашивает «почему я?», «почему это со мной?», то получает ответ, в принципе, уже очевидный для нее: «Потому что ты была совершенно одна. Во всем мире не оказалось ни единого человека, которому была бы небезразлична твоя судьба, и я мог делать с тобой все, что угодно».

Автор Ванесса Марлоу — поистине открытие для наших читателей. Ванесса Марлоу — это псевдоним Шерил Холт, создательницы блестящих и широко продаваемых по всему миру романов. В ее копилке более 22 произведений. Книги Шерил получили множество прекрасных отзывов, она получила несколько национальных наград и особенно гордится званием «Лучший писатель года» от журнала Romantic Times BOOK Reviews. Недавно Шерил была названа в списке 25 лучших эротических писателей всех времен и народов. Исследователь самых потаенных человеческих страстей, самых жарких сексуальных фантазий, писательница по праву считается королевой эротического романа.

«В постели с дьяволом», бесспорно, найдет своего читателя: захватывающий сюжет, лаконичная, почти репортерская подача, стройная композиция. То, что на первый взгляд представляется легкой недосказанностью, на самом деле и является тем самым

философским камнем, превращающим произведение Ванессы Марлоу в литературу.

— Расскажите еще раз, что произошло.

Я взглянула на шерифа. Внешне он выглядел как заурядный провинциальный коп: необъятный живот, перевалившийся через пояс брюк, редущие волосы и висящий второй подбородок. Любой бы на моем месте принял его за идиота или шута горохового, но я хорошо усвоила урок и была слишком умна, чтобы купиться на обманчивую внешность. Равно как и на фальшивое дружелюбие, которое он силился изобразить.

Шериф внимательно изучил площадку, оценил отвесный обрыв высотой в сотни футов, под которым плескался океан. От его пытливого взгляда не укрылась ни единая веточка или камешек на крутой тропе. И хотя внешне он казался спокойным и расслабленным, мозг его работал со скоростью тысячу миль в час, впитывая и прорабатывая мельчайшие детали увиденного.

Серая поверхность воды простиралась до самого горизонта и сливалась с такими же серыми облаками, было сложно понять, где заканчивается океан и начинается небо. Волны бились о берег, сотрясая его своей мощью. Ветер рвал одежду, свистел в ушах и заставлял жалобно скрипеть вековые деревья. Тоскливые протяжные крики чаек придавали этому пустынному опасному месту налет тяжкого уныния.

Страх постепенно рассасывался, возбуждение, вызванное приливом адреналина, спадало, но при этом я почувствовала, что меня мутит. Интересно, а что будет, если еще до того, как мы закончим, меня вырвет на его черные лаковые ботинки? Всегда ненавидела высоту из-за приступов сильнейшего головокружения. Но сейчас было настолько плохо, что я боялась: вот-вот свалюсь, неподвижная, ничего не соображающая, не понимающая, где верх, где низ.

Ужасно хотелось схватить его за отвороты пальто и умолять разрешить мне вернуться на стоянку, но я, ясное дело, не осмелилась. Нельзя было делать ничего такого, что могло бы показаться подозрительным. И если он решил остаться у обрыва, я должна торчать там вместе с ним.

— Я же вам уже говорила. Он стоял вон там, как вдруг...

Меня передернуло; предложение осталось незаконченным. После того как рассказываешь одно и то же снова и снова, новые детали лучше не упоминать. За последние пару месяцев я здорово наловчилась уходить от ответа. Специально не стала вдаваться в подробности, чтобы было проще придерживаться одной и той же линии. Лучше заострять внимание на основных моментах, позволяя шерифу самому додумывать детали.

— Высота здесь еще та, — отметил он как бы невзначай.

— Это точно. — Спасатели на каменистом пляже внизу были так далеко, что казались группкой муравьев. — Скажите, он... он... мертв?

— О да. — Шериф смерил меня пристальным взглядом, словно стараясь проникнуть в самые сокровенные мысли. — Парень просто не мог выжить после таких увечий.

Я принялась горестно причитать, вздрагивать, вкладывая во все это ровно столько шока и ужаса, сколько, по моему мнению, требовали обстоятельства.

— Какой кошмар! — Я зажала рот ладонью — даже не пришлось изображать дурноту. Морская болезнь была вполне настоящей.

— Давайте еще раз повторим все сначала. — Он стоял, скрестив руки на груди, буравя

меня взглядом, в котором сквозил неприкрытый скептицизм.

И другое время я, возможно, и была бы с ним откровенна, могла бы сознаться во всем и молить о милосердии, но той женщины, которая способна была сказать правду, больше не существовало.

Я тоскливо вздохнула.

— Это был несчастный случай, — в который раз солгала я. — Жуткая, жуткая случайность.

Я повстречала Джордана Блэра дождливым январским днем.

И подумала, что благодаря непредсказуемому случаю наши пути пересеклись в нужное время в нужном месте — и все стало с головы на ноги. Наша моментальная и прочная связь возникла столь естественно и непринужденно, что были все основания считать ее предопределенной свыше.

Теперь я, конечно, понимаю, что все было капельку сложнее. Более чем уверена: он меня уже где-то видел прежде. Я часто гадала, а не следил ли он за мной, пока окончательно не помешался, но так и не нашла доказательств, подтверждающих мои догадки.

Это был самый организованный и педантичный человек из всех, кого я знала. В его жизни не было места неожиданностям, поэтому было сложно понять, что же побудило его сойтись со мной. Скорее всего, наше «случайное» столкновение планировалось месяцами. Но от осознания того, что все так тщательно продумано, становилось как-то не по себе, поэтому я заставила себя поверить, что это всего лишь стечение обстоятельств.

Я отдыхала на побережье Орегона со своим парнем Стивом. Мы отмечали годовщину со дня, когда у нас впервые был секс — событие, которое я едва помню, но о котором он вспоминает с удовольствием.

Мы жили вместе в невзрачной, но довольно уютной квартирке в Портленде. Стив работал торговым агентом в фирме по снабжению ресторанов, принадлежавшей его отцу. Я же состояла шеф-поваром по десертам в высококлассном ресторане «Моцарт».

Мне было двадцать три, и я прожила в городе достаточно долго, чтобы все знакомые наконец признали меня истинной жительницей Орегона. Принимая во внимание мое пристрастие к дорогим сортам кофе и экзотическим блюдам, глядя на мои каштановые волосы с торчащими светлыми перьями, громоздкую бижутерию и модный черный гардероб... Словом, я была слишком своей, чтобы быть чужой.

Автомобилям я предпочитала поезд и велосипед, хотя такой выбор был продиктован скорее финансовыми соображениями, нежели экологическими. Я не носила кожу и редко ела мясо, маршировала на демонстрациях на Пионер-сквер и покупала продукты без добавок и консервантов. Я знала наперечет все ночные клубы в городе и всегда была в курсе, где выступают самые классные группы. И несмотря на непрерывный дождь, у меня и в помине не было ни дождевика, ни зонтика.

Оклад мой был жалким, состояние безденежья стало привычным, но, несмотря на это, я любила свою работу, свой образ жизни и Стива. По крайней мере, так мне казалось.

Мы сняли крошечный домик в пляжном отеле, но стоило только туда заехать, как разыгралась настоящая буря. Дождь лил как из ведра, яростные порывы ветра сотрясали все вокруг — за ночь снесло часть крыши.

И хотя мы жили всего в двух часах езды от побережья, до того самого злосчастного дня мне там бывать не приходилось. Поэтому я была не готова к таким кошмарным погодным условиям. В Портленде дождик накрапывал интеллигентно. Здесь же было настоящее буйство стихий, всемирный потоп.

Мы со Стивом вот уже сутки безвылазно сидели в домике и начали потихоньку сходить с ума. Все утро мы провели в постели, чередуя секс и кофе. Но беспрерывно совокупляться невозможно, и мы мечтали найти себе другое занятие. Отель снабдил нас непромокаемыми

плащами и резиновыми 12 сапогами, поэтому сразу после обеда на собственный страх и риск мы отправились вниз по лестнице, ведущей к песчаной части пляжа. Открывшийся вид был изумителен: величественные скалы и бьющие о берег волны.

Мы продержались около десяти минут, а потом, промокшие до нитки, побрели назад в домик. Мы читали, играли в шахматы, даже смотрели телевизор, пока не пропало электричество. Поначалу было даже романтично сидеть у огня, но к вечеру очарование улетучилось и Стив метался по комнате как тигр в клетке.

Администратор за стойкой посоветовал посетить ресторан и бар, которые находились сразу за деревьями. Мы укутались потеплее и потащились туда в надежде поужинать и залить скуку парой-тройкой коктейлей. К счастью, ресторан был открыт, но из-за перебоев в энергоснабжении меню оказалось довольно скудным. Мы были единственными, кому хватило храбрости или отчаяния заглянуть сюда, поэтому весь зал был в нашем распоряжении.

Поев, мы переместились в комнату для отдыха, которая была чрезвычайно мала — всего пара барных стульев и четыре стола. Пока мы болтали, туда зашла еще одна пара, и я не могла не обратить на них внимания — не только потому, что они были единственными посетителями кроме нас, но и потому, что весь их вид кричал о деньгах. Они были очень стильно одеты и настолько притягивали взгляд, что я уже прикидывала в уме: а не кинозвезды ли это, часом?

Недалеко находился элитный курортный поселок Кэннон Бич, где, по слухам, находились летние дома множества голливудских богачей. Поэтому вполне возможно, что они действительно были знаменитостями, как мне того и хотелось. Ведь это придало бы налет загадочности и значительно оживило наше унылое во всех отношениях путешествие.

Женщина выглядела весьма эффектно, прямо фотомodelь, с длинными выющимися светлыми волосами, наверняка крашеными. Тощая как жердь, но при этом с пышной и округлой грудью, непропорционально большой при ее фигуре, — видимо, и эта часть тела тоже была ненастоящей.

На ней было облегающее красное платье, красные, в тон, туфли на каблуках, красная губная помада была подобрана под цвет ансамбля. Платье подчеркивало, что под ним не было ни грамма лишнего жира. Я с неким злорадством представила, как она изнуряет себя занятиями в спортзале. Раба тренажера... я бы никогда такой не стала.

Естественно, Стив, как типичный представитель мужского пола, тут же принял стойку при виде ее. Он наклонился ко мне и прошептал:

— Видишь ее?

— Да.

— Если бы я купил тебе такое же платье, ты бы стала его носить?

— Если бы ты купил мне такое же платье, мне пришлось бы тебя убить.

Он тихо рассмеялся, и мы вернулись к нашей выпивке, стараясь не замечать вновь прибывших, что было довольно непросто. Они были слишком значимыми фигурами, чтобы находиться в одном заведении с нами, и я периодически украдкой на них поглядывала, гадая, что же толкнуло их в такую непогоду прийти сюда.

Девушка на вид была нашей ровесницей — двадцать с чем-то, — но мужчина был старше — лет тридцать пять — сорок, — и я не могла отвести от него взгляд. Он тоже был высоким и худощавым, темноволосым, с высокими скулами и крупным ртом. Он весь был словно окутан тайной, его харизматичность и зрелость буквально завораживали.

Он, бесспорно, был богат. На его запястье красовались часы, которые показывали время сразу в двенадцати странах и стоили не одну тысячу долларов. Тщательно подогнанные вещи сидели на нем идеально, поэтому рассмотреть роскошный торс ткань не мешала. Джинсы и кожаный пиджак, мягкие удобные мокасины и джинсовая рубашка — все то же, что и на Стиве. Но если Стив во всем этом выглядел неплохо, хотя и несколько несуразно, то этот человек был воплощением динамичности и сексуальности.

Они сели за столик, максимально отдаленный от нашего. Девушка облокотилась о стол и подалась вперед, демонстрируя спутнику, а заодно и Стиву, впечатляющее содержимое своего декольте. Маленькими плоточками она попивала свое вино, то и дело высовывая язычок и проводя им по нижней губе.

Время от времени она томно хихикала, причем голос соответствовал великолепным формам. Мужчина же, напротив, не смеялся, зато изгибал бровь либо тихо произносил что-то в ответ. Признаться, он меня заинтриговал, и мне интересно было узнать, о чем он думает.

Хотел ли он, чтобы она умолкла? Может, она его раздражает? Или он просто такой человек, который привык свои эмоции держать при себе?

Я стала наблюдать за их поведением и манерой держаться, пытаюсь понять, женаты ли они, но потом решила, что нет: колец я не заметила. Однако между ними определенно что-то было.

Были ли они любовниками? Или же только собирались ими стать?

Поскольку я уже не могла скрывать своей заинтересованности, я встала и пошла в туалет. Там я замешкалась, оценивая свое отражение в зеркале, прикидывая, могу ли я потягаться с красоткой из бара, и отмечая все моменты, в которых она меня превосходила. В буквальном смысле она превосходила меня всего на пару дюймов, к тому же, одетая во все черное и в ботинки на толстой подошве, я казалась выше, чем была на самом деле.

Я была худенькой, но не плоской — о таких говорят «все при ней». Работая поваром, мне часто приходилось снимать пробу с блюд, поэтому у меня были и бедра, и попа, а грудь была пропорциональна торсу.

За счет больших карих глаз и бледной кожи я выглядела гораздо моложе своих лет, напоминая чем-то беспризорника, которому самое место на углу с кружкой в руках — выпрашивать у прохожих мелочь.

Я уже возвращалась в бар, как вдруг, к моему удивлению, столкнулась с ним. Он как раз направлялся в вестибюль (не стану зря тешить себя мыслями, что он нарочно искал встречи со мной). Мы оба застыли как вкопанные. Кроме нас, в помещении больше никого не было.

Вблизи он казался еще более привлекательным. Загорелый, как если бы проводил много времени под открытым небом, стройный и подтянутый. Его пресс напоминал ребристую стиральную доску — такой обычно встречается у мужчин-моделей. У него были глаза цвета голубого льда, и эти глаза изучали меня так тщательно, что я совершенно потерялась.

Вначале я предположила, что ему примерно от тридцати пяти до сорока, теперь же склонялась к варианту сорок. В уголках глаз уже появились «гусиные лапки», да и на лице виднелись мелкие морщинки, которые, впрочем, совсем его не портили, а, наоборот, придавали особый шарм зрелости, делая его весьма привлекательным.

Я так и стояла разинув рот, не в силах сдвинуться с места. Он тоже, казалось, впал в ступор, анализируя меня. Его пристальный взгляд нахально уперся в мою грудь, причем его интерес был настолько сильным, что я почти физически ощутила, как он прикоснулся ко

мне и ласкает соски. Они затвердели и набухли под футболкой — в тот момент я была рада, что не стала снимать пиджак.

Я отшатнулась, пробормотав:

— Извините.

— Конечно-конечно, — учтиво ответил он.

И мы начали выписывать па, пытаюсь обойти друг друга в тесном пространстве, но вместо этого только больше сближаясь. Он задел меня бедром, а моя рука оказалась прижата к его руке. Мы оба застыли, чувствуя потоки энергии, проплывающие между нами.

Он весь сосредоточился, словно пытаюсь дотянуться до всех моих маленьких секретов, и спросил низким бархатным баритоном:

— Мы нигде раньше не встречались?

Эта фраза была настолько избита и заезжена, что я от души рассмеялась. Только потому, что он был привлекательным и богатым, я представила его как человека крайне утонченного, но, судя по всему, я приписала ему черты, которыми он в действительности не обладал.

— Уверена, что нет.

— Ваше лицо мне кажется таким знакомым. Я мог где-то видеть ваш снимок?

Я чуть не сболтнула по глупости: «Мое фото было в “Орегониан”».

Мой снимок недавно поместили в благотворительном календаре «Лучшее из Портленда», в котором двенадцать женщин-поваров были запечатлены стоящими за свадебными тортами и кухонными плитами в провокационных позах, чтобы казалось, будто мы готовим обнаженными. После чего в «Орегониан» появилась заметка с соответствующим снимком из календаря и ссылкой на мое имя — Мэг Уайт.

Я гордилась и в то же время стыдилась своей минутной славы. В какой-то момент вдруг сильно захотелось, чтобы он обратил внимание на фото, узнал на нем меня, но это было бы совершенно нелепо.

Можно подумать, он запомнил меня по снимку в газете! Но даже если бы мне было суждено быть замеченной кем-то вроде него, не хотелось бы, чтобы это произошло благодаря снимку в благотворительном календаре, на котором я позирую обнаженной.

— Нет, — ответила я наконец, — вы нигде не могли видеть меня раньше.

Это был как раз подходящий момент, чтобы уйти, и я уже даже почти заставила себя это сделать, но не успела и шагу ступить, как он встал у меня на пути и я оказалась прижатой к стене. Я была ошеломлена его размерами, вкусным запахом кожи, исходящим от его пиджака. Было что-то очень мужественное в его манере держаться, какая-то опасная сила, которой мужчины мечтают обладать, но которой зачастую не способны управлять. Это не более чем просто смутное ощущение завораживало и будоражило мое женское естество. Я мечтала стать дамой, попавшей в беду, чтобы он, как отважный благородный рыцарь, смог меня вызволить.

Он наклонился, его руки скользнули мне под пиджак и остановились на талии, а я просто стояла и не сопротивлялась. Я не отшатнулась. Не нахмурилась. Вообще ничего не сделала. Я была настолько возбуждена, что, даже если бы его пальцы скользнули выше и дотронулись до одного из моих сжавшихся и затвердевших сосков, я бы позволила ему и это.

И почему я стою в коридорчике, куда в любой момент может кто-то зайти, и позволяю себя щупать какому-то незнакомцу? Понятия не имею.

— Как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Мэг.

— Мэг... Гм. — Он прикинул что-то в уме, а затем кивнул, словно и сам бы назвал меня точно так же, словно считал, что это имя подходит мне идеально. — Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— А ты очень даже миленькая.

Этого комплимента было достаточно, чтобы разрушить необъяснимый магнетизм, который сковал нас. За всю мою жизнь меня как только ни называли: интересная, экзотическая, особенная, не похожая на всех, но только не миленькая. Даже Стив себе такого не позволял, поэтому для меня это прозвучало фальшиво, как очередная попытка закадрить.

— Спасибо.

Я рассмеялась и, резко развернувшись, пошла прочь.

Я ни разу не обернулась, чтобы посмотреть, идет ли он следом, и, тем не менее, я была уверена, что идет. Я спиной чувствовала его горячий взгляд, который будто прожигал во мне дыры. Ощущение было жутковатым, но в то же время классным — я наслаждалась им. Какая-то маленькая тщеславная частичка меня радовалась, что мне удалось настолько его заинтриговать.

Дойдя до бара, я совсем не удивилась, когда выяснилось, что, пока я флиртовала — или как это еще назвать — с незнакомцем, Стив завел разговор с белокурой богиней. Он был торговым агентом, у него был хорошо подвешен язык, именно поэтому он отлично справлялся со своей работой. Стив искренне радовался людям, у него был миллион друзей, и в ситуациях, в которых я бы так и не решилась заговорить, он умудрялся узнать у всех адреса, номера телефонов, в какой школе учились и сколько работ сменили.

Я с облегчением отметила, что он не пересел за ее столик, что каждый сидел там, где я их и оставила. Они болтали так непринужденно, словно были знакомы сто лет, и обсуждали (кто бы мог подумать!) французских художников, о которых Стив не знал ровным счетом ничего, зато он чудно умел трепаться ни о чем, что и позволяло ему принимать весьма активное участие в беседе.

Я сделала вид, что не обращаю на них внимания, пригубила из своего стакана, обдумывая недавнее столкновение в вестибюле и то, как оно меня потрясло. В конце концов темноволосый мужчина тоже вернулся и уселся напротив блондинки. Он тоже приложился к своей выпивке. Мы таращились друг на друга, в то время как Стив и блондинка продолжали болтать — они были слишком увлечены и даже не подозревали, что у нас с темноволосым состоялось свое приключение.

Я изо всех сил старалась не встречаться с ним глазами. Я внимательно рассматривала потолок, собственное отражение в окне и бармена, моющего стаканы. Но стоило мне только взглянуть прямо перед собой, я замечала, что мужчина изучает меня откровенно оценивающе, да так, что мне хотелось вскочить и закричать: «Что? Ну что ты такого во мне увидел?»

Но я этого не сделала. Не хотела, чтобы Стив понял, что этот парень смотрит на меня, или то, что я смотрю на него.

Он шепнул что-то своей спутнице. Что бы это ни было, оно заставило ее кроваво-красные губы изогнуться в коварной ухмылке.

— Кстати, меня зовут Кимберли, — сказала она.

— А я Стив, — представился Стив. — А вот это Мэг.

— Привет, Мэг! — проворковала Кимберли.

Я слабо улыбнулась в ответ и пробормотала приветствие. В течение всего процесса знакомства у меня было такое чувство, словно этот человек проверяет меня либо выжидает, когда же я сделаю ошибку. Но что в этой ситуации я могла не так сделать или сказать?

— Мы сейчас едем в пляжный домик Джордана, — сказала Кимберли, из чего мы узнали, что ее спутника зовут Джордан и у него есть пляжный домик. — Не хотите присоединиться? Можно покиснуть в джакузи. Разве это не здорово?

Прекрасно понимая, что приглашение такого рода Стив примет не задумываясь, я поспешила вежливо отказаться.

— О нет, что вы, мы не хотим вас обременять.

— Глупости, Мэг, — ответила Кимберли. — Погода просто кошмарная. Чем здесь еще можно заняться? Вы должны поехать с нами.

Она сидела наклонившись вперед, лиф ее платья провисал, и Стив мог беспрепятственно наслаждаться видом ее груди. Вынуждена признать, там действительно было на что посмотреть — грудь была что надо. Прийти к такому выводу было несложно, учитывая, что мы видели ее почти целиком. Она приняла такую позу не случайно. Она намеренно соблазняла Стива, вот только я не могла понять зачем. Стив довольно милый парень, но не более того.

Она же была с Адонисом. Зачем искушать бедного Стива тем, что ему никогда не достанется?

И, тем не менее, он попался на удочку, заглотнув, как рыба, крючок.

— Да, мы придем, — согласился он вопреки моему отказу. — Предложение просто супер.

Джордан с Кимберли встали, мы тоже, но у меня на душе кошки скребли, и я не могла понять почему. Такое бывало и раньше: мы развлекались с людьми, которых едва знали, — что же мне мешает сделать это сейчас?

Просто эта парочка сильно отличалась от нас, и это отличие имело значение — какое именно, я понять не могла.

— Моя машина стоит прямо у выхода, — сказал Джордан. — Вы можете ехать следом за нами.

— Мы добирались сюда из отеля пешком, — не сдавалась я. — Поэтому нам нужно возвращаться.

— Это не проблема. — Джордан, похоже, набивал себе цену. — Мы можем поехать на моей, а потом я отвезу вас назад.

Стив был возбужден и нетерпелив, как ребенок, получивший новую игрушку.

— Отлично! Давайте так и поступим.

Джордан и Кимберли вышли на улицу, где повсюду неистовствовала буря. Мы двинулись следом. Я специально замедлила шаг, чтобы обсудить ситуацию со Стивом до того, как мы сядем в машину.

— Я не хочу с ними ехать, — прошипела я, как только они отошли достаточно далеко и не могли нас слышать.

— Почему?

— Не знаю, просто не хочу!

— Ты ведешь себя как старая бабка. Брось, будет весело.

— Но ведь мы ничего о них не знаем.

— Ну и что?

— А вдруг Джордан окажется маньяком с топором? Может, он уже примеряет нас на роль новых жертв.

— Точно! — рассмеялся Стив. — И чего ты так беспокоишься? Расслабься.

Мы вышли наружу и прятались под козырьком, закрывавшим вход в ресторан. Джордан на другом конце парковки помогал Кимберли забраться в дорогой внедорожник. Даже в полутьме я могла различить, как поблескивают его глаза, устремленные прямо на меня. И хотя он не проронил ни слова, я чувствовала, как сильно он хочет, чтобы я поехала с ним. Уверена, он был готов даже вмешаться в наш разговор, лишь бы убедиться, что я не убегу. Но зачем? Почему мое присутствие или отсутствие имеет для него такое значение?

Я схватила Стива за руку, тем самым его останавливая.

— Все это очень странно. Зачем они нас пригласили?

— Потому что на улице гроза, здесь чертовски нудно и им нужны какие-то новые люди, чтобы не умереть со скуки.

И хотя я никогда прежде их не встречала, не могла избавиться от мысли, что они выбрали нас не случайно или даже искали намеренно.

— Но зачем им понадобились именно мы?

— Мы единственные живые существа в радиусе двадцати миль. — Он взмахом руки указал на пустующую стоянку, на которой одиноко стояла машина Джордана. — Мэг, не заставляй меня торчать в этом отеле. Пожалуйста. Если я проведу там еще одну ночь без электричества и какого-либо занятия, я просто сойду с ума.

— Можно поиграть в карты, — заметила я раздосадованно. — Это не такой уж и плохой вариант.

— Я сегодня целых три часа играл с тобой в карты. — Я нахмурилась, и он поспешно добавил: — Нет, ты не подумай, мне очень понравилось, но, Мэг, у них есть джакузи.

Он произнес это так, словно речь шла по меньшей мере о святом Граале, и мне стало ясно, что моя карта бита. Для Стива джакузи — роскошь, он всегда о нем мечтал, но возможность воспользоваться выпала ему впервые.

— Ладно, — наконец проворчала я. — Но пообещай мне, что мы уедем, как только я скажу, что готова ехать, и не будем раздувать из этого скандал.

Как только он понял, что все идет так, как он того хочет, он мигом стал сговорчивей.

— Конечно, милая.

— И я хочу, чтобы мы заехали за нашей машиной. Не хочу от них зависеть.

— Хорошо. Как пожелаешь.

Он зашагал к машине, я поплелась следом.

— Эй, Джордан! — позвал он. — Можешь подбросить нас в отель, чтобы мы пересели в свою машину? Тебе тогда не придется отвозить нас назад.

Джордан кивнул и улыбнулся — но не Стиву, а мне. Вопрос был решен. Если это была битва, то он ее выиграл. Я ехала вместе с ними, и мне уже никуда не деться от него или от той беды, которая, как я чувствовала, неумолимо надвигалась, как неизбежное крушение поезда.

Дорога к пляжному домику Джордана, змеясь, уходила в гору и мчалась через густую чащу, настолько зловещую, что я ничуть бы и не удивилась, если бы на дорогу перед нами выскочил снежный человек. Шквалы ветра обрушивались на машину, норовя снести ее в кювет. Дворники едва справлялись со струями дождя, хлеставшими по машине. За стеной воды мы едва различали задние огни машины Джордана.

Мой страх усиливался. Если бы позже мне пришлось возвращаться самой, я бы никогда не нашла дорогу. Я вообще не представляла, как мы доберемся в отель без сопровождения. Казалось, что на земле остались только мы четвером, что мы вот-вот сорвемся в пропасть, и я уж было собралась накричать на Стива за то, что втянул меня в эту авантюру, но в последний момент одумалась.

Я же взрослый человек. Если бы я действительно так уж сильно не хотела ехать, отказалась бы. А так я приняла самостоятельное решение и не в праве теперь жаловаться.

Наконец машина Джордана остановилась возле богатого двухэтажного деревянного дома. Он был ни велик ни мал, к тому же он оказался совсем новым. Пока мы парковались сразу за машиной Джордана, он сам куда-то пропал, поэтому внутрь нас провела Кимберли.

Взяв на себя роль радушной хозяйки, она показала кухню и гостиную, которые были отделены друг от друга замысловатым камином, выложенным из камня. В интерьере преобладали бронзовый и черный цвета, в комнатах стояли удобные мягкие диваны, а полы были устланы пушистыми коврами. Кимберли сообщила, что окна комнаты выходят на океан и что с утра мы сможем насладиться потрясающим видом на побережье. Вообще-то я не собиралась оставаться здесь до утра, но произносить этого вслух не стала.

Она отвела нас наверх и показала спальню для гостей с отдельной ванной. Ванная была оснащена лучше, чем в пятизвездочных отелях: здесь были банные халаты, зубные щетки, расчески, купальные костюмы и одежда, которая могла понадобиться гостю, оставшемуся на ночь. Я помимо воли гадала про себя, как же часто Джордан вот так развлекается и что у него за знакомые такие, для которых он готовит так много принадлежностей.

Его самого по-прежнему нигде не было видно, а Кимберли все болтала как ни в чем не бывало, словно его отсутствие было в порядке вещей. Мне оставалось только надеяться, что он не пошел заряжать ружье, из которого собирается нас пристрелить.

У меня на сердце было очень беспокойно. Я никак не могла расслабиться. Что-то плохое вот-вот должно произойти, и я совершенно не хотела, чтобы это коснулось меня.

Кимберли объяснила, как пройти к джакузи, которое располагалось на террасе с тыльной стороны дома. Затем предложила располагаться поудобнее и ушла переодеваться, договорившись встретиться уже на месте.

Едва за ней закрылась дверь, как Стив вальяжной походкой приблизился к огромной кровати с пологом и плюхнулся на нее всем своим весом, подсакивая на пружинящем матрасе. Он улегся на спину, закинув руки за голову.

— Вот это люди живут!

— Да уж, — отозвалась я равнодушно.

— Прекрати быть такой сукой! Ты ставишь меня в неудобное положение. Хватит уже.

Никогда раньше он со мной так не разговаривал. Поэтому такое нехарактерное для него замечание повергло меня в шок.

— Я не стараюсь быть сукой. Просто я с самого начала не хотела сюда ехать.

— Ну, это ясно как божий день. Вот только чем бы ты сейчас занималась? Не знала бы куда себя деть, сидя в темноте в нашем паршивом маленьком отеле! Дай мне передохнуть.

— Мне здесь не по себе.

— Но почему? Нас просто пригласили на вечеринку, а не обращают в новую веру. Ты сейчас просто как заноза в заднице.

Разве? Я никогда не умела так же быстро и легко сходитьсся с новыми людьми, как это делал Стив, поэтому нервничала. Ну не могу я ввалиться в дом к незнакомому человеку, надеть на себя купленное им белье и спать в его комнате для гостей!

— А что, если Джордан маньяк? — Произнеся свое предположение вслух, я поняла, насколько глупо оно звучит, но уже ничего не могла с собой поделать. Так же и собака, вцепившись в кость, уже ее не отпустит. — Что, если он сейчас в подвале — проверяет, в порядке ли кандалы, в которые он нас закует и начнет истязать?

— Ты ведешь себя как сумасшедшая.

— Но мы же ничего о нем не знаем!

— Это Джордан Блэр, — Стив произнес его имя так, словно этим все было сказано. — Кимберли сказала мне это еще тогда, в баре, пока ты была в туалете.

— Кто он такой, этот Джордан Блэр?

— Что-то вроде мультимиллионера-затворника. В десять лет он основал какую-то компанию по торговле спортивными товарами, а когда ему исполнилось тридцать, продал ее за бешеные деньги.

— Ну и зачем такому человеку, как он, куда-то нас с собой брать?

— Да хрен его знает! — грубо огрызнулся он. — Но раз уж он это сделал, я с удовольствием надену его плавки, возьму холодного пива и залезу в его джакузи.

— А я этого делать не хочу.

— Поступай как знаешь.

Он решительно подошел к шкафу, выдвинул один из ящиков, достал оттуда какие-то плавки и прошагал в ванную. Чувствуя себя ужасной трусихой, я плюхнулась в кресло. Мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться ко всем, но видит Бог, как мне этого не хотелось. Наконец Стив вышел из ванной с полотенцем на бедрах, под которым были плавки. Только сейчас, когда он остался без футболки, я заметила, что он поправился. У него начало расти настоящее пивное брюшко, а я раньше и внимания на это не обращала.

Что бы это значило?

— Ты идешь? — гаркнул он.

— Нет.

— Хорошо. Ну и сиди здесь одна. Меня это не колышет.

Громко топая, он вышел прочь. Когда в комнате снова стало тихо, я попыталась разобраться в ситуации, понять, почему мы вдруг сцепились как кошка с собакой, но ничего у меня не вышло. Он всегда был очень обходителен и внимателен ко мне, поэтому его теперешнее грубое и резкое поведение меня обеспокоило. Мы провели в этом доме всего полчаса, а он уже ведет себя как полный придурок. Что же будет, если мы останемся здесь на всю ночь?

Стены комнаты давили на меня. Здесь была большая стеклянная дверь, которая выходила на балкон. Я открыла ее и оказалась наконец на свежем воздухе. Отсюда было слышно, как Кимберли и Стив общаются внизу, но слов я разобрать не смогла.

У меня не было ни малейшего желания торчать наверху в одиночестве. Прямо полная идиотка! К тому же мне не хотелось оставлять Стива наедине с Кимберли, что уже само по себе было странно. За целый год, что мы провели вместе, я ни разу не усомнилась в его верности, даже когда он был в разъездах, продавая товары по телефону. Поэтому мне вдвойне неприятно было подозревать его сейчас.

Но в то же время — у Кимберли была внешность фотомодели. Какой нормальный мужик ее не захочет?

Я должна была идти туда. Другого выхода просто не было. В шкафу я нашла несколько пар крошечных трусиков-бикини, которые лично я бы себе никогда не купила. Они все были одинаковые — едва прикрывали то, что должно быть прикрыто, — всевозможных расцветок, но красный цвет всегда был моим любимым, поэтому я выбрала красные.

Я уже начала было стягивать футболку, как вдруг меня охватило сильное ощущение, будто за мной кто-то следит. Окна были плотно зашторены, а в самой комнате спрятаться было просто негде, но нервы и так уже были расшатаны. Поэтому переодеваться я пошла в ванную.

Купальник был миниатюрным — два кусочка ткани на сосках да узенькая веревочка вместо трусиков, которая тут же скрылась между ягодицами. Мои гениталии были большей частью выставлены напоказ, и я не могла представить, как буду расхаживать по дому с торчащими из-под узкой полоски ткани лобковыми волосами.

Пришлось лезть в аптечку, извлекать оттуда бритву, провести ею пару раз. Когда я встала перед зеркалом, то, повертевшись, решила, что выгляжу очень даже неплохо. Я была худой, но не изможденной, к тому же у меня была натуральная грудь, талия и бедра. Довольная увиденным, я натянула футболку и джинсы поверх купальника и заставила себя спуститься на террасу.

Стив и Кимберли уже сидели в джакузи в непосредственной близости друг от друга и смотрелись, на мой взгляд, слишком уж идиллично. Когда я подошла, они не отпрянули друг от друга, никто даже не вздрогнул. Я была шокирована, когда увидела, что на Кимберли нет купальника, по крайней мере верхней его части. Ее идеальной формы, словно вылепленные скульптором груди с торчащими розовыми кончиками были обнажены. Сквозь бурлящую воду не было видно, есть ли на ней трусики, но что-то мне подсказывало, что их не было тоже.

Тут же на террасе валялись и плавки Стива. Итак, Стив без одежды, Кимберли без одежды, а я... А что я? Смущена? Растеряна? Разозлена?

Пожалуй, все из вышеперечисленного мне подходит. Как же мне заставить себя залезть к ним в воду? Конечно, все еще будучи одетой, на фоне Кимберли я меркла, но плескаться обнаженной в мои планы не входило.

Ее великолепные белокурые локоны были кое-как подобраны и заколоты вверху, при этом несколько прядей выбились и красиво обрамляли ее лицо. Она была очаровательна и сексуальна — в этом я с ней сравниться не могла.

— Эй, детка, — позвал меня Стив. — Принеси-ка мне пиво, пока не залезла.

За всю историю наших отношений он никогда не называл меня «детка», поэтому я снова была неприятно удивлена. Он указал мне на холодильник у стены. Я подошла и достала оттуда пиво, но тут ко мне обратилась Кимберли:

— Не будешь ли ты так любезна налить и мне еще вина?

— Конечно, — буркнула я, чувствуя себя прислугой.

— И раз уж ты там, налей и себе чего-нибудь по вкусу.

— Хорошо, — ответила я, а про себя подумала, что мне сейчас понадобится что-нибудь покрепче, чем вино.

Решив, что не буду брюзжать на Стива и пялиться на сиськи Кимберли, я отнесла им их напитки и вернулась к минибару. Там была полка со спиртным, и я налила себе чистого виски. Выпила его залпом, налила еще и снова выпила. Расслабляющий эффект последовал незамедлительно, появилась столь необходимая мне храбрость и решительность для продолжения этого вечера.

Я не спеша подошла к джакузи, то и дело прикладываясь к стакану и делая вид, что у меня все отлично. Не хотелось показаться ханжой или слишком придирчивой, но я из последних сил сдерживалась, чтобы не наорать на Стива. С губ так и норовило сорваться что-то вроде: «Что, черт возьми, ты здесь делаешь?»

Но я не собиралась выступать в роли сварливой жены. Если его не смущает присутствие Кимберли, то я, в свою очередь, с большим удовольствием постою и понаблюдаю, как он сам выставляет себя дураком. Готова была вот так простоять все чертову ночь.

— Где Джордан? — спросила я.

— Где-то бродит, — ответила Кимберли неопределенно. — Он ненавидит джакузи.

— Неужели?

— О да! Поэтому никогда им не пользуется.

И зачем только было приглашать на мероприятие, которое сам ненавидишь? Мое беспокойство стало нарастать.

— Однако скоро он, возможно, появится, — продолжала Кимберли. — Ему больше нравится наблюдать, нежели участвовать самому.

— Наблюдать за чем? — тупо переспросила я.

— Ну... за нами. — Она рассмеялась, ее смех зазвенел как серебряный колокольчик. — Как ты думаешь, о чем это я?

Я почувствовала, как неприятно засосало под ложечкой. Это замечание было явно двусмысленным и усилило мое беспокойство по поводу этого дома и людей, в нем обитающих. Я посмотрела на Стива, но он был, как всегда, безмятежен, расслаблен, словно каждый день оказывается обнаженный рядом с такой женщиной, как Кимберли.

— Залезай к нам, Мэг, — позвал он. — Водичка отличная!

— Да, Мэг, — вторила ему Кимберли. — Залезай.

Мы вели себя как дети. Они побуждали меня сделать то, чего я делать не хотела, то, что, я знала, делать не нужно, но меньше всего мне хотелось показывать свой страх. Я стащила с себя через голову футболку, демонстрируя купальник, состоящий из крошечных треугольничков и пары веревочек.

Увидев меня в этом, Стив довольно ухмыльнулся.

— Вот это мне начинает нравиться.

— Неужели?

— О да.

От его замечания куда-то ушло все мое напряжение, и я рассмеялась. Он на меня уже сто лет не смотрел с таким вождением, так, может, от нашей случайной встречи с этими людьми будет хоть какая-то польза. Возможно, это небольшое приключение внесет свежую струю в нашу сексуальную жизнь, которая в последнее время становится однообразной.

— Тебе нужно почаще надевать красное.

— Может быть.

Я расстегнула джинсы — они оба не сводили с меня глаз, отчего я чувствовала себя стриптизершей. Стараясь сохранять спокойствие, я прошла через террасу к столу, свернула свои вещи и положила их на стул, затем уселась на бортик джакузи, по колено опустив ноги в воду.

— Вода очень горячая, — заметила я.

— Ты быстро привыкнешь, — заверил меня Стив. — Окунайся полностью.

— Не так сразу.

— Здесь действительно становится жарко, не так ли? — согласилась со мной Кимберли.

Она выскользнула из воды и тоже уселась на бортик. Теперь она сидела прямо напротив меня, и я просто не могла не смотреть. Она побрилась везде, и волос между ног у нее не было. Я никогда не считала себя слишком правильной или чопорной, но увиденное заставило меня вздрогнуть. А она специально расставила ноги, будто только и хотела, чтобы я заметила.

Выгнув спину, она провела рукой по груди, животу и бедрам. Я как замороженная следила за каждым движением ее руки, то же происходило и со Стивом. Он был покорен, и это меня ужасно бесило.

Она закончила свое представление и скользнула в воду. С вызовом в голосе она решила меня подколоть.

— Почему бы и тебе тоже не снять купальник?

— Что-то не хочется, — ответила я. — Я не фанатка купания голышом.

Стив был раздосадован моим нежеланием.

— Просто сделай это, Мэг! Будет весело.

Кимберли придвинулась к нему ближе, прижавшись своей грудью к его груди, закинув на него ногу. Я не проронила ни слова, пытаюсь понять, что за игру она ведет.

Она хотела заняться с ним сексом? Или же она хотела заняться сексом с нами? На такое продолжение вечера надеялся Стив?

Похоже, что так оно и было, и это уже само по себе было странно. Я и понятия не имела, что у Стива могут быть такие извращенные сексуальные фантазии. Неужели он действительно представлял нас втроем?

Я сердито нахмурилась, но мое недовольство осталось незамеченным. Он был всецело поглощен Кимберли и ее грудью. Его взгляд заволокло похотью, он так ошалел, что у него глаза начали смотреть в разные стороны.

— Стив... — окликнула я его.

— Что?

— Мы можем сейчас уехать?

— Уехать? Но мы ведь только приехали.

— Здесь происходят странные вещи.

— О чем ты?

— Я хочу уехать!

— Нет, черт возьми! Почему ты вечно чем-то недовольна? Если не хочешь развлекаться, иди смотри телевизор. Только прекрати ныть.

Надо было бы накричать на него, но я была слишком шокирована. Вспыльчивость и грубость были теми гранями его характера, с которыми мне прежде сталкиваться не приходилось, поэтому я не знала, как себя вести в этом случае.

Мой испепеляющий взгляд не достиг цели. Стив был весь в предвкушении, я не могла пристыдить его или охладить его пыл.

— Пойду-ка я поищу телевизор, — процедила я.

— В доме сотни кассет, — любезно сообщила Кимберли. — Но боюсь, что все они покажутся тебе слишком пикантными.

После такого язвительного замечания мне захотелось залепить ей пощечину, но я сдержалась.

Я выбралась из джакузи, схватила свою одежду и понеслась в дом. Кимберли прошептала что-то Стиву, и мне вслед раздался сдавленный смешок. Мне было до смерти любопытно узнать, что же они там делают, но у меня не хватало духу обернуться и посмотреть.

Что мне делать, если он трахнет Кимберли? Готова ли я порвать с ним? Разъехаться? Отказаться от наших общих друзей и той жизни, которую мы построили вместе? Я понимала, что для мужчины секс — это всего лишь секс, но я не могла этого вынести. Это было выше моих сил.

Разъяренная и сбита с толку, я влетела в комнату и принялась растерянно оглядываться по сторонам, пытаясь сориентироваться. Где лестница? А где наша комната?

Я хотела схватить ключи от машины и укатить, и пусть этот козел жалеет о содеянном. К утру, когда он наконец-то доберется в отель, меня там уже не будет. И ему придется под дождем добираться автостопом до Портленда. Так ему и надо! Подонок!

В каком-то оцепенении я добрела до лестницы и начала подниматься. Но когда уже наверху я повернула за угол, то обнаружила у нашей двери Джордана. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, словно поджидая меня.

Он успел снять кожаную куртку и джинсы, теперь на нем были только шелковые домашние штаны и больше ничего.

Он был весь такой гладкий и рельефный — точеные мускулы и плавные линии. Его тело было зрелым и закаленным. Конечно, у меня были мужчины и до Стива, но я никогда еще не спала с человеком старше меня, и он меня заворожил. Я снова почувствовала всплеск той особенной энергии, которая возникла между нами еще в баре. Меня непреодолимо влекло к нему, наши тела словно жили одной жизнью, и я готова была к более тесному слиянию.

Не хотелось, чтобы он думал, будто я его боюсь, поэтому я подошла настолько близко, что наши ноги переплелись. Он вырвал вещи у меня из рук и швырнул их на пол, затем с любопытством взглянул на меня сверху вниз, ожидая увидеть, как я отступлю назад или вообще сбегу, но я не собиралась делать ни того ни другого. Было совершенно ясно, что он чего-то от меня хочет, мне нужно было лишь узнать, чего именно.

— Тебе не понравилось горячее джакузи? — спросил он.

— Нет.

— Не сердись на Стива.

— Что ты имеешь в виду?

— Ни один мужчина не может устоять перед Кимберли. — Он пожал плечами. — Пусть он с ней поиграет, а тебе нужно об этом просто забыть, иначе сойдешь с ума.

— Ты так говоришь, словно они там просто чай пьют.

— Я знаю Кимберли, поэтому уверен, что для нее это занятие является более увлекательным.

— Неужели ты совершенно не... — я чуть не сказала «ревнуешь», но передумала и

заменила его другим словом: —...беспокоишься?

— Меня не волнует, чем она занимается.

— Кто она тебе?

— Никто.

— Тогда что она здесь делает?

— Она забавная.

Он провел пальцем по ложбинке между грудей, проникая под один из маленьких треугольничков ткани, служивших верхом от купальника.

— Я знал, что красный тебе к лицу.

Это заявление меня заинтриговало. В ящике было несколько купальников. Отчего он был уверен, что я надену именно красный? Откуда ему знать, что красный — мой любимый цвет? Похоже, он хочет сказать, что нарочно его туда положил, что заранее знал, что я выберу именно его, но это слишком невероятно.

Я была встревожена и растеряна, и по-хорошему мне нужно было бы его оттолкнуть, но я этого не сделала. И с каких это пор я превратилась в такую безвольную мышь? Как только наши пути пересеклись, я потеряла способность действовать и реагировать.

Легким движением руки он оголил мой сосок. Затем наклонился и впился мне в шею, достаточно сильно, чтобы причинить боль. У меня было такое чувство, будто я тону. Словно он идет на дно океана и тянет меня за собой. Мне нужно было как-то от него оторваться, всплыть и отдышаться, и я простонала:

— Чего ты от меня хочешь?

Он прижал меня к стене и навис надо мной.

— Я хочу тебя отыметь, — сказал он. — Я хочу иметь тебя всю ночь.

Он поднял меня, я обхватила его бедрами, его плоть коснулась моей, и я почувствовала, что он тверд как скала. Он прижался ко мне еще сильнее, чтобы я чувствовала его, чтобы тоже захотела его, и, о да, это случилось. Я захотела его! Он был настойчив и тверд, как ни один из всех моих бывших, более молодых любовников.

— Я не могу! — выдохнула я. — Пожалуйста...

Чего я пыталась добиться этим своим «пожалуйста»? Я думала, что просто заскочу в комнату, заберу ключи и свалю отсюда. Разве не это я собиралась сделать? И, тем не менее, я позволяла ему все это проделывать без единого возгласа протеста. А он тем временем уже развязывал купальник, и буквально через секунду я осталась без его верхней части.

Он склонился ко мне и обхватил губами сосок. Он был жесток и требователен, но я не возражала. Я чувствовала, как от перевозбуждения у меня начинает кружиться голова.

— Мне нужно ехать, — сказала я.

— Зачем?

— Стив...

— О Стиве не беспокойся, — проворчал он. — Кимберли его развлечет.

Теперь нас разделяла только его ладонь. Его пальцы скользнули мне в трусики — еще немного, и они окажутся внутри меня.

Я запаниковала. Я не распутная девка. И не шлюха. И уж точно не из тех, кто застынет как статуя и будет сносить его грубые ласки. Я принялась извиваться, и он отпустил меня, да так, что я буквально съехала вниз по его торсу. Сердце норовило выпрыгнуть из груди, и между ног было так мокро, как после полноценного секса.

Некоторое время он пытливо меня изучал, его голубые глаза были внимательны и

загадочны.

— Я тебя напугал.

Похоже, он сильно этому удивился.

— Я не такая, как Кимберли. Я не могу так легко... э...

— Все нормально. — Он успокаивал меня так, как успокаивают пугливую лошадь. Он массировал мне руки, плечи, унимая учащенное сердцебиение. — Ты не должна делать то, чего делать не хочешь.

— Я хочу вернуться в отель.

— Я тебя не пущу.

— Ты не можешь меня остановить.

— Сейчас нигде нет электричества.

— Но здесь же есть.

— Потому что у меня генератор. А ты в своем отеле будешь сидеть в темноте. Не могу позволить тебе совершить подобную глупость.

— Тогда... я соберу вещи и поеду в Портленд.

— И оставишь Стива на растерзание Кимберли?

Он сказал это с сарказмом, будто знал, что я не собираюсь бороться за Стива.

— Пусть забирает его себе — я их благословляю. Я только лишь хочу отсюда выбраться.

— Ты не можешь отсюда уехать.

— Могу!

— Я в прямом смысле. Дорога, ведущая в Портленд, закрыта. Из-за дождя сошел оползень. На расчистку дороги уйдет день или два.

Я пристально всматривалась в его невозмутимое лицо, но я ведь совсем его не знала. Похоже, он говорил правду, но разве я могла быть уверена?

— Я тебе не верю, — сказала я в итоге.

— Можешь сама убедиться.

С этими словами он указал на телевизор, стоящий в комнате, развернулся и вышел — на этом мои сомнения должны были разрешиться.

— Я так и сделаю, — крикнула я ему вслед, но он даже не обернулся.

Я сгребла в охапку свои вещи, брошенные в коридоре, и вошла в комнату, захлопнув за собой дверь. Я переключала каналы, пока не нашла сводку новостей из Портленда. В основном говорилось о неблагоприятных метеоусловиях, перебоях с электричеством и о завале на дороге. Значит, все, что он мне рассказал, было правдой.

И все же я предпочла бы сейчас оказаться в отеле, независимо от того, есть там электричество или нет. Хотя я не представляла, как буду под дождем спускаться с горы, не зная дороги. Джинсы Стива валялись на кровати. Я обшарила каждый карман в поисках ключей, но не нашла их. Я проверила постель, посмотрела на полу, в комод, в шкаф, в ванной — ключей нигде не было.

Когда я поднялась, возле дверей нашей комнаты ошивался Джордан, но я отказывалась верить, что он мог их взять или где-то спрятать. Зачем ему это?

Я упала в кресло, размышляя, что же делать дальше.

Меня загнали в ловушку.

Я хотела сбежать вниз и потребовать, чтобы Стив поднялся и помог найти ключи. Но мне не хватало смелости. Я боялась того, что могу увидеть. Другая, более решительная, на моем месте не побоялась бы застать их на горячем, но не я.

Я мерила комнату шагами, пока не выдохлась. Я выдвинула ящик и принялась просматривать видеокассеты, которые там были. Все они были эротического содержания — мокрые нерешительные девушки в душе и агрессивные красавцы мужчины, заставляющие их проделывать разные унижительные вещи, — легкое порно, вызывающее смущение и в то же время возбуждение. Я поставила одну из кассет и поудобнее устроилась на подушках.

В какой-то момент я, наверное, отключилась, потому что, когда я проснулась, кассета снова была на начале. Я еще не успела отойти ото сна, поэтому мне понадобилось время, чтобы понять, где я нахожусь. Часы на прикроватной тумбочке показывали начало третьего — значит, прошло уже около четырех часов с тех пор, как я оставила Стива и Кимберли. Стива до сих пор не было.

Я некоторое время лежала в тишине, решая, что делать дальше. Пока я спала, меня не убили и не изнасиловали, поэтому необходимость бежать была уже не такой острой.

Снизу доносились приглушенные голоса — значит, веселье еще не закончилось. У Стива было полно времени, чтобы поваляться в горячем джакузи, — может, сейчас мне удастся убедить его убраться отсюда.

Все в том же красном купальнике, накинув сверху халат, я вышла в коридор и на цыпочках спустилась по лестнице.

Находясь на нижних ступеньках, я могла заглянуть в комнату. И то, что я увидела, потрясло меня сильнее, чем те картины, которые рисовало мне воображение.

Кимберли, обнаженная, стояла на коленях на одном из лежаков, вцепившись в подлокотник дивана. Стив пристроился сзади, схватил ее за бедра и самозабвенно трахал, выкладываясь на полную. Сцена была слишком отвратительной, чтобы быть реальной. Я скрылась в тень, пытаюсь прийти в себя после пережитого шока.

Кимберли выглядела великолепно. С ее идеальной фигурой и вьющимися светлыми волосами она была мечтой любого мужчины, но Стив как партнер ей категорически не подходил. «Поплывшие» тела и спущенные плавки... Он напоминал дурацкий персонаж из похабного мультика и настолько нелепо смотрелся рядом с роскошной Кимберли, что я даже почти его пожалела. И это еще раз подчеркивало, насколько странная выдалась ночь.

Зачем такой красоте, как Кимберли, опускаться до секса с моим милым, дружелюбным, обыкновенным Стивом?

Он был очень пьян и, похоже, под кайфом. Это было заметно по покрасневшим щекам и по тому, как его шатало из стороны в сторону, но все равно это было слабым утешением. Даже если он сейчас неадекватен, разве его это извиняет?

Для меня это стало последней каплей, я немного потопталась в нерешительности, думая, как бы лучше обозначить свое присутствие. Можно было ворваться в комнату с криками и обвинениями. Можно было просто подойти к Стиву и похлопать его по плечу. Можно было затаиться и подождать, пока они сами меня заметят. И что я тогда скажу? Какая фраза тут подойдет лучше всего: «Стив, когда это ты успел стать таким козлом?»

И вдруг я заметила, что в комнате кроме них находится еще и Джордан. Он расположился в кресле и наблюдал за происходящим, но с таким скучающим видом, словно он все это уже видел и зрелище его совершенно не впечатляло.

И только я открыла рот (что говорить, я еще не придумала), как он меня заметил. Он пригвоздил меня к месту ледяным взглядом своих синих глаз, и я стояла, не в силах шелохнуться, глядя то на него, то на Стива, то снова на него. Слова застряли в горле.

Джордан приложил палец к губам, призывая меня к тишине, и я подчинилась, как щенок на поводке. Он встал, обошел диван и встал лицом к Кимберли.

Она потянулась к нему, чтобы поцеловать, и он милостиво ей это позволил, правда, недолго.

— Дорогой, тебе нравится? — спросила она.

— О да, — ответил он безо всякого энтузиазма. Похоже, особого удовольствия ему это не приносило. — А теперь развернись и опустишься перед ним на колени. Я хочу, чтобы ты у него отсосала.

— Прекрасная идея.

— Ты же знаешь, что я люблю.

— Знаю.

Счастливая угодить Джордану, Кимберли отделилась от Стива и соскользнула с дивана на пол. Она принялась ласкать его яички и головку члена, а затем полностью взяла пенис в рот.

Я никогда не любила оральный секс. Просто не могла привыкнуть, что мне тычут что-то в рот. Да и вкус спермы мне не нравился, поэтому минет я делала очень редко. Как и все мужчины, Стив любил фелляцию, но я всегда так решительно сопротивлялась, что он наконец сдался и перестал меня этим донимать.

Я наблюдала за ними. Мне было противно, и в то же время я глаз не могла оторвать. Казалось, будто Джордан нарочно меня испытывает, хотя мне непонятно было зачем. Я уже поняла, что проиграю. После всего того, что я увидела, как мы со Стивом могли оставаться вместе?

Стив осклабился при виде Джордана, и они обменялись выразительными взглядами. Какая-то идиотская мужская солидарность, которую мне никогда не понять.

— Можешь быть следующим, — сказал ему Стив. — Не хочу быть неблагодарной свиньей.

— Оставь ее себе, — ответил Джордан. — Я не против.

— Спасибо!

Стив сосредоточился на процессе с удвоенной энергией, а Джордан направился ко мне. Он схватил меня за руку и потащил через коридор в спальню.

Он захлопнул дверь и запер ее на замок. Я увернулась от него. Шагая взад-вперед и сыпля проклятиями, я давала выход ярости, которую должна была выплеснуть на Стива, но не сделала этого.

— Мерзавец! — восклицала я снова и снова. — Мерзавец, мерзавец, мерзавец...

Я схватила лампу и швырнула ее на пол — та упала и разбилась вдребезги, принесла мне несказанное удовлетворение. Я была босиком, но мне было уже все равно — я слепо топталась по осколкам. Наверняка я порезала себе ступни, но в тот момент я была так расстроена, что даже не заметила.

Как мог Стив так поступить со мной? Почему? Или он думал, что я ни о чем не узнаю?

Или что даже если узнаю, то не придам этому значения?

Я подняла вазу, собираясь бросить и ее, но тут подоспел Джордан. Он обхватил меня двумя руками так, чтобы я не смогла больше ничего натворить. Он отпихнул вазу прочь, а я извивалась и норовила вырваться, стараясь до нее добраться.

Я билась в истерике, а он удерживал меня силой, в конце концов просто развернул и прижал лицом к стене. Он придавил меня всем своим весом, так что я оказалась обездвижена. Я продолжала ругаться, лягаться, брыкаться, но что бы я ни делала, он только сильнее на меня наваливался.

Я чувствовала каждый сантиметр его торса, его груди, его живота, его паха. Его член уткнулся мне в зад, и я чувствовала, как он пульсирует от возбуждения.

— Зачем ты нас сюда притащил? — Мне необходимо было услышать ответ. — Чего ты от нас хочешь?

— Я вас не тащил.

— Тащил! — настойчиво повторила я. — Ты хотел, чтобы мы приехали. Ты хотел, чтобы я приехала. Зачем? Почему я?

— А почему бы и нет?

Его ответ не укладывался в моем воспаленном мозгу. Я не могла избавиться от мысли, что он выбрал меня для какой-то жестокой извращенной игры.

— Я была счастлива! Я была счастлива от того, как я живу, как у меня все складывается.

— Неужели?

— Да! А ты все уничтожил! Почему? Что я тебе такого сделала?

— Он постоянно трахался на стороне.

— Ты лжешь!

— Он часто говорил, что ему нужно уехать из города, якобы по делам. Это все вранье.

— Неправда!

— Правда.

Вся злость куда-то ушла. От того, как быстро она испарилась, я почувствовала легкое головокружение. Ноги предательски дрожали, во всем теле ощущалась слабость. Если бы он меня не держал, я бы сейчас просто осела на пол.

Разве мог Стив мне изменять? Разве это могло происходить постоянно, а я об этом ничего не подозревала?

Он часто уезжал, останавливаясь на ночь в дешевых мотелях, и я понятия не имела, кого он встречал по дороге. Перед глазами мелькали беспокойные картины прокуренных баров и грудастых распущенных баб, которые торчали там до самого закрытия, а после шли с ним в номер.

Я гнала эти образы прочь, отказываясь смотреть, отказываясь видеть. Я знала Стива. Он бы никогда так со мной не поступил.

Джордан потянул за пояс моего халата и сбросил его с меня, так что я осталась только в откровенном купальнике. Он мямл мне грудь, пощипывал соски и кусал за шею. Он был слишком груб, причиняя мне боль, но я будто онемела и не замечала этого. Будь он мягким и сдержанным, я бы вообще ничего не почувствовала.

Он снял с меня верх от купальника, и я не сопротивлялась. Не было смысла. Я была слишком рассержена на Стива и в тот момент способна на любые безрассудства.

Мы вот-вот должны были заняться сексом, но это не казалось мне неправильным. Это напоминало автокатастрофу. Ты видишь, как неумолимо приближается другая машина,

остановить ее и избежать столкновения ты не можешь, поэтому тебе остается только ждать и молиться, чтобы твое состояние после аварии было не слишком тяжелым.

Он сорвал с меня трусики, схватил за бедра и вошел сзади. Я застонала, но не от мучительности происходящего, а от какой-то покорной обреченности. Я не хотела делать этого с ним, но и останавливаться тоже не хотела.

— Он тебя не заслуживает, — сказал Джордан в такт своим движениям.

Я с ним согласилась. Стив меня действительно не заслуживал.

Я уперлась ладонями в стену, а Джордан тем временем входил в меня снова и снова. Это было грубо и примитивно, но я была настолько сама не своя, что меня это несколько не волновало. Я воспринимала это как наказание, и в тот момент для меня это было странно необходимо.

Я брыкалась и отбивалась, но не потому, что надеялась, что он прекратит, а потому, что мне ужасно хотелось на ком-нибудь выместить свою злобу, а он был единственный, кто был рядом.

— Да, — выдохнул он, — сопротивляйся. Мне это нравится.

Я стала бить его еще сильнее, пока от него не увернулась или он сам меня отпустил. Он толкнул меня на кровать, и я потянула его за собой. Сплетясь в клубок из ног и рук, мы рухнули на матрас. Мы катались по нему до тех пор, пока Джордан не оказался сверху. Тогда он снова вошел в меня.

Он уставился на меня, лицо его было таким сосредоточенным, что мне стало не по себе. У меня никогда еще не было любовника, который бы так на мне концентрировался, словно я была самой экзотичной, самой прекрасной женщиной в мире. Я наслаждалась этим вниманием, с удовольствием чувствуя, как оно обволакивает меня и проникает внутрь, пока его тело билось в моем. Он очень умело довел меня до края и толкнул в бездну. Я выгнулась ему навстречу и закричала, крик этот шел из самой глубины моего естества. Он зажал мне рот рукой, чтобы нас никто не услышал.

И даже во время моего оргазма он не останавливался. Когда я достигла пика и снова рухнула вниз, он по-прежнему был тверд, неутомим и не сбавил темпа. Я потратила очень много энергии — не только на секс, но еще и на гнев, и на физические страдания, — поэтому сейчас мне просто хотелось свернуться клубочком, но он мне этого не позволял.

— Еще, — потребовал он. — Еще.

— Не могу.

— Ты должна. Для меня.

И он продолжал. Его сводящие с ума губы припали к моей груди, его умелые пальцы касались моего тела. В мгновение ока я снова оказалась на краю того же обрыва, и он опять опрокинул меня в пропасть. На этот раз он летел вместе со мной, но был очень сдержан. Такое впечатление, что он кончал так часто, что этот дикий всплеск чувств больше был над ним не властен.

Когда страсти улеглись, он задумчиво кивнул. Это выглядело очень высокомерно, словно я вела себя именно так, как он и ожидал, и ничем его не удивила.

Он отстранился от меня, хотя его эрекция все еще не прошла. Уверена, что если бы я дала ему понять, что все еще в состоянии, он бы тут же довел меня и до третьего оргазма, который бы определенно меня убил. Я была раздавлена, все тело налилось от такого сокрушительного напора, мною овладевали то апатия, то ужас, и я не смогла бы это все повторить, предложи он мне хоть миллион долларов.

Он повернул меня на бок и привлек к себе, проводя рукой по волосам, по плечу, по спине.

— Мне так плохо, — едва слышно произнесла я, не в силах подавить в себе ту боль, которая пришла на смену гневу.

— Я знаю.

— Что будет, когда...

Мне нужно было выговориться, а он меня прервал.

— Ни слова. Просто отдохни. Уже очень поздно.

— Но что мне делать?

— Тебе необязательно что-то решать сию секунду.

Да, необязательно. Можно немного подремать, а потом проснуться и принять решение на свежую голову. Это было так, словно сегодня я умерла, а на следующее утро должна была воскреснуть, но уже совершенно другим человеком, чья новая жизнь и отдаленно не напоминала прежнюю.

Как могли какие-то несколько часов так кардинально все изменить?

Я закрыла глаза и уснула.

Когда я проснулась, на улице уже рассвело. В доме было тихо. Я была бережно укутана в одеяла и понятия не имела, сколько сейчас времени. В окне виднелось серое небо. По стеклу бежали капли, но ветра слышно не было, значит, буря начала стихать.

Я выпрямилась и вытянула ноги, что тут же отдалось болью во всех мышцах. У меня болело все тело и раскалывалась голова, словно с похмелья, хотя я почти ничего не пила прошлой ночью.

Я огляделась и с облегчением отметила, что Джордана рядом нет. Мы с ним обменялись всего парой фраз, прежде чем заняться сексом, и я еще не решила, как на это реагировать. Я не испытывала стыда, хотя, наверное, должна была бы, но мне определенно было любопытно, что мы скажем друг другу наутро.

Интересно, где же сейчас Стив и догадывается ли он о том, что произошло между мной и Джорданом? Надеюсь, что нет. Я не могла найти оправдание своим поступкам и не хотела ничего объяснять.

На часах было больше двух, я застонала и поднялась, несмотря на то, как протестовало мое тело, когда я натягивала на него халат. Части купальника были разбросаны по полу — прямое и унижительное напоминание о моей глупости. Я запихнула их в карман: мне совершенно не хотелось к ним притрагиваться, но еще меньше хотелось, чтобы кто-то на них наткнулся.

Я поплелась в ванную и долго стояла под горячим душем. После душа не хотелось надевать на чистое тело тот самый халат, поэтому в шкафу я нашла другой. Пора было пожинать плоды прошлой ночи — я не могла вечно прятать голову в песок. На цыпочках я выскользнула в коридор и стала спускаться вниз, осторожно ступая, словно шла по минному полю. У меня были основания соблюдать осторожность. Кто знает, что я там увижу?

В гостиной было полно свидетельств вчерашней вечеринки. Повсюду были раскиданы пустые пивные банки и переполненные пепельницы, но бесчувственных тел не наблюдалось. В огромном окне виднелся далекий океан и значительная часть береговой линии. Отвесные скалы уходили далеко в воду, и волны разбивались о камни.

В любой другой день я была бы очарована увиденным и обязательно остановилась, чтобы полюбоваться видом, но в тот момент я была слишком подавлена, чтобы обращать на это внимание. Я прошла дальше на кухню и там в прямом смысле слова столкнулась с горничной, которая несла мусорное ведро и тряпку.

От неожиданности я подпрыгнула.

— Извините, — сказала она с улыбкой. — Я заметила машину снаружи, но в доме было так тихо, и я решила, что здесь уже никого нет.

— Я только лишь хотела приготовить себе кофе.

— Я уже приготовила. Угощайтесь.

— Спасибо.

Я пошатываясь вошла на кухню, попросила себе чашку и села за стол, попивая кофе и обдумывая дальнейшие действия. Джордана мне видеть не хотелось, да и злость на Стива, с которым предстояло выяснить отношения, значительно притупилась. Если бы сюда сейчас вошла Кимберли, меня бы просто стошнило.

Мне жутко хотелось отсюда сбежать, а поскольку все, похоже, спали, то момент, чтобы

улизнуть, был самым подходящим. Я поспешила было к ступенькам, но тут горничная меня остановила.

— Я должна была все здесь закрыть, — пояснила она. — Но если вы здесь остаетесь, я могу прийти завтра.

— А какие указания на этот счет дал вам мистер Блэр?

— Он велел запереть дом, но сейчас он уехал, а вы здесь, и я даже не знаю, как бы он хотел, чтобы я поступила.

— Он уехал?

— У него намечены какие-то дела на сегодняшнее утро.

— А я думала, что дорога перекрыта.

— По радио передавали, что уже все в порядке. Там всего одна полоса, но проехать можно.

Получается, он покинул дом, оставив нас — двух незнакомцев и, наверное, еще Кимберли, — бродить здесь в одиночку. Блэр — больной. Желание свалить становилось все сильнее.

— Мне нужно ехать, — сообщила я ей. — Здесь вы найдете еще двоих. По крайней мере, я думаю, что найдете. И я не знаю, что вам делать с домом — запирать его или нет.

— Без проблем. — Он была совершенно невозмутима, словно наводит порядок в комнате с бесчувственными гостями было для нее делом привычным. Она окинула взглядом царящий беспорядок. — Я здесь еще некоторое время побуду, а потом выясню, как мне быть.

Я оставила горничную, а сама поднялась по ступенькам. Я заглядывала в каждую дверь, будучи абсолютно уверенной, что обнаружу за одной из них Кимберли и Стива, мирно спящих в обнимку. Все кровати были разворошены, простыни скомканы, как будто они успели побывать везде, но Кимберли нигде не было. Думаю, она все же уехала вместе с Джорданом.

В одной из комнат — не в той, которую нам выделили, — я обнаружила храпящего голого Стива, после чего сразу бросилась в нашу. Кто-то уже свернул мои джинсы и футболку и уложил их аккуратной стопочкой на стуле. Я оделась, накинула пиджак и тут с содроганием обнаружила ключи от машины, словно они все время там и лежали. Меня захлестнула новая волна ужаса, и я пулей вылетела наружу.

На какую-то долю секунды промелькнула мысль наорать на Стива, заставить его вытащить из постели свой зад и уехать со мной, но я просто была не в состоянии этого сделать. До Портленда было два часа езды — я бы не смогла находиться все это время рядом с ним в замкнутом пространстве. Это закончилось бы плачевно.

Что мы будем друг другу говорить? Будем ли мы всю дорогу делать вид, что у него с Кимберли ничего не было? Будем ли обсуждать все те «командировочные измены», о которых он рассказал Джордану? Или же он признает, что секс с Кимберли у него все же был и посвятит меня во все подробности? Но скорее всего, мы оба будем всю дорогу напряженно молчать, а об этом мне даже думать было страшно.

В гостиной прибирала горничная.

— Быстро же вы, — сказала она, увидев, что я уже одета.

— Я уезжаю, — сообщила я ей. — Но там еще остался один парень. Зовут его Стив. Если он проснется, скажите ему, что Мэг, то есть я, взяла машину и поехала назад в Портленд.

— Конечно.

С моей стороны было подленько вот так его здесь бросать, но я была рассержена и шокирована, поэтому меня не волновало, как он попадет домой и попадет ли вообще.

Я вышла под дождь, с облегчением отметив, что машина Стива по-прежнему стоит на дорожке. Во мне жил какой-то безотчетный страх, что она могла испариться или что весь окружающий мир мог исчезнуть. Эта ночь была ночью абсурда. Как после нее что-то могло оставаться незыблемым?

Я уставилась на дом — наконец-то у меня появилась возможность по-настоящему его разглядеть. Удивительно, насколько нормальным и безобидным он выглядел. Это было всего лишь здание с каменными дымоходами, большими окнами и дорогим ландшафтным дизайном. Оно не излучало отрицательной энергии. Хотя, едва войдя туда, я попала в атмосферу порока, словно сами стены толкали меня на то, что я делала.

Мне нужно было свалить вину на дом, потому что я отказывалась признать, что участвовала во всем этом по собственной воле. Да, Стив вел себя ужасно, но я не лучше. Нам обоим нет оправдания.

Я вытащила из кармана ключи, и вместе с ними выпал клочок бумаги. Это была записка от Джордана, в ней было несколько контактных номеров и инициалы внизу. Я была в шоке.

Меня передернуло, стоило только представить, как он пишет записку, ищет мой пиджак и кладет ее в карман. Неужели он действительно думал, что я с ним свяжусь? С чего бы это? Или он рассчитывал на секс в будущем?

Скорее всего да, ведь он мужчина. Должно быть, ему понравилось все, что между нами было. Я же, в свою очередь, чувствовала себя крайне неловко.

Наша близость была слишком агрессивной, слишком грубой, но, тем не менее, я получила от этого удовольствие. Его поведение нашло отклик в какой-то неведомой грани моего женского естества, которой нравилось, когда он силой заставлял меня подчиняться. Что бы это значило?

Ответ меня пугал.

Я скомкала записку и выбросила в кусты, затем завела машину и помчалась прочь. Дорога петляла на спуске и уходила к основной трассе. Через несколько минут я была уже в отеле.

Запахнула вещи в чемодан, в том числе и вещи Стива, хотя могла бы поступить как полная сука и этого не делать, выписалась и отчалила. Через пару часов я была в нашей квартире, попивала скотч и дымила сигаретой. Вообще-то я не курила, но один из друзей Стива как-то забыл пачку, и это показалось мне самым подходящим способом убить время, пока он позвонит или вползет в дверь, как мерзкое пресмыкающееся, которым он и являлся.

Я осмотрелась — взгляд наткнулся на обвисший транспарант с надписью «С годовщиной!», прилепленный лентой. Стив купил его еще до того, как мы отправились отдыхать на побережье. Здесь же стоял увядший букет, оплывшие свечи и грязная посуда после романтического ужина. Все это казалось насмешкой, напоминанием о том, что я потеряла.

Я была бы рада покинуть это место, но куда мне идти? У меня не было семьи, которая могла бы меня поддержать. Родители от меня отказались, и меня воспитывала престарелая тетюшка, которая вот уже много лет как отдала Богу душу. У меня не было братьев или сестер — ни родных, ни двоюродных. Кое-какие друзья... но этих людей я знала через Стива, поэтому они были скорее его друзьями, нежели моими. Конечно, в ресторане со мной работало много людей, но я не собиралась навязываться. Обстоятельства складывались не

самым лучшим образом.

Зарплату дадут только в следующую пятницу, а денег негусто. Поэтому нечего было рассчитывать найти новое жилье.

Формально квартира и мебель принадлежали Стиву. Когда мы начали встречаться, я переехала к нему, взяв с собой только личные вещи: одежду, книги и компакт-диски. В случае разрыва я должна была уйти, и от мысли, что приходится от всего этого отказаться, я чувствовала себя разбитой и потерянной. Ничего в голову не приходило. Меня раздирали противоречия, и я не могла толком все обдумать.

В дверь легонько постучали. Я открыла и увидела на пороге нашу соседку Мэри. Мы вместе снимали верхний этаж старого реконструированного полуразваленного дома. Она широко улыбалась и, судя по всему, была рада меня видеть. Во время ее последнего визита мы со Стивом смеялись и шутили, готовясь к нашей поездке на уик-энд.

— А я увидела в окнах свет. — Она легко впорхнула, как делала это всегда, даже не догадываясь, что что-то неладно. — Как прошла поездка? Много цветов и романтики?

— Вообще-то романтикой это сложно назвать, — проворчала я.

— Что случилось? У Стива все нормально?

— Он в порядке. Я так думаю. — И тут, к моему ужасу, на глаза навернулись слезы, я попыталась сдержать их, закрыв лицо руками. — Черт, все так хреново!

— Ты о чем?

Она усадила меня на диван, и я рассказала то, что можно было рассказать из этой грязной истории. Конечно же, я умолчала о собственных прегрешениях. Я не собиралась рассказывать о том, что произошло между мной и Джорданом.

— Неужели Стив мог так поступить? — Как я и предполагала, она была поражена. — Не могу в это поверить.

— И я не могу. Это было... абсурдно, словно в его тело вселились пришельцы.

— Где он сейчас?

— Оставила его там.

— Да ладно!

— Да, оставила. Он был в отключке, и я решила: да пошел он!

— Но... но... как же он доберется домой?

— Понятия не имею.

— Господи, Мэг! Жестко же ты с ним обошлась.

— Знаю, но я в тот момент была просто в бешенстве.

Она тоже налила себе виски и закурила. Мы курили и пили молча. Наконец она спросила:

— Что ты теперь будешь делать? Порвешь с ним?

Она пробежала взглядом по комнате, пытаясь представить ее без моих немногочисленных пожитков, распиханных по полкам и ящикам.

— А ты бы не порвала?

— Даже не знаю. Он такой классный парень. Я вообще не понимаю, как такое могло случиться.

— Думаешь, я понимаю? Этот Джордан Блэр заявил, будто Стив похвалялся, что он постоянно с кем-то трахается за моей спиной, когда его не бывает в городе.

Она нахмурилась.

— Этого не может быть.

Как раз в этот момент на лестнице послышались шаги Стива, и она поднялась.

— Послушай сначала, что он тебе скажет, — велела она. — Не принимай никаких решений, пока ты в таком состоянии.

— Хорошо, не буду.

Она выскочила и успела забежать к себе, когда он нетвердой походкой вошел в двери. Я осталась сидеть на диване. Злость во мне бурлила и выплескивалась наружу, но, глядя на его потрепанный вид, вулкан во мне слегка поостыл. Пальто на нем промокло насквозь, волосы и ботинки тоже — как доказательство того, что поймать машину оказалось слегка проблематично. Глаза были налиты кровью, кожа мертвенно-бледная, руки тряслись. Выглядел он хреново и явно страдал от тягчайшего во всей истории человечества похмелья.

— Не говори ни слова, — прошипел он и рванул в ванную, где кинулся к унитазу и начал блевать. Судя по доносившимся звукам, продолжалось это довольно долго. Я даже удивилась, как это он еще не сдох, но он определенно был жив. И метался, как разъяренный слон.

Казалось, я просидела так целую вечность, но проверить, что с ним, не пошла. В конце концов я устроилась поудобнее на подушках, натянула на себя плед и уснула. В какой-то момент я краем сознания отметила, как он ввалился в спальню и рухнул на постель.

Наутро, когда я проснулась, пора было собираться на работу. Я приняла душ, оделась и выскользнула из квартиры. Конечно, нужно было с ним поговорить, но я не в силах была вынести скандала, который несомненно бы последовал. К тому же мое собственное поведение было крайне сомнительным, поэтому морального превосходства я не чувствовала.

Избрав трусливую тактику увиливания, я всего лишь оттягивала неминуемое столкновение, но сейчас такая отсрочка была необходима.

Когда я притащилась в ресторан и прошла на кухню, то обнаружила там Джеффри, своего напарника по части приготовления десертов, который работал не покладая рук. В свои тридцать он был коротеньким и плотненьким, с вьющимися каштановыми волосами и в очках. Он любил одежду, вино, процесс готовки и других мужчин. Он был явным геем и никогда этого не скрывал.

Наверное, у меня был вид человека, мучившегося похмельем, потому что он взглянул на меня и нахмурился.

— Что с тобой случилось?

— В смысле?

— Дорогуша, тебя что, стадо гусей щипало?

Я невесело рассмеялась. Эта фраза очень точно описывала мое теперешнее состояние. Болело все. Даже вены. Представить не могла, как продержусь на работе весь день, каких усилий будет стоять испечь что-нибудь хоть отдаленно съедобное. Надев передник и колпак, постаралась вспомнить хотя бы самые простые рецепты, но серое вещество упорно отказывалось работать. Ничего не оставалось, как просто смириться с тем, что сегодня от меня одни напасти.

Я кое-как смешивала и взбалтывала. Джеффри то и дело отпускал колкости по поводу того, что я забывала украсить тарелку или установить таймер. Время от времени хлопала задняя дверь, и я всякий раз вздрагивала в уверенности, что это Стив приполз на коленях извиняться, но тот так и не появился.

Под конец рабочего дня на кухню влетела сияющая Пэм Оуэн, владелица ресторана, мое непосредственное начальство.

Как у всякого коренного жителя Портленда, у нее было развито общественное самосознание, она никогда не оставалась в стороне и пользовалась всеобщим уважением за свою энергичность и богатство идей. Она во всем стремилась приходить к консенсусу. Даже определяя, в какое время каждый из нас будет выходить на перерыв, она устраивала коллективное обсуждение, и большинством голосов принималось справедливое решение.

Именно ей пришла в голову идея с печально известным календарем, на котором я была запечатлена и который создавался с целью собрать средства на благотворительность, а именно на ее любимую детскую больницу. Фото потянуло за собой статьи в «Орегониан» и ряде других сомнительных газет и журналов.

Я была на июньской страничке, в месяце невест. В комментарии к картинке я значилась как «Мисс Июнь». Меня почти не было видно за гигантским свадебным тортом. Выглядывала только голова с кокетливым поварским колпаком, голая рука и нога, отчего и казалось, что я снимаюсь обнаженной, хотя это было не так. Фотограф делал снимки в своей студии, я позировала в шортах и майке. Это уже потом он смонтировал картинку, чтобы казалось, будто я прячусь за тортом.

Немного глазури на пальце, голова откинута (я делала вид, что ем ее), виднеется розовый кончик языка... Получалось, будто я в сексуальном экстазе облизываю палец.

Эротический подтекст был уж слишком явным. Лицо походило на карикатуру, карие глаза были больше и ярче, чем на самом деле. Я выглядела как обнаженная маленькая девочка — извращенцы во всем городе были просто в восторге.

— У меня чудесные новости, — выпалила Пэм. — В жизни не угадаешь!

— Не угадаю что?

— Мы продали тысячу копий благотворительного календаря.

— Тысячу? Но он же только поступил в продажу.

— Их выкупил один из наших благотворителей.

Я совершенно не представляла, зачем это могло кому-то понадобиться.

— И кто же это?

Она придвинулась ко мне ближе и прошептала на ухо, словно это была военная тайна:

— Конечно, я не должна говорить... но это Джордан Блэр.

Ложка вывалилась из моих рук и упала на пол, разбрызгивая тесто. Я постаралась привести мысли в порядок, пока нарочито медленно за ней нагибалась.

Короче, я сделала вид, что не знаю, о ком речь.

— Джордан Блэр? А кто это?

— Неужели ты о нем никогда не слышала?

— Нет.

— Это один из почетных жителей Портленда. Познакомилась с ним много лет назад через его жену.

«Так этот мерзавец еще и женат? На Кимберли?»

— Его жену?

— Да, она раньше состояла вместе со мной в совете директоров, но бедняжка утонула в том ужасном лодочном происшествии. Она была крайне милой молоденькой женщиной.

— Так он вдовец?

— О да. Несчастный так и не оправился после ее смерти, поэтому держится немного отстраненно и живет затворником, но его можно понять, не так ли?

— Но зачем ему могли понадобиться все эти календари?

— Кто знает? — рассмеялась она. — Он богат как Крез. Может, он растапливает ими камин в своем пентхаусе.

— Может быть, — согласилась я с деланным равнодушием.

Я застыла. Казалось, температура в печках упала градусов на сто. На секунду по коже пробежал холод.

По телевизору копы настаивают на том, что совпадений не бывает. Я позировала в рискованной позе для двусмысленного снимка. Моя встреча с Джорданом Блэром была замешана на сексе и опасности. И вот он покупает тысячу экземпляров календаря по двадцать долларов каждый.

«Он не знал, что там я, — твердила я себе. — Откуда он мог узнать?»

Я взяла чистую ложку и принялась размешивать дальше.

Я работала допоздна, оттягивая, насколько возможно, встречу со Стивом. Когда я отметилась в журнале прихода-ухода и вышла через заднюю дверь на улицу, он ждал меня на стоянке. Стив стоял, опершись о машину Пэм, подняв воротник и засунув руки в карманы.

Какое-то время мы неотрывно смотрели друг на друга, при этом во взглядах сквозили попеременно и злость, и раскаяние. Мое бешенство наконец-то докатилось до него, и он правильно оценил мой настрой.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Да неужели?

— Я вел себя как последний мудака.

— Да нет, ты не просто мудака. Ты опустился до такого уровня скотства, который мне сложно даже описать.

— Я совершил ошибку.

— Ошибку?

Я подошла к нему вплотную. На улице было темно и туманно, но над нами горел уличный фонарь, и я хотела быть как можно ближе к Стиву, чтобы заглянуть ему в глаза и понять, врет он или нет.

— Я была в гостинной! И я видела, как она у тебя сосет!

— Я не знал, — пробормотал он с виноватым видом.

— Блэр был рад и счастлив рассказать мне о том, как ты трахаешь все, что движется, при каждой удобной возможности. Он заявил, что ты этим хвастал.

Стив вздрогнул, словно от удара. Но несмотря на то, что я очень старалась, я так и не смогла понять, был ли он расстроен из-за того, что Джордан проговорился, или из-за того, что на самом деле ничего подобного он не рассказывал. Хотя с другой стороны, зачем Джордану Блэру выдумывать такую чудовищную небылицу, зная, как сильно это меня заденет?

— Мэг, я тебе не изменяю. Это неправда.

— После того, что я видела, ты думаешь, я тебе поверю?

Я решительно зашагала прочь, гадая, куда же мне идти, и понимая, что есть только одно место — наша квартира. Или можно остаться у Мэри. Наши жизни настолько тесно переплелись, что напоминали две пряди веревки.

— Мэг, — позвал он с отчаянием в голосе, — не бросай меня из-за этого.

Сама того не желая, я остановилась и выпалила:

— А почему бы и нет?

— Потому что я тебя люблю и не перенесу этого.

Он выглядел как побитая собака, такой грустный и несчастный. Мне было сложно продолжать злиться на него. Он всегда был так мил со мной, и сейчас ему было так чертовски жаль. Как же я могла злиться, если он весь сочился раскаянием?

Ах, если бы только я была умнее или мудрее! Такие напасти случаются с женщинами постоянно, и я, помнится, говорила, что, если это случится со мной, я буду непоколебима. Но сейчас не могла решить, как поступить. В свете моих выходок с Джорданом разве я сама не заслуживала порицания? Кто бросит первый камень? Не я.

— Я был пьян, — сказал он.

— Ты думаешь, тебя это извиняет?

— Нет.

— К тому же когда все начиналось, ты был еще трезвый.

— Да, был.

— Тогда... почему?

Он неопределенно пожал плечами, затрудняясь объяснить этот грязный эпизод словами.

— Весь мой здравый смысл куда-то улетучился. В тот момент я не видел никаких причин, почему бы мне не делать всего, что заблагорассудится.

Я развернулась, чтобы идти прочь, как тут он схватил меня за руку.

— Просто приходи домой, — взмолился он. — Приходи домой и немного со мной поговори.

Было девять вечера. Я смотрела на темную улицу, морозящий дождь, несущиеся мимо машины. Я могла пойти с ним или сама, но все равно пришла бы в одно-единственное место.

Наверное, я самая большая дура из всех. В течение некоторого намеренно затянутого промежутка времени я пристально его изучала, после чего потребовала:

— Пообещай мне, что такое больше никогда не повторится.

— Обещаю.

Я ему не поверила.

Такое, значит, у нас будущее? Он рассказывает мне сказки, а я извожу себя сомнениями?

Я чувствовала, что все безвозвратно испорчено, наши отношения будет подтачивать червь обмана и измены.

Я вздохнула и двинулась по направлению к нашему дому. Я позволила ногам самим сделать выбор, так как умом и сердцем я на это решиться не могла. Еле добрела до двери в подъезд, поднялась по лестнице — и сразу в ванную, принять душ и переодеться.

Весь вечер слушала музыку и смотрела телевизор; Стив был предельно осмотрителен, внимателен и... всячески меня избегал. Я была бомбой с часовым механизмом: одно неосторожное движение — и взрыв. Мы кое-как перекантовались эти томительные несколько часов, а потом я улизнула спать, не пожелав спокойной ночи. Он долго выжидал, прежде чем последовать за мной. В конце концов он уснул, зато у меня сна — ни в одном глазу.

Я лежала, уставившись в потолок, и размышляла о Стиве с Кимберли, о том, что мы никогда уже не будем такими же, как прежде. Я думала о том, как Джордан Блэр пожертвовал Пэм на ее благотворительность, купив те календари.

Стив встал рано, потоптался немного по дому и свалил. Как только я услышала шум стартера, тут же подкралась к окну и проследила за тем, как он отъезжает. Стоило зайти на кухню, как я сразу увидела, что он оставил для меня на столе записку: «Если надумаешь уходить, пожалуйста, позвони мне».

Он уехал на работу, воображая, что я тут в его отсутствие быстренько соберу чемоданы и смоюсь. Стив надеялся, что этого не произойдет, но все же не смог поговорить со мной, чтобы окончательно убедить меня остаться.

Чего я хочу? Что мне делать?

Я сварила кофе, отхлебнула глоток и окинула взглядом окрестности. Вот Мэри бежит к автобусной остановке. Сквозь деревья просматривается неброская вывеска ресторана

«Моцарт», расположенного дальше по улице.

Я могу все это сберечь, а могу отшвырнуть.

На полном автомате, как робот я двинула в ванную, потом натянула форму шеф-повара. Затем, мысленно схватив себя за шкуру, потащила на кухню и взяла ручку. Под посланием Стива я приписала: «Буду около восьми».

Похоже, я остаюсь.

Первые пару недель приходилось тяжело, но со временем мы приспособились. Мы не упоминали Кимберли или Джордана Блэра. Я и сама перестала задумываться о Блэре и о той опасной искорке, которую он во мне зажег. Мы также обходили стороной тему случайного знакомства в баре с этой парочкой и уж тем более молчали о том, насколько Стиву нравились все пикантные проделки Кимберли.

Стив был внимателен как никогда, я тоже отличалась покладистостью, стараясь успокоить мучившую меня совесть и не замечать терзающих сомнений по поводу принятого решения. Я совершила то, что всегда ненавидела в других женщинах: пошла по более легкому пути, побоявшись перемен. Я была слишком труслива, чтобы настоять на своем, броситься с головой в омут неизвестности, расстаться со всем тем, что для меня что-то значило.

Теперь мир вокруг казался еще серее, чем раньше, но я по-прежнему ничего не предпринимала. Зато постоянно копалась в себе и была недовольна тем, как поступаю. Поэтому предложение Пэм поехать с ней в курортный городок Сент-Ривер стало для меня настоящим спасением.

Городок располагался в нескольких часах езды к юго-востоку от Портленда в Каскадных горах. Лично я там никогда не была, но Пэм навещала часто: зимой покататься на лыжах, а летом поиграть в гольф. Она как раз подумывала об организации второго ресторана и хотела осмотреть сдаваемые в аренду помещения. Ей нужно было посоветоваться с кем-то по поводу кухни, а поскольку кроме Джеффри я была единственным поваром, не обремененным семейными обязанностями, то она выбрала меня в сопровождающие.

Мы выехали во вторник, намереваясь в среду осмотреть возможные варианты, чтобы в четверг вернуться в Портленд. Я ждала ее возле нашего дома, стоя у обочины. Когда она подъехала, я помахала на прощание Стиву, который выглядывал из окна второго этажа. Он помахал в ответ, и я изобразила на лице улыбку. Напряжение, возникшее между нами, так и не спало, и я была рада уехать. Пусть на три дня, хотя лучше бы...

Пэм была веселым и интересным человеком, поэтому поездка в горы складывалась очень душевно. Она забронировала комнаты в основном здании гостиничного комплекса, который оказался гораздо более респектабельным, чем я ожидала. Постояльцы здесь были сплошь богатые и пресыщенные жизнью, но, к счастью, дресс-код отсутствовал, поэтому я не слишком выделялась со своим дорожным гардеробом.

Мы поселились в комнатах, расположенных друг напротив друга. Пэм звала меня побродить и поосмотреться, посетить массажиста или, скажем, поплавать, но меня и без того переполняли эмоции от увиденного. Поэтому я ограничилась выпивкой в баре перед тем, как присоединиться к ней за ужином.

Нам принесли прекрасную еду, и мы с Пэм пытались подобрать рецепт каждому блюду. Под конец, когда мы уже допивали кофе, она подняла взгляд и расцвела в улыбке.

— О, кого я здесь вижу! Мэг, тебя ждет приятный сюрприз!

У нее повсюду были знакомые, поэтому я повернулась на стуле, чтобы посмотреть, кого

она повстречала на этот раз. Когда я увидела Джордана Блэра, следующего за метрдотелем, думала, у меня остановится сердце.

По всей видимости, он нас заметил не сразу, а мне больше всего хотелось, чтобы не заметил вообще. Пэм всячески старалась привлечь его внимание, в то время как я еле сдерживалась, чтобы не сползти под стол. Мои щеки горели, руки тряслись, а мозг лихорадочно перебирал, что же ему сказать.

— Привет, Джордан, — поздоровалась Пэм, когда он наконец к нам подошел.

— Привет, Пэм, — ответил он тепло, словно они были давними друзьями, а если верить Пэм, так оно и было. — Какими судьбами в Сент-Ривер?

— Да вот приехала на разведку, ищу место для ресторана.

— До меня дошли слухи. Свяжись со мной, как только понадобятся инвесторы.

— Непременно. — Она была в восторге от его предложения. — Ну а сам? Что ты здесь делаешь глубокой зимой?

— Приехал на лыжах покататься.

— Везет же! А некоторым нужно вкалывать, чтобы зарабатывать на жизнь.

— А некоторым не нужно.

И оба рассмеялись, словно то, что она работает, а он — нет, было их личной, внутренней шуткой.

С наигранной непринужденностью он перевел взгляд на меня и спросил:

— Кто твоя прелестная спутница?

— Это мой главный шеф-повар по десертам, Мэг Уайт.

— Здравствуйте, Мэг.

— Здравствуйте.

Интересно, было сильно заметно, как я напугана? Если он сейчас хоть словом обмолвится о своем пляжном домике или той злосчастной вечеринке или же вскользь заметит, что нам раньше доводилось встречаться, я его просто убью.

— По-моему, я пробовал ваши десерты, — заявил он.

— Конечно, пробовал, — подтвердила Пэм. — Когда ты был у нас в прошлом месяце, мы специально заказали для тебя суфле, помнишь?

— Помню.

Он выдержал вежливую паузу, после чего добавил:

— Мэг, вы весьма виртуозны.

Что он имел в виду? Была ли в его словах сексуальная подоплека? Он специально меня дразнит? Или это он так заигрывает? Или же это не значит ровным счетом ничего, кроме как то, что он был в «Моцарте» и пробовал мое суфле?

— Спасибо, — промямлила я, как полная дура.

— Ладно, не будем тебя задерживать. — Пэм махнула ему: мол, можешь идти.

— Был рад встрече.

И он пошел дальше по проходу.

Остальную часть ужина я не помню. Столик Джордана находился неподалеку, он обедал в компании двух мужчин. Его присутствие сильно меня смущало и отвлекало. Даже видя только его спину, я не могла избавиться от чувства, что он полностью сосредоточен на мне.

После ужина мы с Пэм зашли в бар и взяли бренди, в то время как он все еще оставался в ресторане. Нас усадили таким образом, что, когда он сидел прямо, получалось так, что мы

смотрим друг на друга. Я все время извивалась, пытаюсь укрыться от его взгляда, а Пэм, похоже, даже не замечала, в каком смятении я нахожусь.

Пэм хотела выпить еще по одной, но я сослалась на усталость и ушла к себе. В мое отсутствие кто-то подsunул под дверь записку. Просто листок с символикой отеля, пачка которых есть в каждом номере. Послание было кратким: номер комнаты и слово «полночь». Вместо подписи — инициал «Дж».

С того самого момента, как Джордан столкнулся с нами в ресторане, он никуда не отлучался, но каким же образом и когда записка оказалась под дверью? Должно быть, он знал еще до того, как мы спустились к ужину, что я остановилась в этом отеле. Но откуда? Как он об этом узнал?

Может, он совершенно случайно увидел меня в вестибюле, когда мы регистрировались? Или все было продумано заранее? Вероятно, он как-то узнал, что я приеду в Сент-Ривер вместе с Пэм... Если так, то он явился сюда специально, чтобы со мной встретиться... что он и сделал. Но с какой целью?

Когда в пляжном домике он оставил свои контактные номера, то наверняка ожидал, что я позвоню. Лестно, что мной заинтересовался такой мужчина — богатый, изысканный, зрелый, — но я не знала, как на это реагировать. Вот и сейчас я мерила комнату шагами, пытаюсь решить, что же делать.

Я была заинтригована сильнее, чем сама от себя ожидала. Отважусь ли я прийти к нему? Он хочет встретиться только ради секса. Это не тот человек, который станет тратить время на пустые разговоры или просмотр телепередач, а значит, никаких других причин приглашать у него нет.

В голове промелькнул образ Стива и вся моя жизнь в Портленде, но сейчас это казалось таким далеким. Еще недавно я была так несчастна: отношения со Стивом утомляли и разочаровывали, работа казалась рутинной, друзья — занудами.

Здесь, на курорте, казалось, я стала другим человеком или, по крайней мере, играю какую-то новую роль. Прежняя жизнь словно перестала существовать либо просто была отодвинута в сторону. Здесь можно было делать все, что угодно, не боясь последствий, но могла ли я? Стоило ли это делать?

Было начало десятого, до полуночи оставалось три часа. Я была в полном замешательстве, голос разума кричал: «Веди себя пристойно!» — но с приближением ночи все меньше хотелось к нему прислушиваться. Чем больше аргументов, почему следует остаться в номере, приходило в голову, тем сильнее мне хотелось пойти.

Минуты тянулись страшно медленно. Когда время подошло, я решила, что никуда не пойду. Порывшись в ящике стола, выудила план гостиницы. Его номер находился на верхнем этаже в другом крыле, окна которого смотрели на горы. Увидев, какое расстояние нас разделяет, стало легче.

Я сидела на кровати и смотрела, как красные цифры на циферблате показывают 12:00, затем 12:05, затем 12:15. Я выключила свет и легла. Сердце бешено колотилось, и было ужасно грустно, словно я отказалась от чего-то важного, но я не позволяла себе сожалеть или раскаиваться.

В полудреме я услышала тихий стук в дверь, такой слабый, на самом пороге слуха. Даже не пошевелилась, пока не постучали снова.

Я встала и пошла открывать.

Едва он вошел, жестом приказала соблюдать тишину. Не знала, спит ли Пэм, но не хотелось, чтобы она слышала, что ко мне кто-то зашел. Еще меньше хотелось, чтобы она выглянула и обнаружила, что это мужчина и к тому же Джордан Блэр. Не знала, как она к этому отнесется, а объясняться не входило в мои планы.

Мы стояли в тесной прихожей, оценивая друг друга. Я была очень насторожена, да и себе не доверяла. В его присутствии весь мой здравый смысл куда-то улетучивался, а если вспомнить, как искушал он меня до этого, то становилось страшно от перспектив.

Он был в джинсах и рубашке на пуговицах. Закатанные рукава демонстрировали сильные руки, умелые пальцы. Я старалась не замечать, как сексуально он выглядит, и уж тем более не вспоминать сказочные прикосновения этих пальцев.

— Откуда ты узнал, что я нахожусь в Сент-Ривер?

Прежде чем все пойдет слишком далеко, я должна была услышать ответ.

— А разве это имеет значение?

Имеет ли? Пожалуй, да, если он приехал специально, чтобы встретиться. И мне было важно знать зачем.

— Зачем ты купил все эти календари?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Какие календари?

— Календари! Календари! Ты же купил тысячу экземпляров.

— Я не знаю, о чем ты.

— Лжешь.

На самом деле я понятия не имела, лжет он или нет, но мне нравилось его обвинять.

Тут он резко переменял тему, переходя в нападение.

— Ты так мне и не позвонила.

Я крайне удивилась, узнав, что его это действительно задело. С его привлекательностью он явно пользовался успехом у женщин. Скорее всего, он ни разу не сталкивался с барышней, которая не ответила бы ему взаимностью. Возможно, я стала первой. Вдруг это и сделало меня такой желанной? Получается, будто я бросила вызов?

— Да, не позвонила.

— Почему?

Я рассмеялась в ответ.

— Я и не думала, что ты это всерьез. Мне и в голову не пришло, что тебе захочется снова меня увидеть. Просто не знаю зачем.

— Ты на самом деле не знаешь?

— Не знаю.

Обхватив мое лицо ладонями, он поцеловал меня. Это было очень сладко, очень нежно и от этого стало щекотно внутри.

— Давай я тебе покажу.

Он зажег все лампы, так что комната залилась светом, и повел меня к кровати. Я соорудила что-то вроде пижамы из вещей, которые взяла в дорогу: на мне были старые спортивные штаны и футболка Стива. Рывком он стащил с меня футболку, затем развязал

пшнурок на поясе штанов и стянул и их.

Всего несколько секунд — и я без одежды.

Он опустил меня на кровать, так что спина оказалась на матрасе, а ноги свисали с края, вклинился между моих бедер и слегка приподнял, так что все интимные части оказались видны. Я никогда не считала себя ханжой, но это было уж слишком быстро.

Я постаралась свести ноги, но не смогла его отодвинуть.

— Ты прекрасна, Мэг, — прошептал он.

— Нет.

Я испытывала потребность возражать, хотя в глубине души была в восторге.

— Да!

Он сказал это таким тоном, что желания спорить уже не возникало.

Он принялся работать языком. Так искусно, что я забыла, как секунду назад стеснялась своей наготы. У меня и в мыслях не было сопротивляться, но тут на самом интересном месте он остановился и припал к моему животу, двигаясь вверх, к соскам. Он впивался в меня и посасывал, дразнил и пощипывал, и вся эта прелюдия была полна мучительного предвкушения.

— Пожалуйста! — выдавила я из себя, умоляя его ускориться, но ему доставляло удовольствие растягивать процесс.

— Я сам буду задавать темп, — заявил он. — Ты кончишь, когда я решу, что уже пора.

— Позволь мне! — воскликнула я, выгибаясь всем телом, отчаянно желая шагнуть за грань.

— Нет.

— Джордан!

— Раньше ты спала только с мальчишками. Нужно усвоить пару уроков того, как вести себя со взрослым мужчиной.

И он начал заново, опускаясь вниз, чтобы снова довести меня до исступления языком, а затем вернуться к соскам. У него было терпение святого, в то время как я чувствовала, что вот-вот взорвусь. Не знаю, как он до сих пор не рванул молнию на джинсах и не приступил, но его вполне устраивал и такой замедленный ритм.

Я изнывала, я стенала, я молила, но не могла заставить его двигаться быстрее.

Наконец он расстегнул молнию, но и теперь не спешил в меня войти, хотя, клянусь, оставалось загадкой, как же он борется с искушением. Сначала он ввел только головку, потом проник немного глубже, одновременно поигрывая моими сосками и клитором.

Мы были едва знакомы, но он досконально изучил каждую нотку моего тела, доставляя огромное удовольствие мне и не требуя его для себя. Я была в полном отпаде.

Когда он наконец вошел в меня полностью единым мощным толчком, я была так перевозбуждена, что оргазм последовал незамедлительно, а за ним еще один, и еще один, пока не появилось ощущение, что они никогда не прекратятся. Прежде я не испытывала ничего подобного. И когда я наконец спустилась на землю, то не в силах была пошевелиться: наступил упадок сил, все мышцы и кости растаяли и потекли. Но его это, похоже, мало волновало.

Он отстранился и усадил меня ровно, чтобы я могла видеть, как он раздевается. А там было на что посмотреть: его тело было настоящим шедевром — твердое, мускулистое, подтянутое. Его возбужденный член был на уровне моих глаз, он взял его и ткнул мне в рот, но я отказалась его взять. Тогда он нахмурился и настойчиво повторил попытку, уверенный,

что я исполню его просьбу, но я покачала головой.

— Я не могу этого сделать, — сказала я. — Не сейчас.

«Точнее, никогда», — подумала я про себя. Просто я и оральный секс были несовместимы, и если это было тем, на что он рассчитывал, то его ждало разочарование.

— Все нормально, — смягчился он. Напряженный момент прошел.

Он толкнул меня на подушки. После чего, особо не церемонясь и не тратя времени на уговоры, просто проник в меня. Он трахал меня и трахал — по-другому не назовешь. Это нельзя назвать сексом или любовью. Было нечто непередаваемое и захватывающее, переходящее всяческие рамки.

Ночь пролетела в лихорадочном мареве. Он целовал меня и трогал, двигал и вертел мною. От его ласк оргазмы наступали один за другим, причем каждый из них был сильнее и ошеломительнее предыдущего. Но он ни разу не разделил его со мной, только лишь в самом конце.

Я умоляла его дать мне передышку, говоря, что я совершенно не в состоянии повторить это снова. Наконец он столкнул меня в бездну и шагнул туда сам, но был при этом без презерватива, который по собственной глупости и от неожиданности я не заставила его надеть.

За все время близости он не сводил с меня восхищенных глаз. И, должна признать, это было чертовски здорово. Он был красив и богат, и я почему-то ему нравилась. Мне это ужасно льстило, хотя я никогда не страдала тщеславием.

Как бы низко это ни звучало, но тогда я о Стиве даже не вспомнила. Равно как и не стала тратить силы на раздумья, что же значила эта моя вторая измена.

Когда Джордан наконец выскользнул из меня, я посмотрела на время и с удивлением отметила, что мы занимались этим часами и что уже начало седьмого. В семь Пэм будет ждать меня к завтраку. Позже мы отправимся подыскивать помещение под ресторан — занятие само по себе очень увлекательное и интересное, однако оно уже не казалось мне таким уж важным.

Невыносимо было даже думать о том, что нужно выходить, что нужно расставаться с Джорданом. Между нами завязывались очень необычные отношения, и очень хотелось их сберечь. Хотя с трудом верилось, что интрижка в Сент-Ривер будет иметь продолжение, но даже если и так, я смутно представляла наши встречи в Портленде украдкой.

И живет ли он там вообще?

Никаких угрызений совести или чувства вины от того, что хотела изменять Стиву и дальше. Какой же неверной шлюшкой я на поверку оказалась!

Он первым нарушил тишину.

— Когда ты встречаешься с Пэм?

— В семь.

— Если бы ты только могла никуда не уходить! Я хотел бы остаться здесь с тобой на целый день.

В этом наши желания совпадали.

— И я.

— Давай будем тебя поднимать.

Я была еще не готова выбираться из кровати. Мне было очень уютно, к тому же я была вымотана до предела, мышцы ныли, внутренности болели. По всему телу следы от укусов, на бедрах синяки от его мощных толчков. Все, чего мне сейчас хотелось, — это немного

отдохнуть и начать все сначала. А колесить по окрестностям, осматривая постройки, — нет уж!

Несмотря на все мое нежелание, он поставил меня на ноги и поволок в душ. Потом включил нагревательные лампы и пустил горячую воду. Затем помог мне забраться внутрь и залез вместе со мной. Он тер меня мочалкой, словно я была маленьким ребенком. Потом намылил меня с головы до ног и принялся тщательно смывать пену.

Вокруг клубился пар, по обнаженным телам стекали струи воды — момент был эротичным до невозможности. Он опустил на колени и стал промывать мне промежность, осматривая волосы у меня на лобке.

— Ты должна побриться для меня.

— Джордан...

— Ты должна побриться! — приказал он тоном, не допускающим возражений. — Пообещай, что ты это сделаешь.

У меня никогда даже в мыслях такого не было. Это было унижительно и потворствовало мужским фантазиям, которых я не одобряла, но он был непреклонен, и это для него так много значило. Все, что я могла сделать — кивнуть.

Когда мы закончили, он вытер меня насухо и одел, хотя сам при этом оставался обнаженным. Он порылся в моей сумке, выбрал какие-то вещи, хотя я бы предпочла другие. Но у меня практически все черное, а поэтому не так уж принципиально. Да и он был настолько доволен, когда я одобрила его выбор, что, короче, Париж стоил мессы.

Небольшая размолвка возникла только тогда, когда он не позволил мне надеть трусики. Но я уступила и здесь. Он заявил, что, пока мы не вместе, он хочет представлять меня в одних джинсах, без нижнего белья.

Я сдалась, так как мне понравилось, что в мое отсутствие его будут соблазнять мысли обо мне.

Он наблюдал за тем, как я сушу волосы, как наношу легкий макияж. Когда я уже собралась воспользоваться блеском для губ, он остановил меня:

— Подожди секунду.

Он отошел и достал что-то из кармана рубашки. Когда он вернулся, я увидела у него в руках тюбик с ярко-красной губной помадой, которой я никогда бы не стала пользоваться.

— У тебя привычка носить в кармане помаду?

Он неопределенно пожал плечами, но ничего не ответил.

— А почему именно красная?

— А ты попробуй.

Он махнул рукой в сторону зеркала. Когда я исполнила то, что он велел, то была поражена, насколько удачно она оттеняет мои черные вещи, мою светлую кожу. В другой руке он держал пару сережек. Это были переливающиеся «висюльки», а не обычные «гвоздики», которые я привыкла носить. И снова я приняла их без малейших возражений, и с первого взгляда стало ясно, что в них я выгляжу более экзотично, более загадочно и чарующе.

Я покрутилась из стороны в сторону, любуясь маленькими переменами. Дополнения выставили меня в совершенно ином свете.

— Как тебе? — поинтересовалась я.

— Я знал, что на тебе они будут смотреться идеально.

Он подошел ко мне вплотную и развернул. Я оказалась прижата к раковине, а он встал у

меня за спиной, заглядывая через плечо в зеркало. Он обхватил мои груди ладонями.

— Мне нравится, когда ты делаешь то, что я тебе говорю, прошептал он.

— Еще бы.

— Очень возбуждает, когда ты такая покорная.

Слово «покорная» мне не очень понравилось, но он снова смотрел на меня с тем же подкупающим восторгом, на который я очень быстро запала, поэтому возражений не последовало.

Он возбуждился. Я чувствовала, как затвердевает член... Джордан справился с молнией на моих джинсах и приспустил их. Поразительно, что у него еще оставались силы, чего не скажешь обо мне. Мои женские органы растянулись до предела и были натерты до того, что аж саднили.

— Господи, но я не могу сделать это опять! — воскликнула я, пока он большим пальцем массировал мне клитор и пощипывал соски.

— Ты должна.

— Я не могу. У меня слишком там все болит.

— Ты не можешь отказаться, Мэг. Я тебе этого не позволю.

У меня в сумке была бутылочка с лосьоном — он открутил крышку и смазал им пенис, затем резким движением вошел в меня сзади. Лосьон был холодным, член стал скользким и легко оказался внутри, но я все равно не смогла сдержать болезненного возгласа. Еще никогда не было столько секса за такое короткое время. У меня началась настоящая агония, но его это не остановило. Он схватил меня за бедра и начал ритмично двигаться внутри.

— Смотри на нас, — велел он. — Следи за нашим отражением. Видишь, как красиво мы смотримся.

И он продолжал свое дело, перегнув меня через бортик ванной. Я выглядела так непривычно и странно на фоне его обнаженного тела, напиравшего сзади. Мы двигались как танцоры, подчиняясь какому-то беззвучному ритму.

Он упражнялся со мной, пока я не кончила (удивительно, что во мне еще что-то оставалось!), и, когда я финишировала, у меня подогнулись ноги. Я едва не рухнула на коврик, но он успел меня подхватить. Он еще не кончил, но продолжать не стал и вышел из меня. Он выглядел напыщенным и весьма довольным: еще бы, снова все вышло так, как он хотел.

Я так и стояла нагнувшись, опираясь на локти, смеясь над ним и над собой.

— Как это называется? Смерть от оргазма?

Я пыталась перевести дыхание, успокоить сердцебиение.

— Есть способы и похуже отойти в мир иной.

— Мне снова нужно в душ.

— Нет, я хочу, чтобы на тебе остался мой запах. Я хочу, чтобы ты помнила.

— Такое не забывается!

Я посмотрела на часы. Было уже начало восьмого. Пэм очень пунктуальна. Она наверняка будет обеспокоена моим отсутствием, поэтому помыться я уже в любом случае не успею.

— Мне нужно идти.

— Знаю.

Меня так и подмывало спросить, зайдет ли он позже, надолго ли остановился в отеле, но я не знала, как бы лучше поставить вопрос, чтобы не показалось, будто я стараюсь

прибратать его к рукам.

Он спас меня от долгих раздумий.

— Этой ночью я хочу быть с тобой. Я хочу трахать тебя всю ночь напролет.

— Хорошо.

— Когда вы с Пэм планируете закончить?

— Скорее всего, к ужину.

— Постарайся ускользнуть как можно раньше.

— Постараюсь.

— Ты знаешь номер моей комнаты.

— Да.

— Побрей свою киску и приходи ко мне. Я буду ждать.

Он помог мне надеть пальто и подтолкнул к двери. Я взялась было за ручку, чтобы открыть дверь, но остановилась и притянула его к себе. Я поцеловала его в засос, лениво и протяжно, вовсю орудуя языком.

— Я рада, что ты оказался здесь, в Сент-Ривер, — с бесстыдной прямоотой сказала я.

— Я тоже рад. А теперь ступай.

— Пока.

— Позвони мне, как только вернешься.

— Хорошо.

Я вышла в коридор и со смятением заметила, что немного позади меня бежит Пэм, тоже только что покинувшая свой номер.

— Доброе утро, Мэг.

— Доброе утро.

— Как хорошо, что я сразу встретила тебя. Мы можем вместе спуститься к завтраку.

Я улыбнулась, и мы направились к лифту, а дверь моего номера захлопнулась у меня за спиной с приглушенным стуком. Даже если она и заметила, что в полумраке номера затаился обнаженный, провожающий меня взглядом, полным похоти, Джордан, то виду не подала.

В четверг утром я была полностью разбита, но всячески старалась это скрыть. Со дня отъезда из Портленда я почти не спала, держалась только на переполнявшем меня адреналине и была слишком измотана, чтобы осознать, насколько сильно я устала.

Мы с Джорданом старались урвать лишнюю минутку, чтобы побыть вместе. Мы занимались сексом без остановки, пока я окончательно не перестала узнавать свое тело. Губы распухли, бедра были растерты в кровь от того, что он постоянно терся об них щетиной. Спина и ягодицы покрыты синяками. У меня было такое чувство, будто меня пропустили через мясорубку, словно каждая кость сместилась и встала на новое место, но ощущение это было превосходным.

Я была счастлива и чувствовала себя гораздо более живой, чем когда-либо.

Со мной никогда еще не случалось ничего хотя бы отдаленно напоминающего происходящее. Он разительно отличался от всех мужчин, которых я знала. Он был умелым и страстным любовником, всецело поглощенным моим удовольствием. Я уже не помнила, как раньше без него обходилась, и не могла вообразить себя вдали от него, и уж тем более чудовищным мне казалось вернуться в город и снова погрузиться в привычную рутину.

Мне нужно было как-то сообщить Пэм, что я поеду в Портленд без нее, но я не могла придумать, как бы лучше это сделать. Она непременно захочет узнать причину, но мои отношения с Джорданом были слишком личными, чтобы о них упоминать. По какой-то нелепой причине я была не в состоянии поделиться ни с кем своим секретом.

Мы сделали заказ, но разговор не клеился, был каким-то натянутым. Не с моей стороны, а с ее. Она рассматривала меня так, словно вся одежда на мне была надета наизнанку или что-то застряло в зубах, а я постоянно осматривала себя, пытаюсь понять, в чем дело, но все вроде было в порядке.

Пэм завела ничего не значащий разговор о зданиях, в которых мы побывали, и о возвращении домой. Я с трудом заставляла себя слушать ее, в то время как ужасно хотелось вскочить и закричать: «Мне на все это совершенно наплевать!»

Я радикально изменилась, превратилась в совершенно другого человека. Казалось, что прежняя Мэг Уайт умерла, а ее место заняла другая женщина, более непредсказуемая и пылкая.

Мы уже закончили есть и нам принесли счет, а я все еще словом не обмолвилась. Ситуация становилась все более напряженной. Тут Пэм пробормотала:

— Мне нужно кое о чем у тебя спросить. Если это не мое дело, то не стесняйся и сразу так и скажи.

— Конечно. А что случилось?

— Вчера вечером мне позвонил Джордан Блэр.

— Неужели?

— Он сказал, что ты остаешься еще на пару дней... С ним вместе.

Я не могла понять, что хуже: то, что она узнала о моих намерениях, или то, что в дело вмешался Джордан. Я взрослый человек и способна сообщить ей эту новость сама. С одной стороны, меня бесило то, что он влез, а с другой стороны, я была ему благодарна.

Как я должна была сказать своей начальнице, что мне нужен отпуск, который я хочу провести на престижном курорте, трахаясь со своим новым парнем? Понятия не имею.

Неожиданно мне стало стыдно, и я усталилась в тарелку. Мной овладело чувство вины.

— Джордан вам звонил?

— Да. — Она немного замялась. — Знаешь, если тебе нужен отдых, ты могла обратиться ко мне сама. Ты боялась со мной об этом заговорить...

— Я не боялась.

У нее на лице отразилось беспокойство.

— Ты уверена, что тебе это нужно?

— Нет, — невесело рассмеялась я. — И все равно я это делаю.

— Просто он... — Она запнулась, подыскивая подходящее слово. — Намного старше и... гораздо более породистый, чем ты, Мэг. Я ни в коем случае не хочу тебя обидеть. Просто констатирую факт.

— Когда мы вместе, это перестает быть помехой.

Она подалась ко мне и потрепала по руке. Это был материнский жест, предназначенный девочке, у которой матери никогда не было. Я чувствовала себя идиоткой, которая совершает одну ошибку за другой.

— К чему, по твоему мнению, это все может привести? — спросила она. — Чего ты ожидаешь от этих отношений?

— Я уверена, что это мимолетное увлечение. Ведь я Мэг Уайт, а он... Джордан Блэр.

— Да, именно так. — Она окинула меня внимательным взглядом и вздохнула. — Прости, я не должна была ничего этого говорить.

— Да нет, все в порядке. Я не против.

— Не надо было мне лезть не в свое дело. — Она так искренне за меня переживала! — Пообещай мне только, что будешь осторожна, хорошо?

— Конечно.

Вскоре она ушла, но перед уходом написала на бумажке номер своего личного мобильного и оставила мне сто долларов. Я не хотела брать деньги, но она настояла. Она заявила, что это на случай, если произойдет что-то непредвиденное, если мне придется самостоятельно добираться домой, — страх, который, на мой взгляд, был беспочвенным и абсурдным.

Затем она ушла, и я наконец почувствовала облегчение. Я не торопилась уходить, заливая в себя кофе чашками, давая ей более чем достаточно времени на отъезд. Я не хотела наткнуться на нее в вестибюле, во избежание еще одной скомканной, неуклюжей встречи.

Я с досадной отчетливостью осознавала, что принимаю ужасное решение, что мне не следует этого делать, но остановиться не могла. Мне нужно было двигаться дальше, и я не могла объяснить своих мотивов или сойти с избранного пути.

Едва я встала из-за столика, как официантка принесла записку. Она была от Джордана с сообщением о том, что он прислал горничных собрать мои вещи и освободить номер и что я должна идти напрямик к нему. Я усмехнулась, довольная, что не придется тратить время на такие прозаические хлопоты и можно встретиться с ним прямо сейчас.

Я засунула записку в карман и поспешила к лифту. У меня на сегодняшний день были свои планы — рискованные, непристойные, возмутительные планы, которые не терпели отлагательств.

Он ждал меня — только я занесла руку, чтобы постучать, как он уже распахнул дверь. Я ворвалась и бросилась ему на шею, обнимая и осыпая поцелуями, словно мы не виделись много лет, словно мы были потерпевшими бедствие, которых вот-вот должны были спасти.

Мы лихорадочно срывали друг с друга одежду, затем повалились на кровать.

— Не надо было тебе звонить Пэм, — проворчала я. А он тем временем коленом раздвинул мои бедра и вошел в меня. Он принялся двигаться в размеренном темпе, который я так любила. Из моей груди вырывались только сдавленные стоны.

Мое тело было как одна незаживающая рана.

— Я не мог допустить, чтобы она сказала «нет». Ты не могла уехать вместе с ней.

— А я бы и не уехала. Я бы просто не смогла.

— Ты моя, Мэг.

— Да, Джордан. Я твоя.

— Пообещай, что никогда меня не бросишь.

— Нет, никогда. Клянусь.

Он улыбнулся. Его лицо было таким прекрасным, а выражение таким нежным и исполненным желания. Меня до сих пор поражало, как такой красивый мужчина мог так сильно ко мне прикипеть. Я не хотела никогда с ним разлучаться, и моя клятва обрела более глубокий смысл.

Я твердо решила всегда быть с ним рядом.

Мы ели, пили шампанское и занимались сексом четыре дня и четыре ночи напролет. Он никогда не уставал от меня, ему не нужен был отдых. Он был так чуток ко мне, так стремился доставить мне удовольствие, возносил меня к захватывающим вершинам страсти и расслабления. Меня словно заключили в капсулу гедонизма, в которой внешний мир перестал существовать, где было только возбуждение и все нарастающие степени удовольствия. Больше всего я хотела, чтобы эта сказка никогда не заканчивалась.

К утру понедельника, когда Джордану нужно было возвращаться в Портленд, я была где-то между радостным возбуждением и истощением. Отсутствие сна только придавало мне сил, либо мне это только казалось, и я просто перестала замечать свою усталость.

Цвета стали ярче, звуки громче, запахи сильнее. Жизнь проносилась в бешеном ритме, как у человека, сидящего на амфетаминах.

Я вышла из душа, и Джордан принялся вытирать меня полотенцем.

— Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, — сказал он.

— Перееду.

— Ты должна расстаться со Стивом.

— Я знаю.

Бедный Стив. За все время, что меня не было, я оставила ему только одно сообщение на автоответчике, в котором рассказала, что якобы повстречала старую школьную подругу и решила еще ненадолго остаться с ней.

— Между вами все должно быть кончено сегодня же, — настойчиво повторил он. — Когда мы вернемся в Портленд, ты больше не сможешь туда приходить.

— Не буду.

— Мы заедем на твою старую квартиру и заберем вещи.

— Хорошо. А ты где живешь?

После целой недели, проведенной вместе, вопрос звучал по меньшей мере странно. Как я могла так бешено с ним трахаться и даже не сделать секундного перерыва, чтобы узнать, где он живет?

— У меня есть несколько домов, но большую часть времени я провожу в пентхаусе в центре Портленда. Но если тебе там не понравится, мы будем жить, где скажешь.

— Что мне взять с собой?

— Все или ничего. Сейчас можешь взять только самые необходимые вещи, а за остальными можем прислать позже.

Мне было стыдно сознаваться в том, насколько скудны мои пожитки, но все же я хотела иметь под рукой то, к чему привыкла.

— Я могу поехать за шмотками сегодня вечером. Они должны поместиться в багажник.

— И больше тебе ни за чем не придется возвращаться?

— Нет.

— Хорошо.

Больше обсуждать было нечего. Я отказывалась от всего: от нашей уютной квартиры, друзей и образа жизни, мужчины, которого, как мне казалось, я любила. Да и родители Стива всегда были добры ко мне. Они принимали меня как члена семьи, а поскольку собственной семьи у меня не было, их признание много для меня значило. После такого предательства они больше никогда не станут со мной разговаривать.

Но мне было все равно. Я готова была идти вперед.

Джордан заказал для меня новую одежду в магазине при отеле и помог одеться. Это были самые дорогие вещи, которые я когда-либо покупала. Шелковое красное платье больше напоминало вторую кожу, ему в тон красные туфли на высоком каблуке, имелись также белье и чулки. Весь набор дополняли переливающиеся серьги и ожерелье — предположительно бриллиантовые, но я была не слишком искушенна в этом, чтобы утверждать наверняка.

В этом ансамбле я выглядела иначе — более сексуально и зрело, неожиданно даже для себя. Я стала настоящей красоткой, и хотя это было глупо, такие перемены мне нравились — они напоминали игру в переодевание, и я с гордостью ловила свое отражение в окнах фойе, идя под руку с таким богатым красивым мужчиной.

Мы летели в город. Перелет слился в одно сплошное пятно, калейдоскоп людей, которые ходили передо мной на цыпочках только потому, что я была с Джорданом. Только я успела войти в роль, как очутилась на заднем сиденье его темного седана, прижатая к его сексуальному телу, а за окном проносились дома — мы мчались к моей квартире.

Прямо перед домом припарковаться было негде, поэтому водитель остановил посреди улицы и вышел открыть мне дверцу.

— Ты точно не хочешь, чтобы я поднялся с тобой? — спросил Джордан уже в который раз.

— Да, уверена. Я буду через минуту.

Он крепко меня поцеловал.

— Поторопись.

— Хорошо.

Я быстро отстранилась — не хотела, чтобы кто-то увидел, как я с ним обнимаюсь. Если кто-то из соседей заметит и брякнет Стиву, для него это будет весьма болезненно. Он наверняка еще на работе, а мой трусливый план сводился к тому, чтобы тайком прихватить вещи, избежав разговоров и объяснений.

Я понимала, что веду себя как последнее дерьмо и что он заслуживает лучшего отношения, но не могла же я торчать в квартире вечно, дожидаясь Стива, чтобы все объяснить! Моя прежняя жизнь затягивала меня на дно, вгоняя в серую обыденность будней. Мне же хотелось быть с Джорданом, остальное ничего не значило.

На каблуках я взбежала по лестнице. Я уже много лет не носила туфли на каблуке, поэтому сейчас у меня ужасно болели ноги. Джордан наговорил столько комплиментов по поводу того, как выгодно они подчеркивают мои ноги, что я решила не ныть. Но стоило мне войти в квартиру, как я тут же скинула их и принялась носиться по дому в одних чулках. Из шкафа я достала чемодан Стива, положила его на кровать и стала швырять в него вещи, словно в доме случился пожар.

В дверь постучали, и я вздрогнула, заслышав голос Мэри:

— Мэг, это ты?

Я чертыхнулась про себя и вышла поздороваться. Сил общаться не было. Просто нестерпимо было думать, что она может вломиться и задержать бегство. От потрясения, граничащего с испугом, при виде моего наряда и драгоценностей глаза у Мэри полезли на лоб.

Я бросила на кушетку книги и диски, в спальне виднелся чемодан. Он помрачнела.

— Что здесь, черт возьми, происходит? Ты что, съезжаешь?

Я взволнованно провела пятерней по волосам. Модные торчащие пряди исчезли. Джордан собственноручно их зачесал, заявив, что к моему новому платью необходима другая прическа, что прежняя делала лицо слишком угловатым, и, как всегда, оказался прав.

— Похоже на то.

— Почему?

Я покраснела, чувствуя, как начинают гореть щеки.

— Э-э-э... я кое-кого встретила.

— Но ты никогда мне не рассказывала.

— Мы познакомились недавно.

— Насколько недавно?

— Пока я была в Сент-Ривер.

— И ты собираешься переезжать к нему? Так скоро?

— Да.

— Мэг, а ты уверена, что должна это делать?

— Так нужно.

— А как же Стив?

«А ведь правда, — подумала я, чувствуя себя отвратительно. — Как же Стив?»

— Мне очень жаль, но я должна это сделать.

— Не стоит оправдываться. Просто все это так неожиданно. Признаться, я удивлена.

— Я тоже. Все произошло внезапно.

И тут, к моему ужасу, послышались бодрые шаги Стива, взбегающего по лестнице. Я застыла. Он не должен был быть дома так рано! Как бы мне сейчас хотелось провалиться под землю! Я совершенно не горела желанием с ним сейчас разговаривать!

Что я могла ему сказать? Не было таких слов, которые смягчили бы эту новость или как-то оправдали мое поведение.

Он вышел из-за угла, заулыбался и поспешил мне навстречу.

— Мэг! Наконец-то ты...

Но, завидев мое одеяние и озабоченное лицо Мэри, он остановился как вкопанный.

— Что происходит?

— Ну все, я пошла, — сказала я, обращаясь скорее к Мэри, нежели к нему.

— Ты уходишь? — спросил он ошарашенно. — Навсегда?

Я кивнула.

— Но... я думал, между нами все наладилось.

— Наладилось, — подтвердила я. — Просто... мне сейчас нужно кое-что другое.

— Что тебе нужно? — Он был растерян и зол. — Что тебе еще могло понадобиться?

— Мне сложно это объяснить.

— Посмотри на себя: ты выглядишь как заправская шлюха! Что ты с собой сделала?

Я тоскливо взглянула на чемодан, на диски и другие вещи. У меня было такое чувство, будто я задыхаюсь.

— Я пришла забрать вещи, но лучше я кого-нибудь за ними пришлю.

Я обошла его стороной, старательно пряча глаза, вышла за порог и побежала по лестнице.

— Мэг, не делай этого! — кричала мне вслед Мэри, а Стив ей вторил: — Что, если мне понадобится с тобой связаться? Где мне тебя искать?

— Я сама тебе позвоню.

Я неслась вниз, перепрыгивая через ступеньки, чулки цеплялись за дерево. Я выскочила на улицу под дождь и побежала по мокрому тротуару — ноги намокли моментально, камни впивались в ступни.

Водитель стоял под дождем и ждал меня, я пошатнулась и упала прямо в объятия Джордана.

— Я видел Стива и уже собирался идти за тобой.

— Все в порядке, — солгала я. Я была на грани истерики и нервно хихикала. — Я потеряла туфли.

— Я тебе еще двадцать пар куплю.

Он поцеловал меня в лоб, и я примостилась у него на груди, ухом прижавшись к сердцу. Его размеренное биение убеждало меня: «Я все делаю правильно... Я все делаю правильно... Я все делаю правильно...»

Это заклинание звучало у меня в голове, а водитель тем временем захлопнул дверцу, запирая меня внутри, словно мосты сжигал. Ощущение безвозвратности было настолько отчетливым, что я даже вздрогнула.

Машина тронулась, и за считанные секунды моя улица и дом исчезли. За рекой виднелись небоскребы центральной части города, где находился пентхаус Джордана. Совсем скоро я буду жить там вместе с ним, купаясь в роскоши и богатстве, утопая в любви и страсти.

Я закрыла глаза и слушала, как дождь стучит по стеклам.

И так ни разу и не оглянулась.

— Что это с тобой?

— Я решила поменять стиль.

— Выглядишь потрясающе, дорогуша, — рассыпался в комплиментах Джеффри. — Совершенно потрясающе.

Он как раз пришел заступать в вечернюю смену, а я как раз заканчивала свой день, посвященный выпечке, и собиралась уходить.

Он внимательно оценил мою новую прическу и цвет волос — они у меня теперь были длиннее, медно-каштанового оттенка, со смещенным на бок пробором. Макияж мне подбирал профессиональный косметолог, которого нанял Джордан. Она заявила, что мне нужно пользоваться коричневой тушью для ресниц и тенями натуральных оттенков. А благодаря идеально выщипанным бровям с лица теперь не сходило выражение легкого удивления.

Я не могла еще понять, как ко всему этому отношусь. Стоя перед зеркалом, я с восхищением смотрела на это прекрасное, словно вылепленное скульптором лицо, но это лицо казалось каким-то чужим. Из зеркала на меня смотрел незнакомый человек.

— Тебе правда нравится? — спросила я. — Это не просто из вежливости?

— Я бы и сам не смог подобрать для тебя ничего лучше. А что думает Стив?

Пока что мне удавалось держать свою личную драму в секрете, хотя сотрудники наверняка все чаще замечали, что меня будто подменили. Раньше я была идеальным работником и командным игроком, теперь же я постоянно опаздывала, всякий раз украдкой проскальзывая в зал в надежде, что опоздания никто не заметит. От постоянной усталости я все время допускала ошибки, которые тут же спешила скрыть.

Но это была небольшая кухня, на которой работали настоящие профессионалы, а количество людей, готовых меня прикрыть, было ограниченное, равно как и количество способов выкрутиться, прежде чем коллеги не выдержат и пожалуются Пэм.

К счастью, она ничего не говорила — пока, — но это был всего лишь вопрос времени.

— Вообще-то, я рассталась со Стивом, — сказала я, не отводя взгляда от скалки.

— Да иди ты! — Он подошел ближе и прошептал: — А когда?

— Пару недель назад.

— И ты мне не сказала!

— Все произошло так быстро. У меня до сих пор голова кругом.

— И где ты сейчас живешь?

— В центре. Я ушла жить к другому.

— Я его знаю? — Он заговорщически хихикнул и выгнул брови.

— Нет. Странно это все, правда?

— Ну, я бы не назвал это «странным». Скорее просто неожиданно. — Он окинул меня пристальным взглядом, глаза за стеклами очков поблескивали. — У тебя все нормально?

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто ты выглядишь... иначе.

Он долго подбирал нужное слово, и мне стало крайне интересно, какие еще варианты приходили ему в голову, прежде чем он остановился на слове «иначе».

— У меня все чудесно, — заявила я.

— Что ж... хорошо.

Мы внимательно поглядели друг на друга; в воздухе висело еще столько невысказанных замечаний, но ни за одно мы не могли уцепиться. Молчание стало неловким, стоило мне подумать о Джордане и его водителе, которые нетерпеливо ждали меня снаружи. Их присутствие было волнующим и непривычным. Оно лишь подчеркивало, как далеко я ушла от прежней Мэг.

— Мне нужно идти, — выдавила я наконец.

— Конечно... конечно...

Он махнул рукой в сторону двери.

Я схватила пальто и уже была на пороге, когда он бросил мне вслед:

— Я скучаю по твоим торчащим прядкам.

— Я тоже, — пробормотала я и вышла.

Машина Джордана ждала меня слегка поодаль, в тени. Его это сильно раздражало, но я настояла на том, чтобы он парковался там, где его никто не заметит. Я стеснялась нового поворота своей жизни и не хотела, чтобы коллеги об этом узнали. А еще мне не хотелось, чтобы Пэм узнала, что я связала свою жизнь с Джорданом.

Я не понимала, почему меня так волнует ее мнение, но чувствовала, что она будет не в восторге. А поскольку она мне всегда очень нравилась, расстраивать ее было как-то... нехорошо.

Я скользнула на заднее сиденье, удивляясь, насколько быстро привыкла к переменам. Пентхаус Джордана располагался на верхушке самого высокого небоскреба в центре города, который возвышался над остальными зданиями. Мне не нужно было готовить или ходить за продуктами, или заниматься стиркой, или драить унитаз, что меня вполне устраивало. Я ни секунды не горевала по поводу освобождения от домашних обязанностей.

— Как прошел день? — поинтересовался Джордан.

— Вымоталась до предела.

— Тебе нужно отсюда уходить.

— Я люблю свою работу.

— Я понимаю, но мне не нравится видеть тебя такой измученной. Глупо так вкалывать, когда в этом нет необходимости.

— Знаю.

— Я могу позвонить Пэм прямо сейчас. Скажу ей, что ты больше у нее не работаешь. Эта работа забирает у тебя последние силы.

— Не сегодня, ладно?

— Ладно.

Он давал мне все, чего могла хотеть женщина, оформил для меня карточку и позволял тратить море денег, так что я вполне могла не работать.

Однако я не была наивной дурочкой. По какой-то непонятной причине я его сильно заинтересовала, но все это было слишком похоже на сказку, которая могла закончиться так же резко, как и началась. Моя зарплата в ресторане представляла собой сущие крохи по сравнению со щедрыми подарками, которыми он меня осыпал, но все же эти деньги были моими, кровно заработанными. Именно они давали мне независимость, которая была для меня жизненно необходима.

Учитывая то, сколькими вещами я ради него поступилась, моя работа в «Моцарте» была для него как бельмо на глазу. Нежелание уйти он воспринимал как акт неповиновения и

сильно злился. У нас постоянно возникали размолвки на этой почве. Предлагая перемирие, я просунула свою руку в его и поцеловала в щеку.

— Прости, — сказала я без капли раскаяния. — Я не хотела поднимать шум из ничего.

— А ты ничего и не поднимала. Хочешь, когда приедем, я приготовлю тебе горячую ванну?

— Хотелось бы.

— Попаришься в ней, и мышцы не будут так болеть.

— Звучит божественно.

Я натянуто улыбнулась, сдерживая вздох. Я прекрасно знала, чем вся эта история с ванной закончится. У него ванна была как целый бассейн с бьющими струями воды и пенистым мылом. Он разденется и полезет в ванну со мной, а потом мы часами будем заниматься сексом. Возможно, даже до утра. С рассветом я доползу до кровати и получу несколько драгоценных минут сна, затем встану и поплечусь на работу как сомнамбула.

Водитель высадил нас у подъезда, и мы на отдельном лифте поднялись наверх. Чтобы пользоваться этим лифтом, нужен был специальный ключ, которого у меня не было. Когда я выходила и заходила одна, то пользовалась главным входом.

Мы вошли внутрь, и у меня, как всегда, перехватило дух, стоило только переступить порог гостиной. Вместо стены были окна от пола до потолка, которые выходили на долину Уилламетт. Огни тысячи домов вдалеке мерцали как звезды. Днем зрелище еще более захватывало — открывался вид на гору Худ, расположенную на востоке.

Я замерла, вбирая в себя увиденное, чувствуя себя Золушкой на балу.

Он нажал какие-то кнопки на контрольной панели. Зажглись свечи, заиграла романтическая музыка.

— Давай тебя отмоем.

— Отличная мысль. А то я вся пахну, как шоколадный торт.

— Правда? — Он нежно укусил меня за шею и лизнул кожу. — Я обожаю шоколад. Мне, наверное, придется съесть тебя всю.

Он повел меня в спальню, где на кровати лежало приготовленное для меня нижнее белье и был накрыт столик в углу. Я никогда не встречала здесь повара, не сталкивалась с горничной. Они словно были невидимками, но точно знали, когда именно я уйду и возвращаюсь. Они прибегали, выполняли свои обязанности и исчезали, оставляя Джордана наслаждаться мною целиком.

Я прошла в ванную, разделась и забралась внутрь. В кои-то веки он ко мне не присоединился, и меня неожиданно посетила вероломная мысль, что я рада этому нечаянному уединению. В последнее время у меня совершенно не было возможности побыть одной. В ресторане меня со всех сторон окружали люди и звуки, а дома я все время проводила с Джорданом. Никак не удавалось просто посидеть в тишине, послушать музыку, поваляться на диване перед телевизором.

Я привалилась к стенке душа, подставляя тело струям воды.

Я так устала! Интересно, когда же наконец я сломаюсь и взорвусь, каким же болезненным должно быть падение вниз!

Я не могла больше мчаться по этому пагубному пути, но сбавить скорость была уже не в состоянии.

Закончив, я вытерлась и обмоталась полотенцем, завязав узел на груди. Никак не могла привыкнуть, каким все вокруг было изящным. Полотенце было таким пушистым, мыло

душистым, шампунь — мягким. Все-таки быть богатым не так уж и плохо, я бы с удовольствием жила так вечно.

Но возможно ли это? Как долго еще продлится его увлечение? Сколько я смогу еще здесь оставаться?

До встречи с ним меня никогда особо не волновали деньги или образ жизни, который можно на них купить, но, попробовав это на вкус, я резко поменяла взгляды. Казалось, мои возможности безграничны. Я даже представляла себя его женой — богатой стильной светской львицей, — и сама мысль об этом меня удивляла.

Не предполагала в себе такой меркантильности. Когда это я успела стать алчной?

Я вошла в спальню. Пока я мылась, он разделся и вольготно раскинулся на кровати с бокалом вина в руке. Завидев меня, он заметно оживился.

— Сними полотенце.

Я все еще стеснялась своей наготы, которая так ему нравилась, к тому же горела лампа и шторы были открыты. Мы иногда занимались сексом при незашторенных окнах, и всякий раз я сильно нервничала, боясь, что за нами может подглядывать какой-нибудь извращенец с биноклем.

— Можно я задерну шторы?

— Нет. Иди ко мне.

Он протянул навстречу руку, ожидая, что я с радостью подчинюсь, как это обычно и бывало.

— Я задерживаю шторы!

И я действительно их сдвинула и лишь после этого подошла к нему. Он рванул меня на себя, мы покатались по кровати, так что он оказался сверху.

— Ты испортила мне всю радость, — недовольно произнес он.

— Чем же?

— Мне нравится думать, что другие смотрят, как я тебя трахаю.

— Это ненормально.

— Неправда. Это очень эротично.

— Нет, это ненормально, поверь мне.

Он рассмеялся.

— Ой, какие мы правильные и целомудренные. Ты что, никогда не видела, как двое трахаются? Иногда это очень возбуждает.

— Ну, в тот раз твоя подруга Кимберли делала Стиву минет. Должна признаться, меня это не тронуло.

Он снова рассмеялся.

— Ты по нему скучаешь?

Мне не нужно было медлить с ответом или лгать.

— Нет.

Я так и не набралась смелости позвонить Стиву, так никого и не послала за своими вещами. Я просто сказала Джордану, что они мне больше не нужны.

С Мэри я тоже не связывалась. Не знаю, что они там со Стивом думают по поводу моего поступка. Часто представляла, как они вместе ужинают, теперь уже без меня, и наверняка вспоминают каждую деталь того ужасного последнего дня, но все равно, как бы ни старались, они не поймут, почему все так произошло.

— А что насчет тебя? — подколола я его. — Ты скучаешь по Кимберли?

Мой вопрос вызвал у него бурный смех.

— Нет.

Я уже раньше об этом спрашивала, на что он ответил, что она была просто дешевкой на один вечер. Не думала, что что-либо в ней могло быть дешевым. Он заверил меня, что с тех пор ее не видел, а я не могла решить, верить ему или нет.

Мы постоянно занимались сексом, поэтому на измену у него наверняка просто не оставалось сил. Или оставалось? Он всегда был ненасытным.

Если я узнаю, что он до сих пор с ней тайно встречается, как мне на это реагировать? Он был не из тех, кто станет терпеть сцены ревности, и я даже не представляю, чем это может для меня закончиться. Поэтому я решила просто не обращать внимания на этот волнующий вопрос, как и на многое другое, происходящее в последнее время в моей жизни.

Он потянулся к прикроватной тумбочке и достал из ящика шнур.

Я нахмурилась.

— Это еще зачем?

— Я хочу тебя привязать.

Он и раньше поднимал эту тему, но меня всегда оторопь брала и я отказывалась.

— Мы же уже сто раз об этом говорили.

— Я так хочу, Мэг.

— И что? Меня это не устраивает.

— Ты мне доверяешь?

— Конечно.

— Тогда чего ты боишься?

— Я не боюсь. Просто... — Я запнулась, пытаюсь понять, что же вызывает у меня такую стойкую неприязнь. — Ладно, может, я действительно боюсь.

— Боишься чего?

— Незнания того, что произойдет.

У меня никогда раньше не было любовника, который бы так сильно увлекался грубым сексом, поэтому ко многим его предложениям я относилась с опаской. Я никогда не горела желанием в этом участвовать, но его требования так много для него значили, а мои уступки так его возбуждали, что я в конце концов сдавалась.

— Тебе это должно понравиться. Обещаю.

— Ну да, как же!

— Путы усиливают давление, и ты получаешь еще большее удовольствие. И я вместе с тобой. — Я бросила на него такой скептический взгляд, что он тут же поспешил добавить: — Я докажу тебе.

Я уже начала колебаться.

— Пообещай, что развяжешь меня, как только я об этом попрошу.

— Конечно, развяжу, ты же знаешь.

Он смотрел на меня так внимательно, словно от моего решения мог перевернуться мир.

— Давай попробуем. Но только один раз!

Какая же я тряпка! И как у него только получается всегда меня уговорить? Почему я ему это позволяю?

Он обмотал мне запястья шнуром, затем приподнял руки и привязал второй конец к спинке кровати. Изначально узел был слабым, но стоило мне подергаться, как он затянулся и стало очевидно, что самой мне не выпутаться.

Когда я это осознала, у меня началась паника. Сердце бешено забилося.

— Можешь его ослабить? — попросила я.

— Нет, так нормально. Не волнуйся.

— Джордан!

— Цыц!

Он убрал полотенце и стал меня повсюду трогать. Его прикосновения не были болезненными, но, учитывая то, что я была привязана, ласки казались насилием. Я всякий раз нервно вздрагивала, ожидая, что вот-вот случится что-то ужасное.

Он вытащил из ящика пузырек и намазал содержимым кончик пальца.

— Что это?

— Это ароматизированный крем. Мятный. От него по коже пойдет тепло.

Я постаралась приподняться, чтобы посмотреть, что еще припрятано в его тайнике. Утром я обшарила здесь все и не обнаружила ни одной секс-игрушки. Он, наверное, купил их, пока я была на работе. Это лишний раз подчеркивает факт, что я понятия не имею, чем он занимается днем.

Я знала, что у него были какие-то дела. В пентхаусе был кабинет с рабочим столом, компьютером и факсом, но при мне он ни разу туда не входил. То же самое было и с его физической формой. Мышцы у него были твердыми как скала, одна из спален была переделана под тренажерный зал, но я никогда не видела, чтобы он им пользовался. Хотя ему нужно было непрерывно заниматься, чтобы так выглядеть.

Он втер крем мне в соски, в пупок и между ног. На сосках ощущение было очень приятным, но в паху у меня все было растерто и воспалено, и я почувствовала жжение.

— Мне не нравится, — пожаловалась я. — Печет!

— Закрой глаза, Мэг. Терпи.

— Я не хочу это терпеть! Это неправильно.

— Высунь язык.

— Нет.

— Давай же, Мэг.

Я задержалась в своих путах.

— Развяжи меня!

Но он никак не отреагировал.

— Язык, Мэг. Просто высунь его.

Мы уставились друг на друга — кто кого переглядит, — но с ним тягаться было бесполезно, поэтому я в итоге сдалась. Он капнул немного мне на язык, потом себе и поцеловал меня. Вкус был таким сильным, что меня начало немного подташнивать.

Он принялся меня усаживать, пока его член не оказался на уровне моего лица. Я видела, как он смазал кремом и его, после чего поднес к моим губам.

— Открой рот, Мэг.

Я помотала головой.

— Не могу.

— Настало время сделать это для меня. Я и так очень долго ждал.

— Нет.

— Я и крем купил специально, Мэг. Чтобы тебе было легче. А теперь открывай.

Я была настроена решительно, даже готова была с ним драться, но со связанными руками у меня все равно бы ничего не вышло. Именно этого я и боялась, именно поэтому не

разрешала ему меня привязывать. Он мог приказать мне что угодно, и у меня не было другого выбора, кроме как подчиниться.

— Я не хочу, чтобы ты кончал мне в рот, — сказала я. — Я это ненавижу.

— Хорошо, не буду.

— Если обманешь, я убью тебя, пока ты будешь спать.

Он наклонился ко мне и очень нежно поцеловал.

— Сделай это для меня. Я так хочу, чтобы ты это сделала!

Когда он меня вот так нежно упрасивал (я чувствовала себя кроликом перед удавом!), я не могла сопротивляться и делала все, что он велел. Я с облегчением отметила, что он ведет себя очень сдержанно. Он вставил только кончик и слегка им подвигал, словно давая мне возможность потренироваться, потом вынул и резко переключился на грудь.

Он покусывал и теребил соски, доводя меня до исступления. В одном он был прав — пути действительно делали наслаждение еще сильнее. Было такое чувство, что я попала в эротическую фантазию, в которой он был насилующим меня пиратом, а я — пленницей.

Он, как всегда, довел меня до высшей точки и отступился, не позволив кончить. Вместо этого он снова вернулся к моему рту, засовывая туда свой член, на этот раз оставляя его там все дольше и дольше.

Он налил мне немного вина и помог выпить. Затем налил еще. Я так устала от работы и постоянного недосыпания, что эти несколько глотков моментально меня расслабили. Он снова нырнул в ящик тумбочки и достал оттуда маленькую бутылочку, наполненную прозрачной жидкостью.

— Что это? — спросила я.

— Это афродизиак. Ты никогда его раньше не использовала?

— Нет.

Он добавил пару капель в вино, размешал пальцем и протянул мне.

— Это усилит наслаждение.

— Это наркотик?

— Не совсем. Он всего лишь придает остроту ощущениям.

В принципе, я была не против всяких веселящих препаратов, но не в тех случаях, когда не знала, насколько сильным будет эффект. Я сделала маленький глоточек — явно меньше, чем он рассчитывал, и он просто влил мне остатки содержимого в глотку.

Вскоре в паху стало болеть, кровь сильнее запульсировала в жилах. Справа и слева в области бокового зрения все расплывалось. Конечности налились свинцом, тело отяжелело. Я не в состоянии была поднять даже подушку, но меня это почему-то не волновало. Это был сон наяву, я качалась на волнах удовольствия.

Он прижался к моему телу, и, когда он в этот раз засунул свой член мне в рот, я уже не возражала. Он стал совершать резкие толчки, и я ему это безропотно позволила. Он наклонился и принялся ласкать мои пульсирующие соски и шептать нежные слова ободрения, которые усиливали ступор.

Когда он наконец кончил, я подумала, что, по большому счету, было не так уж и сложно доставить ему это удовольствие.

Я перевернулась на живот и взглянула на часы. Пятнадцать минут одиннадцатого, среда, рабочий день, на работе надо было быть к десяти. Я застонала. Не знаю, сколько раз еще смогу проспать, прежде чем меня уволят.

Голова гудела, в глаза будто песка насыпали, и вообще я чувствовала себя хреново. Последние сорок восемь часов на работе я не появлялась, все это время мы с Джорданом провели в постели. По всему телу синяки, от непрерывного траха я чувствовала себя измочаленной и изодранной в клочья, сил не осталось совершенно.

Я так хотела посвятить день себе, отдохнуть, перевести дух, но вместо этого попала в какой-то эротический замкнутый круг, который не знала как разорвать. Он окружал меня заботой и вниманием, с ним я чувствовала себя особенной, но мне хотелось сбавить обороты, чтобы мы могли вести себя как нормальные люди, нормальная пара.

Мы никогда не ужинали в ресторане, не ходили в кино, не ездили по магазинам и не гуляли просто так.

Каждая минута, проведенная с ним, была настоящей драмой со всеми полагающимися вещами: накалом страстей, запредельностью переживаний на пике эротизма и прочим. Плюс я принимала это странное зелье всякий раз, стоило только ему предложить. Вообще я стала пить больше, чем обычно, и все меньше ела. Результат — одежда на мне болталась.

Он убеждал, что я ему такой нравлюсь даже больше. Я же считала, что напоминаю высохший скелет.

Во время первой встречи наше обоюдное влечение показалось мне чем-то нереальным, искрящимся от напряжения, но сейчас просто изматывало. Учитывая то, как сильно он меня баловал и потакал во всем, я вела себя как неблагодарная свинья, но мне так отчаянно хотелось хоть кратковременного затишья, чтобы можно было собраться с мыслями и понять, что же такое я делаю.

Я с огромным трудом выползла из постели, чувствуя слабость и головокружение от хронической усталости и плохого питания. Он тоже проснулся и, поглядев на меня, нахмурился.

— Куда ты собралась?

— Нужно собираться на работу. Я и так опоздала.

— Не понимаю, почему ты до сих пор не уволилась. Если бы ты не работала, мы бы могли быть вместе каждую секунду.

Это был неразрешимый бесконечный спор, поэтому я ничего не ответила. Пошатываясь, я стояла под душем, отчаянно надеясь, что упругие струи помогут мне хоть немного прийти в себя.

Я мыла голову, шампунь стекал с волос по всему телу, и тут ко мне в душевую залез Джордан. Схватил за бедра, наклонил и развернул к стене, его возбужденный член уперся мне в задницу.

— Джордан, прекрати сейчас же! — Я пихнула его локтем под ребра. — У меня нет на это времени.

— А ты сделай так, чтоб было.

— Но я опаздываю!

— Я тебя хочу.

Когда он был возбужден, говорить о чем-то другом было бесполезно. Обычно я охотно покорялась, меня захватывало то, какое сильное желание я в нем будила, но в тот момент домогательства меня раздражали.

Я попыталась увернуться, шаря вокруг в поисках опоры, но ладони скользили по мокрой плитке, деться было некуда. Он сжал мои бедра и вошел в меня, двигаясь медленно и размеренно. Это могло длиться часами. У него было больше силы и выдержки, чем у любого другого мужчины.

У меня все тело саднило плюс сказывалась ужасная усталость, и я начала плакать. Так я и стояла: сцепив руки, широко расставив ноги и с катящимися по щекам слезами. И хотя они смешивались с бегущей водой, он не мог не заметить моих всхлипываний, и, тем не менее, не останавливался. Он невозмутимо делал свое дело, и когда наконец кончил, то осел на меня, не торопясь вытаскивать свой член.

Поднеся рот к моему уху, он прошептал:

— Никогда не говори мне «нет».

— Не буду.

— Я люблю тебя, — заявил он. — И не переносу, когда ты мне отказываешь.

Это я слышала впервые, и внутри все задрожало от счастья и облегчения. В глубине души я очень надеялась, что значу для него больше, чем просто объект физического влечения. Тяготила мысль о том, что он пустил меня на несколько месяцев к себе в постель поиграть и вышвырнет, как только наскучу. Я ради него отказалась от всего, что имела, и мне было бы легче от сознания, что сделала я это в обмен на искренние чувства с его стороны.

— И я тебя люблю, — ответила я проникновенно, ничуть не кривя душой.

Довольный моей покорностью, моими словами, он наконец вышел из меня.

— Давай-ка будем тебя одевать.

— Мне нужно спешить.

Казалось, что я избежала удара, что мы вот-вот должны были зайти в тупик, но вовремя обошли его стороной. Он взялся собирать меня на работу. Надо признать, делал он это мастерски: высушил волосы, соорудил прическу и подобрал одежду. Буквально через несколько минут мы уже спускались вниз, где нас ждала машина, хотя я не заметила, чтобы он кому-то звонил и просил ее подать. И как ему это удавалось?

Он высадил меня у черного входа в ресторан, причем водитель, следуя его указанию, въехал прямоком на стоянку, где нас могли видеть все работники ресторана. Но я была слишком разбита, чтобы спорить.

К дверям бегом, но внутрь — на цыпочках: было уже без двадцати час, обеденная суeta в самом разгаре. Все шныряли туда-сюда, и, как я и предполагала, мое отсутствие вызвало определенные осложнения. Я заметила, как официантка глянула на часы, хотя вслух никто замечания не сделал. К счастью, Пэм уехала на встречу и перед ней оправдываться не пришлось, хотя я была совершенно уверена, что кто-нибудь ей стукнет. Я давно вышла за рамки того, на что коллеги готовы были закрыть глаза.

Снова не успела поесть и была так занята, что не могла ничего перехватить, пока резала и готовила. Мне было дурно, кружилась голова, движения были, как в замедленной съемке. День вышел смазанным, и я осталась до вечера, стремясь хоть как-то отработать потерянное время и заняться десертами, которые нужны были Пэм для закрытой вечеринки, намеченной на конец недели.

Как только я закончила, схватила пальто и намеревалась прокрасться незамеченной к выходу. Но тут из своего кабинета вышла Пэм.

— О, Мэг, вот ты где.

— Привет, Пэм.

Стыдно было смотреть ей в глаза.

— Я могу с тобой поговорить? Это займет всего пару секунд.

— Конечно.

Теперь мне не отвертеться. После того странного дня в Сент-Ривер, когда я осталась еще ненадолго, чтобы побыть с Джорданом, я с ней толком не разговаривала: она была как всегда любезна и обходительна, но ни словом не обмолвилась о нем.

Мы вошли в маленькую комнатку, она села за стол, я же переложила кипу бумаг на пол, чтобы занять стул напротив. Стояла удивительная тишина. Слышно было, как капает вода из крана и на кухне гремят тарелками.

Собиралась ли она меня уволить? Я была так измотана, что была бы, наверное, только рада.

Она долго на меня смотрела и наконец заговорила:

— Мы уже сто лет не общались. Как у тебя дела?

— Все хорошо.

Это была правда и ложь одновременно. Я чувствовала себя лучше, чем когда-либо, и в то же время мне было хуже, чем когда-либо.

— Я с недавних пор начала замечать, что ты поздно приходишь на работу. Очень поздно.

— Простите, этого больше не повторится.

Она досадливо отмахнулась, словно мои опоздания были не так уж и важны.

— Как поживает Джордан? — Наверное, мое удивление было слишком явным, потому что она тут же добавила: — Я слышала, ты живешь с ним.

Интересно, от кого бы.

— Да, живу.

— У вас все в порядке? Ты счастлива?

— Да. — Я улыбнулась. О чем именно она спрашивает? — По вечерам у нас куча всяких общественных мероприятий и всего такого прочего, где ему нужно быть. Поэтому я не высыпаюсь и утром не в состоянии подняться вовремя. Но я это исправлю.

Она кивнула, пытливо глядя на меня, а затем нахмурилась.

— Кстати, Мэг, одна из официанток сказала, что видела у тебя на запястьях синяки.

Сердце учащенно забилось, щеки запылали.

— Правда? Странно.

В помещении воцарилась долгая напряженная тишина.

— Если ты когда-нибудь попадешь в беду, — сказала она наконец, — или если чего боишься, то всегда можешь обратиться ко мне. Ты же понимаешь это, не так ли?

— Конечно. Но зачем мне это сейчас?

Ни за что на свете я бы не призналась, что Джордан регулярно меня связывает, что он находит в этом какое-то особое изощренное удовольствие, а я всякий раз ему это позволяю. Синяки на запястьях у меня теперь постоянно, так же как и на лодыжках.

Я спрятала руки под себя, чтобы их не было видно.

— Она ошиблась, — заявила я.

— Неужто?

— Да.

— Покажи.

— Что показать?

— Покажи мне запястья.

От шока и унижения я потеряла дар речи. Я не могла опровергнуть это заявление, не могла сделать то, о чем она просила.

— У меня все в порядке.

Она вздохнула, взяла свою визитку и написала что-то на обратной стороне.

— Вот это мой личный сотовый номер. Я тебе его уже давала раньше, но не уверена, что он у тебя остался.

— Нет, я его не сохранила.

— Если я тебе когда-нибудь понадобится, звони в любое время. Даже среди ночи.

— Спасибо, и все же я не представляю, зачем мне это?

— Кто его знает... На всякий случай, — сказала она. Сейчас у нее был вид прозорливой и мудрой женщины.

Я положила визитку в карман и вышла, стараясь идти не спеша, словно все у меня замечательно, хотя на самом деле я только что пережила самую унижительную беседу в своей жизни.

Это было адской мукой. Мой босс — женщина, которую я очень уважаю и испытываю к ней неподдельную симпатию, — только что фактически обвинила меня в том, что я молча сношу побои и вообще являюсь жертвой домашнего насилия.

Наши с Джорданом отношения выходили за рамки привычных шаблонов. Мне не нужен был вялый любовник или мягкий секс. Я перешагнула через это и попала в другое измерение, обычный человек вряд ли поймет и одобрит такое. И уж тем более я не могла объяснить подобных вещей кому-то вроде Пэм. Она никогда этого не поймет.

В коридоре меня резко затошнило. Я почти ничего не ела, устала как собака на работе и уже целую вечность толком не высыпалась. Я кинулась за мусорный контейнер, и там меня начало рвать, но в желудке было пусто и выходила одна лишь желчь.

Я выпрямилась, отерла рот рукавом. Перед глазами все плыло.

Я не успела позвонить Джордану, значит, его еще не было и есть несколько минут, чтобы прийти в себя. Вдруг кто-то окликнул меня по имени — от неожиданности я подскочила и резко обернулась. Из темноты вышел Джеффри.

— Мэг, это ты?

— Боже, как ты меня напугал!

Я сделала глубокий вдох, борясь с новым приступом тошноты. Не знаю, видел ли он, чем я тут занималась, но у меня не было ни малейшего желания что-либо ему объяснять.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, ты уже давно ушел.

— Я вернулся, чтобы проверить расписание. — Он выглядел смущенным. — Ты как, нормально?

Я деланно рассмеялась.

— Да что это с вами со всеми вдруг случилось?

— Ты о чем?

— Только что был допрос с пристрастием в кабинете Пэм. У меня все хорошо!

— Не хочешь чего-нибудь выпить? — предложил он. — А то мы с тобой уже, кроме как

на работе, больше нигде не видимся. Не отдыхаем вместе...

Не помню, когда в последний раз ходила просто попить пива. Отправиться куда-нибудь развлекаться со знакомыми — это казалось таким далеким и забытым.

Я уже давно должна была позвонить Джордану, чтобы он меня забрал, и он наверняка начал волноваться.

Конечно, можно было пригласить Джордана с нами, но я просто не представляю, о чем им с Джеффри говорить. К тому же я уверена, что Джордан не одобрит моей дружбы с Джеффри. Да, это нелепо, но я слишком измучена, чтобы скандалить еще по поводу этого.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я так устала, что валюсь с ног, — сказала я, не соврав ни капли. — К тому же мне уже пора. Может, перенесем?

Он неопределенно пожал плечами. Было видно, что он расстроился. Он принялся нервно кутаться в пальто. Сейчас он выглядел очень юным, застенчивым и намеренно избегал смотреть мне в глаза.

— Должен тебе кое-что сказать, — тихо сказал он.

Судя по голосу, он подозревал, что мне это вряд ли понравится и я буду злиться.

Да что они все, сговорились? Сегодня полнолуние, что ли? Или какая-то зараза в воде и воздухе? Еще одного откровенного разговора мне не вынести, хватило и того, который завела Пэм.

— Что? — буркнула я уж чересчур резко.

— Говорю исключительно потому, что искренне тебя люблю, понимаешь?

— Так в чем дело? — повторила я. Я слишком устала, чтобы быть вежливой.

— Я знаю кое-кого, кто знает кое-кого, кто... ну... знает Джордана Блэра.

Джеффри тоже знает о нас с Джорданом? Неужели весь этот чертов мир уже в курсе? Почему это не может быть просто моим личным делом?

— Ну и?

— Вы же пользуетесь презервативами, правда?

— Презервативами? — У меня на лице отразилась растерянность и непонимание, но потом до меня дошел смысл его фразы, и я истерически захохотала. — Ты думаешь, что Джордан гей? Можешь мне поверить, Джордан не гей.

— А я и не говорю, что он гей. — Выражение его лица оставалось неподвижным и серьезным. — Я совершенно не это имел в виду.

— Тогда что же?

— Ходят слухи, что он готов делать что угодно с кем угодно. Я просто хочу, чтобы ты была осторожнее, чтобы ты была в безопасности.

Я поняла, что он волновался за меня и старался помочь. Но он в корне ошибался насчет Джордана.

— Джеффри, клянусь тебе, Джордан самый горячий нормальный гетеросексуальный мужчина, которого я когда-либо встречала.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— И все равно заставляй его использовать презервативы.

— Я так и делаю! Я же не идиотка.

Наверное, это была самая большая ложь, слетавшая с моих губ. Однажды я предприняла бесплодную попытку заставить его предохраняться, но за этим последовал такой

категоричный отказ, что больше эту тему я не поднимала.

— И перестань опаздывать, — предупредил он, быстро перескакивая с темы на тему. — Тебя же могут уволить.

— Нет-нет. Мы с Пэм поговорили и все уяснили. Все будет нормально.

Тут на стоянку подъехал Джордан, не дождавшись, когда я с ним свяжусь. Приезд всколыхнул во мне волну раздражения — надоело его постоянное присутствие, — но сейчас я не в силах ничего с этим поделать. Лучи фар мазнули по нам, водитель остановил машину и, не став глушить мотор, вышел открыть мне дверцу.

— Мне нужно идти, — сказала я.

Джеффри взглянул на машину, затем на меня, потом снова на машину.

— Мне тебя не хватает, — печально произнес он. — Все уже не так, как прежде.

— Все именно так, — солгала я. — Ничего не изменилось и ничего не изменится.

Он испытующе на меня посмотрел. Мы оба понимали, что мое обещание — самообман. Я ушла, не попрощавшись. Скользнула на заднее сиденье, где ждал Джордан. Он обнял меня, и мне показалось, что я задыхаюсь, все больше увязая в том болоте, в которое собственноручно превратила свою жизнь.

Мы тронулись с места. Хорошо, что в салоне было темно и не было видно выступивших слез. Я сама не могла понять, почему мне так тоскливо.

— Кто это был? — спросил Джордан.

— Один из поваров.

— Что он хотел?

— Он хотел взять выходной. Надеялся, что я поменяюсь с ним сменами.

Понятия не имею, почему я не решилась произнести имя Джеффри вслух и почему вдруг сочинила целую историю. Просто я знала, что Джордану не понравится то, что я общаюсь с Джеффри, а я была слишком на взводе, чтобы еще убеждать его, что это был просто невинный разговор.

— Ты отказалась?

— Конечно.

— Хорошо. Я не могу допустить, чтобы ты работала еще больше. Это уже слишком.

— У меня совсем не осталось сил, — согласилась я. — Поехали скорее домой. Я могла бы сейчас и целую неделю проспать беспробудным сном.

Я стояла перед зеркалом, разглядывая свое отражение. Я по-прежнему красила волосы в темно-рыжий, но теперь они стали длиннее. Отросла моя фирменная стрижка с отдельно торчащими прядями, которой я так дорожила.

Я накрашилась, используя натуральные оттенки персикового и коричневого. Много туши и контурного карандаша — так нравилось Джордану. Он купил мне облегающее серебристое платье, которое я тут же надела. Сама бы я никогда не выбрала такой яркий наряд, но он, как всегда, безошибочно определял, что подойдет новой мне.

Крошечные бретельки легли на мои обнаженные плечи, струящаяся материя скрыла колени. Складки лифа демонстрировали тело, подчеркивая, какая я теперь худая.

Грудь практически исчезла. Я напоминала фотомоделей, которые изнуряют себя диетами. Просто кляча: на фоне впалых щек четко прорисовываются скулы, тазовые кости выпирают.

Я выглядела экзотично и незнакомо. Совершенно другой человек. Я была в замешательстве от перемен. С одной стороны, я выглядела шикарно, богато и изысканно. С другой стороны, я тосковала по своему прежнему образу. Ощущение было таким, будто у меня отрубили руку или ногу. Казалось, что важная часть меня исчезла, и я бы и рада ее вернуть, но не могу отыскать.

Я застегнула ремешки туфель, специально подобранных под платье.

Джордану захотелось какого-то конкретного сорта вина, и он отправился за ним. В кои-то веки я осталась одна в этих роскошных апартаментах. Здесь было очень тихо. На тумбочке телефон — я взглянула на него и подумала, что надо бы кому-нибудь позвонить. Но кому? И почему мне хотелось поднять трубку и набрать номер?

С тех пор как я сбежала с Джорданом, ни разу еще не говорила с людьми, которыми прежде была заполнена моя жизнь. Как и сейчас, я всегда была чем-то занята, но это были другого рода хлопоты. Вечеринки и футбол по воскресеньям, когда к нам с пивом и пиццей заходили приятели Стива, танцы ночь напролет в любимых клубах, семейные ужины в доме его родителей...

Кто-нибудь задумался, где я и чем занимаюсь? Кто-нибудь соскучился по мне?

Не знаю, почему я все это время с ними не связывалась, даже с Мэри, с которой мы одно время были очень близки. В своем стремлении остаться с Джорданом я поспешила оборвать все прежние связи. К тому же что-то подсказывало, что Джордану вряд ли понравится, что я поддерживаю отношения со своими знакомыми.

Глупо избегать их только из страха вызвать его недовольство. Я не могла понять, как дошла до жизни такой. Мои отношения с друзьями совершенно не должны его касаться. Зачем позволять ему мной командовать? До встречи с ним я бы такого не потерпела. Почему же терплю сейчас?

Я схватила трубку и крайне удивилась, обнаружив, что у меня трясутся руки, словно я делаю что-то предосудительное. Я набрала номер Мэри и ждала, ждала, ждала. Когда включился автоответчик, я не могла понять, что чувствую — огорчение или облегчение. Что бы я ей сказала? Какие слова будут уместны спустя месяцы?

Я повесила трубку. Нахлынула беспробудная тоска. По прежней жизни, по прежним знакомым, по себе прежней. Я снова подняла трубку и набрала номер, на этот раз Стива,

стараясь не думать, зачем я это делаю.

Он ответил после третьего гудка.

— Алло.

Этот до боли знакомый голос разбудил теплые воспоминания. Слова застряли в горле, и я застыла как статуя. Что именно я собиралась ему сказать? Понятия не имею.

— Алло, — повторил он.

На заднем плане послышался голос Мэри:

— Кто это?

Мэри он всегда очень нравился. Может, они сошлись? Мне и в голову не приходило, что жизнь у него могла вполне наладиться и без меня. Хотя если уж быть до конца откровенной, то с тех пор, как ушла, я почти о нем не вспоминала.

И тут он удивленно произнес:

— Мэг, это ты?

Тут вернулся Джордан с вином, и я очень аккуратно положила трубку. Я так нервничала, словно совершила тяжкий грех, что само по себе было нелепо. Я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы унять сердцебиение и привести в порядок растрепанные чувства. Я схватила из коробки салфетку и промокнула лицо и глаза, боясь, что он заметит, что я чем-то расстроена, и захочет узнать причину.

А что я ему скажу? Что, пока его не было, я звонила Стиву поинтересоваться, как у него дела?

Этот вариант я отмела сразу.

— Мэг, ты где?

Голос его звучал встревоженно, словно я могла куда-то удрать, пока он спускался в фойе.

— Я заканчиваю одеваться, — ответила я.

— Дай-ка я посмотрю.

Вихляющей походкой я вошла в гостиную, стараясь держаться грациозно на этих ужасных каблуках. До Джордана я почти не носила туфли, привыкать было сложно. Казалось бы, зачем мучиться, но его одобрительно-оценивающий взгляд несколько облегчал страдания.

— Очень мило.

Он сделал круговое движение рукой, которое означало, что я должна покрутиться, что я и сделала. Подол платья легкомысленно и кокетливо закружился, что было совершенно не в моем стиле, но все равно выглядело впечатляюще.

— Неплохо, правда? — пробормотала я слегка смущенно.

— Очень даже неплохо.

Сам он был одет в темно-синий костюм. Единственный случай, когда я видела его в одежде делового стиля. Он будто сошел со страниц журнала *GQ* или *Forbes* и являл собой образ успешного предпринимателя или миллионера, которым, по сути, и являлся.

Я подошла к нему ближе и небрежным движением потеряла лацканы пиджака.

— Ты тоже выглядишь очень сексуально.

— Неужели?

— О да!

Мы собирались пойти на наше первое настоящее свидание: ужин в ресторане и все такое. Когда он предложил куда-нибудь сходить, я сначала не поверила, что ему может

захотеться чего-то еще, кроме секса. Я не чаяла, что это когда-нибудь случится, и сейчас ожидала какого-нибудь чрезвычайного происшествия, которое все испортит. Я чувствовала себя заключенным, который наконец-то сбежал из тюрьмы, рабом, который вырвался на свободу.

— У меня для тебя есть подарок, — сказал он.

— Какой?

Он достал из кармана жемчужное ожерелье и серьги к нему. Изящная камея из слоновой кости по центру ожерелья подчеркивала вырез платья и привлекала внимание к ложбинке между грудями или отсутствию таковой.

Я улыбнулась.

— Очень мило.

— Повернись.

Он застегнул ожерелье, помог вдеть сережки, потом отошел на шаг в сторону, любуясь результатом.

— Превосходно, — заявил он.

— Думаешь?

— Уверен. Пойдем.

— Не хочешь перед выходом выпить немного вина?

— Уже поздно, наш столик могут занять. Выпьем, когда вернемся.

Мы вошли в лифт, и он в мгновение ока доставил нас на улицу. Спустя несколько минут водитель остановил машину у ресторана на берегу Уилламетта. Название ресторана было мне не знакомо, но, судя по декору, место это было дико дорогое и страшно эксклюзивное. Служащие вились вокруг Джордана, словно он был у них постоянным клиентом, и их подбострастие выбивало меня из колеи. Оно подчеркивало, насколько мало, в сущности, я о нем знаю.

За все время, что мы были вместе, я не выяснила никаких существенных фактов его биографии. Он ни разу не встретился ни с кем по работе, не принимал гостей, никогда не делился смешными историями из детства или рассказами о семье.

Казалось, он появился из ниоткуда, ни с кем не поддерживал связей. Но это было неправдой. На самом же деле я, пропадая днем на работе, и понятия не имела, чем он занимается в мое отсутствие. Он вполне мог обедать здесь два раза в неделю, а я об этом и не подозревала. Ну разве не странно?

Всякий раз, когда я интересовалась, чем он был занят весь день, я получала расплывчатые ответы о каких-то конференциях и деловых встречах. Но докопаться до того, как же он сколачивал свое состояние, я так и не смогла. Не похоже, что он сильно утруждает себя делами. Он был так богат, и при этом у него было много свободного времени, в то время как я вкалывала в поте лица и всегда была без копейки. Положения у нас были абсолютно противоположными и несправедливыми.

Нас усадили за столик с видом на реку. Стояла весна, темнело все позднее, и в еще не ступившихся сумерках перед нами открывался восхитительный вид на виллы на другом берегу. Мимо проплывали парусные суда, а вдали белел снежный пик горы Худ.

Еда была уже заказана — еще одно доказательство его привилегированного статуса, — и вскоре после того, как мы уселись, принесли вино и аперитивы. И все равно я чувствовала себя неловко. Наши отношения были такими закрытыми, наше поведение могло служить образцом упадка и разложения, и было странно сидеть вот так просто друг напротив друга в

общественном месте, подобно нормальным людям.

Мы были красивой парой, и я видела, как люди, особенно женщины, бросают на нас косые взгляды. Или, может, они все знали Джордана и теперь тщательно просчитывали ситуацию, пытаясь понять, что же это за незнакомка с ним ужинает. Мне бы очень хотелось соответствовать в их глазах образу его спутницы, но я сомневалась в своих силах.

— Как называется твоя компания? — спросила я, стараясь как-то заполнить неловкую тишину. Я решила, что должна узнать о нем хоть что-нибудь не имеющее отношения к сексу.

— У меня больше нет компании.

— Тогда на какие же деловые встречи ты ходишь?

— Я веду переговоры со своими поверенными в банках и бухгалтерами.

— Чтобы управляться со всеми твоими деньгами, нужно, небось, с утра до вечера работать?

Вообще-то, это была шутка, но он ответил очень серьезно:

— Да.

— Видно, у тебя их много.

— Много.

— А чем твоя компания занималась?

— Спортивным инвентарем. Я создавал сноуборды, доски для серфинга и все такое прочее.

— Хорошо получалось?

— Вне конкуренции. Только самые лучшие.

— А почему именно доски для серфинга?

— Я вырос в южной Калифорнии.

Вот это уже было что-то новенькое.

— Неужели?

— Да. — Он внимательно меня изучал. — В последнее время ты выглядишь просто прекрасно.

— Спасибо.

— Мне нравится, что у тебя волосы отрастают.

— Это так непривычно, — заметила я.

— Так лучше, — заявил он.

Это было в его духе — переводить разговор на меня. В отличие от других мужчин, о себе он никогда не говорил. Всякий раз, когда я начинала расспросы, он менял тему. Всегда восхищался мной, и поначалу меня это поражало и тешило самолюбие. Но первые шаги в отношениях были пройдены, начинались более серьезные испытания. Поэтому я задалась целью выудить из него какую-нибудь информацию.

— Расскажи о своей семье, — настойчиво допытывалась я.

— А ты — о своей.

— Ты первый.

— Мать и отец, братьев и сестер нет, — коротко сообщил он. — А у тебя?

— Матери и отца нет, братьев и сестер тоже.

— Нет родителей? Но как это? Ты родилась среди волков?

Я рассмеялась.

— Нет, я сирота, меня воспитала тетя. Ну а твои родители живы?

— Только мать.

— Ты с ней вообще видишься?

Он усмехнулся.

— Очень редко.

— Она в Калифорнии?

— Да, в психиатрической лечебнице.

Я выпустила из рук ложку.

— В психиатрической лечебнице?

— Она попала туда много лет назад.

— И до сих пор там?

— Она там навсегда. Ее признали сумасшедшей.

— Сумасшедшей?..

— Да. Она убила моего отца.

— Почему?

— Почему ей поставили такой диагноз? Или почему она убила отца?

— Почему она его убила?

— А почему люди убивают?

— У тебя были близкие отношения с отцом?

— Нет, он был уродом с садистскими наклонностями.

Неудивительно, почему он не хотел обсуждать свое прошлое! Он сидел с непроницаемым лицом, словно подстегивал спрашивать дальше. Я пожалела, что вообще начала разговор. История его семьи напоминала минное поле, по которому мне перехотелось идти. И все же я собрала все свое любопытство и дальше ринулась в бой.

— Я слышала, ты однажды был женат.

— Кто тебе сказал?

— Пэм Оуэн, кажется. Так это правда?

— Да.

— Как ее звали?

— Бритни.

— Пэм сказала, что она умерла.

— Да, в результате несчастного случая на лодке.

— Как это произошло?

— Мы плавали в устье реки Колумбия. Только мы вдвоем. Там очень коварные подводные течения. Лодку накрыло огромной волной.

— Ты тоскуешь по ней?

— Каждый день.

Он пригубил вино, наши вилки звякнули о фарфор. Фраза была совершенно уместна, но была произнесена без тени эмоций, и я подумала о его роскошном пентхаусе. Нигде не было ее фотографии.

По спине пробежал странный холодок.

Дальше мы переключились на другие темы, преимущественно касающиеся меня: он нашептывал, что хочет сделать со мной, как только мы окажемся дома. Обычно я впадала в эйфорию, видя, как сильно его возбуждаю. Но посреди элитного ресторана в окружении состоятельных посетителей эти разговоры выводили меня из себя. Я пыталась перейти в более безопасное и безобидное русло, но безуспешно. Он был всецело поглощен мной и своими планами относительно меня.

Официант унес тарелки и предлагал десерт, когда метрдотель провел мимо нашего столика пару. Джордан посмотрел на женщину и узнал ее, но виду не подал. Женщина же, напротив, побледнела от изумления и резко остановилась.

— Здравствуй, Джордан, — произнесла она презрительно. В обращении сквозила ненависть. — Не ожидала тебя здесь увидеть.

Она была очень хорошенькой худенькой брюнеткой лет тридцати примерно. Ее спутник, по всей вероятности муж, подталкивал ее вперед.

— Давай, Эшли, — умоляюще обратился он к ней. — Пойдем за наш столик. Только не начинай.

Но она не обратила на его слова ни малейшего внимания и зашипела на Джордана:

— Что ты здесь делаешь, больной ублюдок?

Замечание это было сделано достаточно громко, и посетители, сидящие рядом, начали неодобрительно коситься. Джордан даже не поморщился, хотя его губы саркастически изогнулись, словно его развеселил ее выпад.

— Кто это? — резко спросила Эшли, неожиданно переключаясь на меня. Она внимательно меня осмотрела. Ярость, исходящая от нее, была настолько сильной, почти осязаемой, и действовала на меня деморализующе.

— У нее рыжие волосы, — заметила она. — Думаю, не много времени у нее осталось.

— Эшли! — возмущенно воскликнул ее муж. — Пойдем сейчас же!

— Мэг, позволь представить тебе сестру Бритни, мою свояченицу.

— Конечно, ведь мы такая дружная, счастливая семья, не так ли, Джордан? — поддела она его. — Ты приедешь к нам на пасхальный ужин?

Она наклонилась ко мне, приблизив лицо вплотную к моему, — я не знала, чего от нее можно ожидать. Я откинулась назад на спинку стула, а она обхватила пальцами каменную шею у меня на шее. Я боялась, что она резко дернет и порвет ожерелье, но вместо этого легонько, почти любовно за него потянула и глянула на меня с отвращением.

— На тебе украшения мертвой женщины, — заявила она. — Тебя это не смущает?

Она резко отпустила камень и стремительно удалилась.

Мне было жутко не по себе, я оцепенела от ужаса, в то время как Джордан оставался невозмутим. Казалось, что вспышка Эшли его только позабавила.

Справившись с сердцебиением, я заметила:

— Ты ей не очень нравишься.

Он равнодушно пожал плечами.

— И никогда не нравился.

— Почему?

— Она уверена, что я убил Бритни.

На секунду земля перестала вращаться, и я спросила прямо:

— А ты не убивал?

— А сама ты как думаешь?

Думаю, я должна была броситься его защищать, но с моих губ слетело всего лишь:

— Я не знаю.

— Хочешь посмотреть протоколы береговой охраны? Они лежат у меня дома в файле.

Сама мысль о том, что он может быть маньяком-убийцей, была настолько нелепа... Я быстро спохватилась.

— Нет.

— Она сумасшедшая, — отметил он.

— По ней видно.

Я оглянулась по сторонам, но Эшли с мужем не увидела. И все же мне не хотелось здесь больше задерживаться и провоцировать ее на новое нападение.

— Может, уйдем?

— Хорошо, я попрошу счет.

Оставив его рассчитывать с официантом, я направилась в туалет, который находился в коридоре напротив фойе. Стоило мне повернуть за угол, как я умудрилась столкнуться с Эшли и ее мужем, перегородившими проход в тесном коридорчике. Она рыдала, а он ее успокаивал.

— Куда бы я ни пошла, — стенала она, — везде встречаю его. Такое чувство, что он ходит за мной по пятам! Может, он прослушивает наши телефоны, чтобы знать мой распорядок.

— Ты придаешь этому слишком большое значение, — вполне здраво рассудил муж.

— Он делает это умышленно! — настаивала она. — Он специально тычет мне в лицо ее смерть. Козел! Он же ее убил, и никому нет до этого дела!

— Эш, прошло уже шесть лет, — утешал ее муж. — Смирись.

Мне было очень неприятно, что я оказалась невольным свидетелем сцены, поэтому постаралась тихонько, на цыпочках уйти, как вдруг меня заметил муж Эшли. Он хмуро посмотрел на меня, Эшли тоже повернулась и злобно оценивала мое платье и туфли. Ее скорбь была такой явной!

— Боже, это просто невероятно! — Она посмотрела на мужа, ища поддержки. — Разве ты не видишь?

— Нет, а что?

— Она выглядит точно как Бритни. Он просто сделал из нее новую Бритни.

У меня предательски задрожали руки.

— Извините, — пробормотала я. — Я не хотела встреть.

Неожиданно сзади появился Джордан и положил руку мне на плечо.

— Пойдем отсюда, Мэг.

Но Эшли не могла не прицепиться.

— Это же не твой натуральный цвет, так ведь?

— Нет.

Невероятно, но я ей ответила.

— Он и Бритни заставил покраситься в темно-рыжий за несколько недель до убийства.

— Господи, Эш! — оборвал ее муж. — Извини, Джордан.

— Все в порядке, Билл.

У меня пылали щеки, я была вне себя от ярости, поэтому резко развернулась и зашагала прочь, Джордан пошел следом.

Она крикнула вслед:

— В день, когда он заставит тебя перекраситься в блондинку, беги со всех ног!

Я была в ванной, когда, как мне показалось, услышала из гостинной шум открывающегося лифта. Мне послышалось, что Джордан с кем-то разговаривает, но точно я не разобрала, потому что работал музыкальный центр.

Если у него гость, то это первый человек за все то время, пока мы вместе. Наверное, мне следовало бы проявить больше любопытства, но было поздно, к тому же я слегка перебрала. Целую неделю разрывалась между Джорданом и работой, и теперь я была решительно настроена завалиться спать. Сегодня вечер понедельника, начало моих выходных, которые приходится на вторник и среду. Зная выносливость Джордана в постели, спать мне в ближайшие сорок восемь часов придется совсем чуть-чуть.

Но на кон была поставлена моя работа, я не могла больше халтурить или прогуливать. А для этого нужно урвать себе хоть какой-то отдых.

Я ничего не имела против секса — он по-прежнему был горячим и страстным, но мне просто необходимо было немного подремать. Если вдруг он снова захочет меня привязать, напичкать «дурью» или проделать еще что-нибудь такое, на что я всегда в конечном счете соглашаюсь, то на этот раз пошлю его в грубой форме. Он, конечно же, разозлится, но у меня просто нет сил с ним спорить.

Стоило коснуться головой подушки, и я тут же отключилась. Проснулась от того, что Джордан водит носом по моей шее. Он заставлял меня открыть глаза, но я как могла сопротивлялась.

— Господи, пожалуйста, дай мне поспать, — пробормотала я. Мне хотелось, чтобы он оставил меня в покое, но в то же время вроде как и не хотелось... — Я совершенно измоталась.

— Эти два дня ты вся моя. Я хочу тебя. И я не могу больше ждать.

Он раздвинул мне ноги и вошел, размеренно двигаясь внутри. Я находилась в каком-то полусознательном состоянии, наслаждаясь процессом, и в то же время все вокруг было как в тумане, как в волшебном сладком сне.

Я думала, он завяжет мне руки над головой, но он этого не сделал, что меня, признаться, удивило. Он привязывал меня так часто, что мы даже перестали снимать с изголовья кровати веревки — моих теперешних неизменных спутников и неотъемлемую часть наших плотских утех. Джордан получал огромное удовольствие от связывания, научил и меня им наслаждаться. Мне это нравилось, если только он не становился слишком груб.

Если ему что-то от меня было нужно, он всегда это получал, — я не могла долго сопротивляться, это стало привычным. Он хотел, чтобы я была покорной, это почему-то было важно. Подчиняясь, я делала его счастливым.

Он поиграл с моей грудью, затем спустился ниже к выпуклости внизу живота, лаская языком клитор и губки. Теперь я брила все, смирившись с фактом, что так нравится ему и спорить с этим бессмысленно. Он проник в меня пальцем и начал двигать им вперед-назад. Когда он засунул свой палец мне в зад, я скривилась и дернулась, но ни слова не проронила.

Терпеть не могу анальную стимуляцию, и он прекрасно это знал, но все равно мучил. И чем больше я жаловалась, тем дольше это продолжалось, поэтому на этот раз я решила: лучше промолчать. Он еще немного поиграл, постепенно распаяясь, а я в это время витала где-то на грани сна и реальности. Я понимала, что происходит, но реагировала

заторможенно. В конце концов он снова перебрался к верхней части моего тела.

— А я ведь никогда еще не занимался с тобой анальным сексом, — прошептал он.

— Нет, не занимался.

Он упомянул об этом как-то вскользь, но, к моему облегчению, развивать тему не стал. Никогда раньше этого не пробовала и особо не стремилась. Его замечание лишний раз заставило меня задуматься над тем, почему он выбрал именно меня. По сравнению с ним я была настоящей святошей, но, видимо, это его и притягивало. Он получал огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие от того, что искушал и заставлял пробовать вещи, которые меня путали или вызывали отвращение.

— Когда-нибудь я поймею тебя в зад. Я сделаю это, когда ты в чем-нибудь провинишься и мне нужно будет тебя наказать. — Он целовал меня в щеку, в шею. — Ты же позволишь мне, правда?

— Конечно, — сказала я. Легче было согласиться.

Джордан отстранился от меня и пересел на краешек кровати. Он шарил в ящике тумбочки, но у меня не было сил посмотреть, что он там вытащил.

Он налил в стакан виски и добавил туда несколько капель какой-то жидкости.

— Вот, выпей.

— Не хочу. Я сегодня ничего почти не ела. У меня желудок сводит.

Это было чистой правдой.

— А вот я выпью, — сказал он.

Меня это крайне удивило. Он никогда не пил — разве только мог изредка пригубить немного вина — и не принимал те наркотики, которые давал мне. Я однажды спросила почему, а он ответил, что не хочет притуплять ощущения алкоголем, а афродизиаки на него не действуют — зачем зря глотать? Думаю, истинная причина заключалась в том, что он ни за что на свете не хотел терять контроль над собой.

— Хочу попробовать кое-что новенькое, — пояснил он. — Что-то, чего мы еще не делали.

— Давай, конечно, — сразу же ответила я с готовностью.

— Подожди, я сейчас вернусь.

Я снова отключилась. Не знаю, сколько времени я так пролежала. Слышала, как он вернулся, забрался на кровать и улегся рядом, но вместе с ним в постель залез кто-то еще и примостился с другой стороны. В голове был полный сумбур, меня охватили вялость и апатия, и к тому же я чувствовала легкое опьянение, хотя ничего не пила.

Я распахнула глаза и посмотрела по сторонам, желая выяснить, что происходит.

— Привет, Мэг, — промурлыкала Кимберли. — Помнишь меня?

Она оперлась на локоть и смотрела на меня сверху вниз. Светлые волосы красиво обрамляли ее идеальное лицо. Она была без одежды, обнаженной грудью касалась моей руки. Она улыбалась, но это, скорее, была злорадная ухмылка, которая словно говорила: «Посмотри, где ты сейчас!»

Ошеломленная и окончательно сбита с толку, я помотала головой.

— Джордан... нет...

— Сделай это для меня, Мэг, — потребовал он, убеждая меня уступить. — Я хочу посмотреть на вас вдвоем.

— Нет!

Но он не обратил на мой возглас ни малейшего внимания, а вместо этого придвинул к

кровати стул. Он надел удобные домашние штаны, которые обычно носил во время сексуальных игр. И кивнул Кимберли, словно давая знак начинать.

— Джордан! — воскликнула я громче, а Кимберли тем временем наклонилась и стала ласкать языком мой сосок.

К своему стыду, вынуждена признаться, что ощущение было потрясающим, и на какой-то миг я едва не сдалась. А что в этом такого?

Я могла бы ее прогнать и сделать вид, что ничего не произошло, что это просто было странное эротическое видение. Я удовлетворю Джордана, постараюсь поскорее справиться со своими постельными обязанностями и, наконец, уснуть. Но едва я поймала себя на том, что рассматриваю этот вариант, как тут же внутренне взбунтовалась.

И дело даже не в том, что сама идея секса втроем вызывала у меня стойкое неприятие или мне не давала покоя перспектива делать это с другой женщиной, чтобы распалить Джордана. Просто я ненавидела Кимберли с той самой минуты, как она прицепилась к Стиву в том проклятом баре на побережье. Я как-то пыталась расспросить Джордана о том, кто она и откуда он ее знает. Он заверял меня, что они просто встречались, хотя, как по мне, звучало это весьма неубедительно. Лично я была уверена, что Кимберли проститутка. Иначе быть не может. Он точно ей заплатил, и я в этом участвовать не собираюсь.

Как они сговорились? Зачем? Я лишь представила, как они обсуждают меня, споря по поводу того, что она будет со мной делать, и подсчитывая, сколько это будет стоить, и меня затошнило.

Неужели он настолько плохо меня знает? Да как он мог даже предположить, что я стану делать это с ней?

Впервые за все время нашего знакомства мне хотелось уйти от него, бежать куда глаза глядят и никогда не возвращаться.

Кимберли забралась на меня сверху, так что наши обнаженные тела полностью соприкасались. Ее живот, бедра, равно как и груди, прижимались к моим. Эти прикосновения вызывали у меня запретный восторг, ощущения были гораздо приятнее, чем следовало бы, и меня снова передернуло от отвращения.

Она изогнулась так, чтобы касаться меня своей чисто выбритой киской, и тут до меня дошло, что она, скорее всего, побрилась специально по просьбе Джордана.

Насколько хорошо они были знакомы? Неужели Джордан встречался с ней за моей спиной?

— Давай покажем ему настоящее шоу, — промурлыкала она и рассмеялась своим похотливым смехом, который так меня раздражал. — Когда мы закончим, ты получишь его доведенным до кондиции.

Она попыталась поцеловать меня в засос, но я увернулась, и она звонко чмокнула меня в щеку. Из глаз брызнули слезы (ничего не могла с собой поделать), и я откатилась от нее подальше. Сердце билось как бешеное, в желудке что-то колыхалось. Я боялась, что меня сейчас вырвет прямо на пол.

Я была крайне измучена, все казалось неправильным: мой выбор, решения, которые я принимала. Я не хотела так больше жить, не хотела все время быть на пределе. Поначалу наш с Джорданом роман будоражил кровь, приятно возбуждало его восхищение, но теперь не осталось ничего, кроме жуткой усталости.

Не было ни секунды затишья, никаких простых ситуаций. Весь роман — одна сплошная кульминация чувств, нездоровая тяга, вредное, болезненное пристрастие. В данный же момент

мне хотелось оказаться одной, вдали от них обоих.

Я всегда была такой мягкой и податливой, вот он, вероятно, и посчитал, что меня можно и к этому склонить, заставить пасть еще ниже. Но здесь он ошибся, перегнул палку, потребовав невозможного.

Я многое могла и готова была для него сделать, но не это.

Ошеломленная, потрясенная, я села на кровати, а у Кимберли хватило наглости снова ко мне придвинуться. Она погладила меня по плечу.

— Не бойся, Мэг. Будет здорово.

— Еще раз ко мне прикоснешься — я тебе руку сломаю.

— Расслабься. От тебя ничего не требуется, я все сделаю сама.

Она стала на колени, обняла меня сзади и сжала пальцами сосок. Я стряхнула ее с себя, вскочила и уставилась на Джордана. Я была настолько разъярена, что, будь у меня в руках пистолет, я бы тут же его пристрелила.

— Убери ее отсюда.

— Но я так хочу, Мэг, — сказал он очень тихо, очень серьезно. Его синие-синие глаза молили об уступке. — Я хочу, чтобы ты сделала это для меня.

— Убери ее отсюда к чертовой матери!

Я завизжала так пронзительно, что едва не порвала голосовые связки. Затем побежала в ванную и изо всей силы захлопнула за собой дверь. Я закрылась на задвижку и стала метаться по комнате, как пойманный зверь в клетке.

Отчаяние вызвало какое-то легкое помешательство: я глухо стонала и рвала на себе волосы. Не знала, что делать, не знала, куда идти и что будет дальше. Я понимала, что мне с ним не по пути, и, тем не менее, порвала все связи, сожгла все мосты. У меня даже не было подруги, которая разрешила бы мне перекантоваться у нее на кушетке.

Возможно, именно в таких ситуациях люди решаются на самоубийства: наступает момент, когда они вдруг осознают, насколько одиноки в этом мире.

Я остановилась, оперлась ладонями о столик и глянула на свое жуткое отражение. После ресторана у меня не было сил принимать душ, и я завалилась в постель, не умывшись: по щекам тушь, волосы дыбом, будто я пыталась вырвать их с корнем. Я была тощей как ишпала, ребра и тазобедренные кости торчат.

Я выглядела как сумасшедшая.

У меня подкосились ноги, и я рухнула на пол. Голая и холодная, я лежала в каком-то оцепенении. Не глядя нащупала полотенце, стянула его с перекладки и накинула на себя.

Я свернулась калачиком, удивляясь, как человек, будучи настолько несчастным, все еще остается живым. Я мечтала о том, чтобы сердце перестало биться или чтобы я могла просто взять и растаять в воздухе. Но на это у меня не хватило везения.

«Что мне делать? Что мне делать? Что мне делать?»

Это заклинание звучало в голове. Наконец меня перестало тряссти мелкой дрожью, и я уснула.

Спустя некоторое время щелкнул замок, дверь отворилась и вошел Джордан. Он взял меня на руки и отнес на кровать. По крайней мере, полагаю, что так оно и было. Я была настолько обессиленной и потерянной, что уже ни в чем не была уверена. Он уложил меня, укутал, как маленького ребенка, затем выключил лампу и примостился рядом. Он прижался ко мне своим обнаженным теплым телом, обняв сильными руками. Он нежно меня гладил, шептал ласковые слова, которые действовали убаюкивающе, погружая в более глубокий сон.

Когда я проснулась, с трудом могла шевелиться: я много часов провела в одном положении, и руки-ноги затекли. Я перевернулась на спину и вытянулась во весь рост. Судя по солнечным лучам, пробивающимся сквозь шторы, было далеко за полдень, но я не видела часов, поэтому оставалось только гадать.

На меня навалились события прошлой ночи, и я встревоженно огляделась, но ни Джордана, ни Кимберли рядом не было. Я вздохнула с облегчением и замерла, прислушиваясь, пытаюсь понять, есть ли в помещении еще кто-то, кроме меня. Было необычайно тихо. После моей сумасшедшей выходки с Кимберли Джордан, наверное, ушел в надежде, что к его приходу меня здесь уже не будет.

Когда он наконец заглянул, я могла бы притвориться, что все еще сплю, но делать этого не стала. Он наверняка следил за мной, ждал, пока проснусь. Мне было неуютно от одной мысли о том, что он видел меня в таком жалком, беспомощном состоянии.

Мы не отрываясь смотрели друг на друга. В его взгляде, как всегда, ничего нельзя было прочесть. Никогда раньше не удавалось понять, что творится у него в голове. Так было и в этот раз. Что же до меня, то было ощущение, будто с меня живьем содрали кожу, как будто мне с холодной жестокостью раздробили все кости.

Я так много отдала, чтобы быть с ним рядом, пожертвовала столькими крошечными частями своего «я», что больше себя не узнавала.

— Сколько времени? — прохрипела я севшим голосом.

— Восемь часов.

Я кивнула. Припадок произошел со мной где-то около полуночи, значит, я проспала много часов, но все равно не чувствовала себя отдохнувшей. Похоже, полноценного отдыха в моей жизни больше не будет.

Он вошел с подносом в руках. Потом поставил его на комод, а сам осторожно присел на краешек кровати, глядя на меня с опаской, словно боялся, что я снова начну кричать.

— Я подумал, что у тебя может быть расстройство желудка. Я принес чай и тосты.

— Спасибо.

Его следующая фраза меня сильно удивила.

— Мне очень жаль.

Я догадалась, что он имел в виду Кимберли.

— Разве?

— Я не знал, что ты воспримешь это в штыки. Ты всегда так охотно пробовала все новое. Вот я и подумал... — Он не закончил мысль. У него был весьма встревоженный и смущенный вид, чего я никогда прежде за ним не замечала. — Я не хотел тебя обидеть. Я бы никогда не посмел.

Я отвернулась.

— Я ее ненавижу.

— Я не знал.

— А ты... ты все это время с ней трахался?

— Нет. Я случайно встретил ее вчера и пригласил. Я не подумал...

— Я не хочу ее больше видеть.

— Не увидишь.

Отсутствующим взглядом я изучала дальнюю стену.

— Пообещай.

— Обещаю.

Он забрался на постель и обнял меня сзади, обвив рукой талию, закинув свою ногу на мою.

— Только не бросай меня из-за этого, Мэг.

У меня по щекам скатилось несколько слезинок. Я была удивлена, что они у меня вообще остались.

— Я не знаю, что мне теперь делать, Джордан.

— Умоляю, только не уходи. Скажи, что ты меня прощаешь, что остаешься.

— О, Джордан...

На него сложно было сердиться. Я не хотела с ним воевать. Я всего лишь хотела... чего? Не знаю.

— Я люблю тебя, Мэг. Я полюбил тебя с самой первой встречи.

То же самое было и со мной.

— Я тоже тебя люблю.

— Выходи за меня.

Я недоуменно наморщила лоб, не уверенная, правильно ли я расслышала.

— Что ты сказал?

— Выходи за меня. Я проведу остаток жизни, показывая, как много ты для меня значишь.

— Ты сумасшедший.

— Нет, я в своем уме. Выходи за меня, Мэг. Скажи «да».

Я закрыла глаза и взмолилась, чтобы передо мной сейчас возник правильный ответ и этой сказке пришел конец. Но здесь были только я и он, и те смешанные сильные чувства, что я к нему испытывала.

Что, если я откажусь? Что, если я сейчас выскочу отсюда и никогда больше его не увижу? Смогу ли я это вынести?

Ответ был очевиден: у меня не было ни сил, ни желания от него уходить.

— Выходи за меня, — повторил он. — Позволь загладить свою вину.

Ну как я могла ему отказать, когда он так искренне раскаивался?

И как последняя дура, я ответила:

— Да, да, я согласна.

— Этим кольцом я закрепляю наш союз.

Джордан надел мне на палец золотой ободок, и я улыбнулась, думая, что передо мной самый красивый в мире мужчина, а я самая счастливая женщина.

Я не обращала внимания на то, что комната пуста. Даже не задумалась о том, как странно, что на церемонии не присутствует никто из друзей или родни. После того как Джордан сделал предложение, откладывать не было смысла, и мы тут же приступили к официальной части. Не было времени заказать приглашенные или помещение или нанять распорядителей, но мне никогда особо и не хотелось торжества как такового.

Я убедила себя в том, что этот день слишком особенный, чтобы делить его с кем-то еще. Пусть будем только мы с Джорданом, и весь восторг и радость достанутся нам одним. Единственными посторонними были судья и парочка скучающих клерков-свидетелей.

На протяжении всей церемонии я пребывала в состоянии замешательства, не могла никак поверить, что все это происходит со мной.

Задолго до того, как я пришла в себя, судья захлопнул регистрационную книгу, поздравил нас, сунул на подпись какие-то бумаги... и все. Мы вышли из кабинета, спустились по ступенькам здания суда и вышли под дождь. Потоптались на тротуаре, от души посмеялись над тем, что только что совершили, и над спонтанностью поступка.

Джордан остановился и поцеловал меня. Прямо на улице, где нас все могли видеть. Обычно он был очень сдержан на людях, не одобряя публичных проявлений чувств, и этот его поступок я расценила как добрый знак на будущее. Предыдущие несколько недель, такие несуразные и напряженные, остались позади, перед нами открывалась новая жизнь.

— Что будем делать? — спросил он. — Все произошло так стремительно, я даже не успел спланировать медовый месяц.

— Устроим его позже. — Я посмотрела на хмурое небо. — Может, рванем куда-нибудь, где солнце и тепло?

— Зачем позже? Давай заскочим домой, забронируем билеты на самолет. Будем в Мексике или на Гавайях через пару часов.

Предложение было крайне заманчивым, и мне очень хотелось согласиться, но я не могла. У меня и так было много прогулов на работе, если я пропущу еще, меня точно уволят.

Вероятно, мне стоило оставить работу. У меня теперь богатый муж, готовый меня содержать. Но все дело в том, что ресторан был последним связующим звеном с той жизнью, которую я вела до встречи с Джорданом, и я не могла поступиться им.

Если бы я не пекла десерты в «Моцарте», то не знаю, что бы со мною стало. Как ни странно, но порой мне казалось, что я становлюсь человеком без прошлого.

Но я не могла объяснить это Джордану. Он все упорнее настаивал на том, чтобы я бросила работу, в то время как я все больше укреплялась в своем решении продолжать работать. Чем мощнее он давил, тем яростнее я сопротивлялась. Мы зашли в тупик, и в тот день, как нарочно, я была настроена очень миролюбиво и не хотела с ним пререкаться.

— Ничего страшного, если мы сейчас поедem домой и засядем там. Я совершенно не против, чтобы ты оказался в полном моем распоряжении.

— Вообще-то, я бы лучше поехал на побережье.

— В твой пляжный домик?

— Да. Там нам уж точно никто не помешает.

Мне не хотелось возвращаться в пляжный домик. У меня с ним были связаны ужасные воспоминания. Не шла из головы ужасная энергетика, исходящая от него. Он был словно окутан пеленой зла. Его враждебная среда угнетала, заставляя вести себя не свойственным мне образом.

Пусть это было глупо, но мне казалось, что именно из-за этого дома я потеряла Стива, а заодно Мэри и Джеффри. И в конце концов он лишит меня и места шеф-повара. Если я рискну еще раз туда наведаться, неизвестно, какая еще беда на меня обрушится...

Я вздрогнула от одной мысли об этом.

— Ну давай же, — подстегивал он меня. — Машина будет здесь через минуту. И мы сможем отправиться.

— И даже домой не заедем?

— Там есть все, что тебе может понадобиться.

Я вспомнила до отказа набитые ящики комода, красные бикини и белый халат.

— Но мне бы хотелось иметь что-нибудь из моих собственных вещей.

— Тебе они не понадобятся, — заявил он, посмеиваясь. — Я собираюсь все время держать тебя обнаженной.

— Животное!

Из плотного потока машин вынырнул его автомобиль и подъехал к нам.

— Пойдем. — Джордан подал мне руку, помогая забраться внутрь. — Можем всю дорогу пить шампанское.

— В четверг утром я должна быть в городе, — сообщила я ему.

Он нахмурился.

— Это еще зачем?

— Мне нужно на работу.

Он вздохнул, всем своим видом показывая, что его ответ мне не понравится, но было очевидно, что он тоже не хочет ссориться.

— Конечно.

— Пообещай, что я смогу вернуться вовремя.

— Обещаю. Поехали.

Вскоре мы мчались по шоссе Сансет. Портленд и его пригород постепенно исчезли вдаль. Шампанское было очень холодным, очень вкусным, и за два часа пути мы (а точнее я) успели приговорить три бутылки. Джордан сделал всего несколько глотков, в то время как я много влила в себя и изрядно захмелела. Я не собиралась напиваться, но мне было необходимо набраться смелости, чтобы снова встретиться с этим вселяющим ужас строением.

Возможно, моим первым предложением на правах жены будет продать его и купить новый где-нибудь в другом месте.

От осознания того, что теперь я могу вносить свои предложения, имею право просить и требовать, я слегка растерялась. Я так спешила поскорее выйти за него, что совершенно не подумала о вытекающих из этого последствиях. У него были деньги, и я, став его женой, тоже могла теперь ими распоряжаться. Я могла ходить куда хотела, делать что хотела — это было так захватывающе, когда пред тобой сразу открывается столько возможностей.

Он открыл входную дверь и впустил меня внутрь. Водитель тем временем уехал, оставляя нас одних. Я прошла в гостиную. Тишина, стоявшая там, казалась мне злобещей,

уединенность — чрезмерной. Я устала в венецианские окна, взгляд скользнул по склону горы вниз к океану.

Вокруг не было видно никаких признаков цивилизации — ни домов, ни телефонных столбов, ни высоковольтных линий. Один только густой лес, серое небо и серая вода кругом, насколько хватало взгляда.

Кто-то здесь был и оставил охлажденное шампанское и легкую закуску. Выходит, Джордан заранее спланировал привезти меня сюда. С того самого момента, как мы вступили в брак, я не отходила от него ни на секунду, а при мне он никаких телефонных звонков не делал, что и навело на мысль о том, что приготовления он осуществил заранее.

Но почему бы просто не сказать мне об этом? Зачем делать из этого секрет? Или он боялся, что я не поеду? Что мне захочется в какое-то другое, более помпезное место?

Кто-то, может, и захотел бы более роскошного отдыха, но не я. Все было бы замечательно, если бы не мои воспоминания об этом месте. Если бы мой первый визит был хоть чуточку приятнее...

Он закрыл дверь на замок. Затем подошел сзади и принялся целовать в шею. Я проспала завтрак, пропустила обед и понятия не имела, когда будет ужин, поэтому умирала от голода. Завидев канapé, набросилась на них и стала уплетать за обе щеки.

И только собралась откусить очередной кусок, как Джордан подскочил и выхватил у меня еду.

— Эй! — возмутилась я.

— Ты хотя бы представляешь, сколько в этих бутербродах калорий?

— Нет. А что, много?

— Слишком много.

— Ну и что?

— Вы теперь моя жена, миссис Блэр. Я не могу допустить, чтобы ты растолстела.

Я наклонила голову и придирчиво осмотрела себя: никогда еще не была такой худой, сейчас я выглядела как заморыш.

— Не думаю, что это возможно. Ты же все время держишь меня в постели, и мне вечно не хватает времени поесть. Да, кстати, и фамилия моя не Блэр.

— Что?

— Я не собираюсь менять фамилию.

— А придется.

— Не буду.

Не знаю, что меня толкнуло на этот небольшой акт неповиновения. Должно быть, во мне заговорило шампанское, потому что на самом деле я никогда даже не задумывалась о фамилии. Да и острой привязанностью к своей девичьей фамилии Уайт я не страдала. Не внезапно взыгравшее во мне упрямство решило во что бы то ни стало ее сохранить.

— Твое имя отныне Мэг Блэр, только так и никак иначе.

— Нет.

— Ты ведешь себя нелепо. — У него даже щека задергалась. — И я не собираюсь спорить по этому поводу.

— А может, я хочу поспорить?

— Спор здесь неуместен. — Он кивком головы указал мне на террасу на заднем плане. — Иди раздевайся и залезай в горячую ванну.

— Горячую ванну? Но я не хочу.

Он негромко рассмеялся, отчего у меня по спине побежали мурашки.

— Мэг, разве ты до сих пор не поняла?

— Не поняла чего?

— Мне совершенно нет дела до того, чего ты хочешь, а чего не хочешь.

— Очень паскудно с твоей стороны мне об этом говорить.

— Когда ты намеренно испытываешь мое терпение, сложно оставаться вежливым.

Не представляю ничего пошлее, чем торчать там, где Стив и Кимберли трахались как кролики.

— Это и моя свадьба тоже. Мое мнение по поводу того, как ее отмечать, тоже должно учитываться.

— Ты еще выскажешь свое мнение, но сначала я хочу трахнуть тебя в горячей ванне. В предыдущий раз не было подходящей возможности.

— А ты хотел?

— Вообще-то, я рассчитывал посмотреть, как ты будешь делать это вместе со Стивом и Кимберли, но ты отказалась, поэтому мы сделаем это сейчас. Только мы вдвоем. Бегом!

Он явно начинал злиться. Я помнила, как сильно он психовал, когда я не подчинялась немедленно. Но, похоже, я действительно напилась, потому что готова была по-настоящему взорваться.

— Тебе что, нужно, чтобы всегда было по-твоему?

— Мне так больше нравится.

— Оно и видно.

В ярости я метнулась на террасу и сорвала с себя платье. Это был узкий шелковый чулок кремового цвета с накидкой болеро с отороченными кружевом рукавами, декольте и подолом. Я отшвырнула его на груды деревянных досок, не удосужившись аккуратно сложить или повесить на стул, после чего погрузилась в ванну спиной к двери. Я не собиралась сидеть там, пялиться по сторонам и с волнением ждать момента, когда же он наконец соизволит появиться.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он ко мне присоединился. За это время под действием горячей воды и шампанского я успела расслабиться. Я уже тысячу раз успела убедить себя в том, что Мэг Блэр тоже очень неплохо звучит, а что касается секса в горячей воде, то это вообще замечательная идея.

Я поняла, как нужно себя вести. Он был гораздо более импульсивен, чем я. Ему в голову могло взбрести все, что угодно, и он ждал, что я соглашусь на его предложение, независимо от того, нравится мне это или нет. Если я хочу избежать постоянных склок и скандалов, следует научиться быть более терпимой к его капризам и прихотям.

Я решила не ссориться, к тому же это был день свадьбы. Такое поведение не сулило ничего хорошего, ведь еще, чего доброго, я начну сомневаться в правильности своего решения. А его уже не изменить. Дело сделано, и все, что теперь остается, — это двигаться вперед. Я же не самая неконтролируемая женщина на свете, нужно научиться быть более беззаботной, меньше ныть и брюзжать.

Когда он наконец появился из дома, я посмотрела на него с улыбкой. Он улыбнулся в ответ и подошел с открытой бутылкой шампанского и тарелкой ужасно калорийной закуски.

Я расценила это как знак перемирия и облегченно вздохнула.

— Если бы я тебя не знала, — решила я его подколоть, — то подумала бы, что ты хочешь напоить меня и соблазнить.

— Ты разгадала мой коварный замысел.

Он скользнул ко мне, и мы долгие часы занимались любовью. Он крутил мной и вертел, был то груб и резок, то ласков и нежен. Эта оргия длилась до позднего вечера — до тех пор, пока мы полностью не обессилели. Когда мы наконец улеглись в кровать, я сказала себе, что трахаться в горячей ванне не так уж и плохо, в конце концов. И почему я так сопротивлялась?

Я легла поверх одеяла. Кожа пересохла и потрескалась от жары и содержащихся в воде добавок. Он нагрел немного ароматического масла и стал его втирать, пока я не провалилась в глубокий сон.

Проснувшись я довольно поздно и в кои-то веки в чудесном расположении духа. У меня немного болела голова после шампанского, но зато я целую ночь спала, слопала целую тонну закуски и побаловала свое бедное измученное тело. В общем, день обещал быть замечательным.

Я довольно осклабилась и потянулась, размышляя над тем, насколько легко я приспособилась к атмосфере изобилия, в которой жил Джордан. Со временем наша совместная жизнь будет все лучше и лучше, и мы будем любить друг друга все сильнее и сильнее.

Я услышала, как он на цыпочках поднимается по лестнице и заглядывает в спальню. На нем были джинсы, которые подчеркивали его восхитительный зад и изящные бедра, в руках — поднос с аппетитно пахнущей едой.

— Доброе утро, — сказал он, убедившись, что я уже не сплю. — А я уже отчаялся увидеть тебя бодрствующей.

— Это на меня так действует морской воздух. И массаж. Я так, чего доброго, стану требовать его каждый день.

— Можешь. Кстати, если хочешь, я вообще могу нанять тебе массажистку.

— Правда?

— Конечно, только при условии, что ты разрешишь мне смотреть.

— Опять ты со своим «смотреть», — рассмеялась я. — Ты таким уродился или это у тебя приобретенное?

Он на секунду задумался.

— Думаю, я такой с рождения.

Он присел на краешек кровати, помог мне приподняться, подложил под спину подушки и стал кормить завтраком, пока я не съела все подчистую. На завтрак были вафли с сосисками, картофельные оладьи и фрукты.

Последнюю порцию я не смогла осилить и оттолкнула руку с вилок.

— Хватит, хватит. Я сейчас лопну.

— Бездонная яма.

Он погладил мой набитый живот.

— Я уже целый год так плотно не ела. Это все ты приготовил?

Если так, то он открылся для меня с новой стороны. В кухню он наведывался изредка, и то лишь затем, чтобы сварить кофе.

— Да.

— Вау! Мужчина со множеством скрытых талантов.

Он рассмеялся.

— Я пошутил. Это все было доставлено утром, до того как ты проснулась. Я всего лишь

разогрел в микроволновке.

Он поставил поднос на комод, повернулся ко мне и начал медленно снимать джинсы, позволяя мне дюйм за дюймом плотоядно пожирать взглядом свое великолепное тело. Он легонько коснулся моего лица и взлохматил волосы.

— Кто такая Мэри? — спросил он как бы невзначай. Первой моей реакцией была паника, я лихорадочно подыскивала ответ, и лишь потом до меня дошло, насколько это нелепо. У меня не было причин говорить ему неправду.

— Она была, точнее является, моей лучшей подругой.

— Ты позвонила ей, ни слова не сказав мне об этом.

Паника усилилась, когда я попыталась вспомнить тот единственный вечер, когда мне отчаянно захотелось услышать ее голос и я набрала номер. Я чувствовала себя преступницей.

— Я не знала, что мне нужно спросить у тебя разрешения.

— Разрешения не нужно, но, видишь ли, я не понимаю, почему ты ни разу не упомянула об этом звонке.

— Не такое это и важное событие. Тем более что ее даже дома не оказалось.

— Значит, ты не пыталась это от меня скрыть?

— Конечно же нет.

Он пристально посмотрел на меня, затем очень тихо произнес:

— Было ли в тот вечер еще что-то, о чем бы ты хотела мне рассказать?

У меня сердце ушло в пятки. Тогда же я позвонила Стиву, и Джордан наверняка об этом знал. Непонятно, почему я солгала.

— Нет, рассказывать больше нечего. Я позвонила, ее не оказалось дома, и я повесила трубку. Вот и все. — Я отвела глаза, будто бы смущенно. — Послушай, если ты не хочешь, чтобы я ей звонила, то так и скажи, я не стану этого делать.

— Хорошо, я не хочу, чтобы ты ей звонила.

Я была совершенно уверена, что он благополучно об этом забудет, поэтому, заслышав его ответ, я задрожала от досады.

— Почему? Она очень милая.

— Это человек не твоего круга.

— Значит, я теперь такая охрененно крутая? И мои старые друзья мне не ровня? Почему? Только потому, что я теперь твоя жена?

— Да, ты теперь моя. И ты должна вести себя соответственно твоему новому положению.

— Но она очень милая, — повторила я.

— Тебе не следует водить такие знакомства.

Я так разозлилась, что едва не заехала ему кулаком. Не понимаю, почему я этого не сделала. Хотя, если бы я его ударила, он точно ударил бы в ответ. Затевать драку не хотелось.

И вообще, какая разница? Я не предприняла ни единой попытки поддерживать отношения с Мэри даже на самом поверхностном уровне. Джордан велел никогда с ней не общаться, но что из этого? Даже если после стольких месяцев я постучусь к ней в дверь, она просто захлопнет ее у меня перед носом, и будет права.

Я подавила в себе гнев и выскользнула из постели.

— Я пойду приму душ.

— Иди.

Я пошла в ванную и довольно долго стояла под душем, оттягивая момент, когда

придется выйти и вступить в пререкания. И почему я не могла общаться с ним как нормальный человек? Почему я не могла постоять за себя?

Я не была ребенком, но всегда позволяла ему так к себе относиться. Я никогда не высказывала вслух то, что на самом деле думала. Я подчинялась ему во всем, и он настолько привык к моему молчаливому соглашательству, что, когда я набиралась смелости настоять на своем, налаженная модель отношений выходила из строя. Нужно было ввести какие-то ограничения, какие-то правила, по которым мы могли бы взаимодействовать.

Я вытерлась и натянула халат. Я готова была приступить к обсуждению проблемы, которую считала серьезной трещиной в нашем браке. Следовало как-то ее разрешить.

Я прошла в спальню. Он все еще был там — лежал обнаженный на кровати. Он ждал меня, поглаживая свой возбужденный член.

— Иди сюда, — велел он.

Я мгновенно приблизилась, но меня напугал его взгляд, которым он меня рассматривал. Он мог быть сильным и требовательным, но никогда не выходил из себя. А сейчас вдруг показалось, что он вот-вот взорвется.

— Что случилось? — спросила я.

— Никогда мне не лги, Мэг. И не пытайся ничего утаить. Я очень огорчен твоим поведением.

— О чем ты говоришь? Я никогда тебе не лгала.

— Ты уверена?

— Да.

— Кому еще ты звонила в тот вечер, когда пыталась связаться с Мэри? — Он сделал паузу, сверля меня своим разгневанным взглядом. — Прежде чем ты ответишь, хочу тебе напомнить, что я живу в здании с высоким режимом безопасности. Я в курсе всего, что туда поступает или выходит за пределы.

Я облизала внезапно пересохшие губы, не понимая, почему я так напугана, почему у меня такое чувство, будто я совершила что-то непростительное.

— Стив, — выдавила я наконец.

— Что ты сказала? Я не расслышал.

— Я звонила Стиву.

— Да, звонила. — Кивнул он удовлетворенно. — Вот я и пытаюсь понять зачем. Можешь объяснить?

— Нет.

— Тебе было одиноко? Ты соскучилась по нему? Ты надеялась, что вы снова сможете быть вместе? Что?

— Я не знаю.

И это было правдой. В ту ночь я чувствовала себя словно отрезанной от внешнего мира и подчинилась глупому порыву.

— Ты должна быть наказана, Мэг. Ты понимаешь это?

— Ты что, с ума сошел? Как ты собираешься меня наказывать?

— Я тебе сейчас покажу.

— Но я ведь с ним даже не говорила! Когда он ответил, я повесила трубку.

Он поднялся, распрямляясь, как кобра перед укусом.

— Ложись на живот.

— Джордан!

— Ложись.

Я не убежала. Я не закричала. Я даже не стала сопротивляться. До сих пор не могу понять почему. Я как робот сделала все, что он приказал. Я легла на кровать и вытянулась, уткнувшись лицом в подушку. Он что-то искал, но я боялась взглянуть, что он собирается делать.

Он подошел ближе, коленом уперся в матрас, другая нога осталась на полу, ладонь он положил на спину между лопаток.

— Я делаю это, потому что люблю тебя, Мэг. Ты же понимаешь, правда? — Я попыталась встать, но он мне не дал. — Потому что я тебя люблю. Вот почему.

Он хлестнул ремнем по ягодицам, кожаная полоска снова и снова стегала обнаженную плоть. Я вцепилась руками и зубами в одеяло, стараясь не расплакаться. На самом деле было не так больно, как я ожидала. Порка причинила скорее не физическую боль, а унижение.

К счастью, экзекуция вскоре закончилась. Он отшвырнул ремень в сторону и взобрался на кровать, вдавив меня в матрас всем своим весом. Он был крайне возбужден, его налившийся затвердевший член уперся мне в бедро. Его взбудоражила порка, жестокость.

— Скажи, что тебе жаль, — прошептал он мне в ухо.

— Мне очень жаль.

— Мне не нравится, что тебя приходится воспитывать.

— Мне жаль, — повторила я снова. — Я не хотела тебя расстраивать.

Он резко вошел в меня и имел бесконечно, я же, в свою очередь, даже не пикнула. Мне было очень стыдно из-за того, что меня высекли, что я молча с этим смирилась и даже не сопротивлялась. Более того, я чувствовала себя виноватой. Словно совершила непростительный грех, словно я действительно, как он и утверждал, заслуживала наказания.

Когда он кончил, то просто вышел из меня и отстранился, не проронив ни слова. Я перекатилась на бок, сжимаясь комочком, прижимая колени к груди. Когда он выместил свой гнев, то вдруг стал очень заботливым. Он укрыл меня пледом, погладил по спине и поцеловал волосы.

— Ты сама в этом виновата, Мэг, — сказал он напоследок. — Если бы не твой проступок, этого бы не случилось. В следующий раз хорошенько подумаешь, прежде чем что-то сделать. Впредь так и будет, я знаю.

— Да, Джордан, конечно, — проблеяла я покорно.

— А теперь отдохни и подумай над своим поведением. Позже мы еще к этому вернемся.

Он ушел, оставив меня одну, и мне хотелось умереть.

Я прошмыгнула в ресторан через черный ход, надеясь, что меня никто не заметит. Я не вышла вчера, не позвонив и не предупредив, и сегодня явилась с опозданием на несколько часов. Казалось, что на меня сейчас направлен карающий луч прожектора и я стою в его свете, а все вокруг осуждающе качают головами и показывают на меня пальцами.

Я повесила пальто, достала из шкафа поварской колпак, прошла на кухню, завязывая на поясе фартук.

Джефффри как раз размешивал тесто в огромной миске. Он был по уши в заказах: повсюду разбросаны кастрюли, блюда начаты, но не закончены, торты испечены, но не покрыты глазурью. Он холодно посмотрел на меня, но не проронил ни слова и продолжал вымешивать, словно меня и не было.

— Я очень сожалею, что опоздала, — промямлила я и подошла к столу, не зная, за что хвататься.

— Неужели? — сказал он без тени эмоций, словно мое присутствие (или отсутствие) больше для него ничего не значило.

— Мы были в пляжном домике Джордана. — Не удостоившись ответа, я бессвязно залепетала: — Он на побережье, произошло какое-то недоразумение, водитель перепутал время, когда нас нужно забрать.

Я не стала упоминать, каким пылким и полным раскаяния был Джордан после ссоры и каким бурным оказалось примирение. Он носился со мной как с писаной торбой, опекал и исполнял все мои прихоти, пока я не устала от его неусыпного внимания.

На самом деле водитель ничего не напутал. Просто я проспала после непрерывного сорокавосемичасового празднования. Опробовали каждую кровать, каждый стул и кушетку, каждый участок ковра и пола. В результате у меня была счесана спина, на груди и бедрах остались синяки и следы от укусов, а одна особенно яркая отметина красовалась на шее. Она появилась в результате того, что Джордан чрезмерно увлекся привязыванием.

Я постаралась прикрыть отметину воротником свитера, в котором было очень жарко, но блузу надеть не могла — приходилось мучиться.

Джефффри безразлично пожал плечами и отвернулся, внимательно изучая полку с выстроенными в ряд кастрюлями.

Чувствуя себя полной дурой, я снова повторила:

— Мне очень жаль.

— Нет, тебе совершенно не жаль. — Он резко развернулся ко мне. — Ты слишком занята своей модной квартирой, своими крутыми прикидами и своим офигенным шофером, а все остальное тебя беспокоить не может.

— Неправда.

— Я тебя знаю уже довольно долго, но никогда не мог подумать, что в тебе может оказаться столько гребаного эгоизма.

— Это не так.

Он закатил глаза.

— Говори что хочешь.

— Я вышла замуж во вторник.

Он был первым и единственным человеком, которому я это рассказала. Надеюсь,

после этой новости он немного оттаает, поздравит меня, отпустит пару подколочек по поводу первой брачной ночи.

— Какое мне дело, что ты вышла замуж за какого-то богатого психа-извращенца?

— Не верю, что слышу такое от тебя. Ты ведь даже с ним не знаком.

— Господи, да ты совсем слепая.

Мои щеки стали пунцовыми.

— Я думала, ты за меня порадуешься.

— Завтра у мэра поздний завтрак. И устраиваем его мы. Об этом ты забыла?

— Нет, — соврала я.

— А помимо этого на выходные у нас намечено еще три частных вечеринки.

— Я знаю.

— Я работал за тебя сверхурочно, лгал и выгораживал тебя.

— Спасибо, я ценю это.

— Да не ценишь ты ни хрена! Ты вдруг возомнила, что все тебе чем-то обязаны, что ни у кого вокруг нет права на собственную жизнь, только у тебя.

— Почему ты так на меня злишься?

— Посмотри на себя в зеркало, Мэг. Внимательно посмотри.

Он вылетел из кухни, хлопнув дверью. Я была в шоке от его враждебного тона. Никогда раньше не видела, чтобы он так бурно реагировал. Ясное дело, просто не знала, как с ним в таком состоянии себя вести: пойти за ним или подождать, пока он остынет.

Вошли две официантки с грязной посудой. Они сделали вид, что меня не замечают, и быстро выскочили в зал для посетителей, словно я была парией, разносчиком заразы.

Я тупо стояла, раскачиваясь из стороны в сторону, раздумывая, что делать, как тут из кабинета вышла Пэм. Мы какое-то время просто смотрели друг на друга. Наконец она заговорила:

— Мэг, зайди, пожалуйста. Мне нужно с тобой поговорить.

— У меня много работы. — Я жестом указала на блюда, которые Джеффри начал делать, но так и не довел до конца. Взгляд же мой молил о сострадании, просил дать мне больше времени.

— Это займет не больше минуты.

Не оставляя мне выбора, она просто настежь распахнула дверь, что было очевидным приказом. Как приговоренный к повешению, я поплелась в ее кабинет, еле удерживаясь, чтобы не упасть на колени, хватая ее за полы пиджака и моля о пощаде.

Она сама не присела и мне не предложила. Мы стояли и молчали, момент был крайне неловким, сказать было нечего.

— Что с тобой произошло, Мэг? — спросила она наконец с явным огорчением. Мне стало ужасно стыдно.

— Мне очень жаль.

В последнее время я только и делала, что извинялась на каждом шагу.

— У меня такое чувство, что передо мной незнакомый человек.

— Я все та же... просто... просто...

Она подняла руку, прерывая мои бессвязные оправдания.

— Только не нужно извинений. Это мы уже проходили.

— Я собиралась быть здесь. Действительно собиралась!

— Вчера у родителей Джеффри была сороковая годовщина свадьбы. Ты не явилась, и я

просто не смогла его отпустить.

Я уже так давно не разговаривала с Джеффри, что была не в курсе семейных торжеств.

— Они устроили праздник?

— Да, и очень большой, но он не смог на него пойти. Из-за тебя, Мэг. Потому что тебя не оказалось на месте.

— О боже...

Она посмотрела на меня, как на пришельца, затем протянула руку и опустила воротник свитера, так что видна была отметина, которую оставил мне Джордан, когда слишком сильно стянул веревку.

— Не хочешь об этом рассказать? — спросила она.

Я увернулась, воротник встал на место. Я чувствовала себя униженной, мне стыдно было смотреть ей в глаза, поэтому я уставилась на стену.

— У нас любовь, Пэм. Мы очень сильно друг друга любим.

— Уверена, что не сама себя в этом убедила?

— Но это так!

— Что бы вы с ним ни делали, что бы между вами ни происходило, со временем это будет все хуже и опаснее. Ты же это понимаешь, так ведь?

Часть меня, которая мыслила здраво, оценила ее замечание как верное и полезное, к которому стоит прислушаться. Но голос разума заглушила вторая моя половина, независимая и упрямая, слишком гордая, чтобы признать собственную неправоту.

— Это не про него, — упрямо заявила я. — Просто он очень страстный.

— Да?

Она невозмутимым оценивающим взглядом прошла по моему телу. Наверняка гадала, какие еще секреты таятся у меня под одеждой.

— Мы с ним новобрачные, — заявила я, будто это оправдывало любую низость и подлость.

— Да неужели? — ответила она бесстрастно.

Я робко улыбнулась, снова надеясь на поздравления, но они и в этот раз не последовали.

— Мы праздновали и немного переборщили. Вот и все.

Она кивнула, но от ее пронизательного взгляда ничто не укрылось, она видела меня насквозь.

— Что же мне с тобой делать, Мэг? Мне интересно, что ты сама думаешь на этот счет.

— Дайте мне другой шанс.

— У тебя их было предостаточно.

— Дайте мне еще один.

— Раньше для тебя эта работа что-то значила, но не теперь.

— Но мне нравится здесь работать! — воскликнула я. — Я исправлюсь! Я сегодня опоздала, но этого больше не повторится. Обещаю!

— Думаю, ты говоришь искренне, и от этого только хуже.

— Но я действительно искренна!

— Судят по поступкам, а не по словам. Ты сама это прекрасно знаешь. — Она сделала паузу. Было видно, что она уже приняла окончательное решение. — Я никогда еще никого не увольняла, и не хочу увольнять тебя.

Ее намек был предельно ясен.

— Но и дальше меня здесь держать вы не хотите, я правильно поняла?

— Да.

Он протягивала петлю, давая мне самой просунуть в нее голову. При этом я испытывала даже нечто вроде облегчения от того, что скоро все закончится.

— Вообще-то, — я была совершенно растоптана и подавлена, — я зашла сообщить, что ухожу. Только поэтому я здесь. Нужно же было как-то поставить вас в известность. Я сейчас так занята, муж... и... сами понимаете.

— Да уж, понимаю.

Она подошла к столу и выдвинула ящик. Там уже лежал специально приготовленный для меня последний чек на зарплату. Она протянула его мне.

— Мне будет тебя не хватать, — сказала она, но выражение лица при этом оставалось безучастным.

— Я тоже буду скучать. Спасибо за ту возможность, которую вы мне предоставили. Я очень вам за нее признательна.

— На здоровье. И удачи во всех последующих начинаниях.

Прощание получилось невыносимо холодным. У меня сердце рвало на части. Ведь эта работа была последним связующим звеном с настоящим и нормальным миром, в котором я жила. Как много еще я хотела ей сказать — как я горжусь, что работала здесь, как не хочу я сейчас уходить, — но все откровения сейчас были бессмысленны.

Я уже развернулась и направилась было к выходу, как она прошелестела мне вслед:

— Будь осторожна, Мэг.

— Буду.

Я зашла на кухню, которая была подозрительно пуста, и в состоянии протрации нетвердой походкой направилась к выходу, забыв даже забрать свои вещи. Никто не выбежал попрощаться. Никто не помахал вслед и не пожелал всего хорошего.

Я торчала на стоянке под проливным дождем, мокли волосы и плечи, но я этого словно не замечала. Чувствовала себя невидимкой, бестелесным существом, которое могут смыть струи воды.

На противоположной стороне улицы был бар, туда я и направилась. Мой сотовый остался в кармане пальто в ресторане, поэтому я попросила позволения воспользоваться барным телефоном. Я позвонила Джордану, но у него была важная встреча и он не мог за мной приехать, поэтому послал водителя. Я никогда не воспринимала этого человека как шофера, и уж тем более сейчас, после того как Джеффри бросил это слово мне в лицо, словно оно было ругательным.

Я поплелась к обочине. Наконец подъехала машина. Вымокшая и продрогшая, я забралась в салон и безучастно смотрела, как за окном проносятся улицы. Когда мы подъехали к дому, я отметилась на посту охраны и села в общественный лифт, который повез меня наверх в пентхаус.

Войдя, я припала к оконному стеклу, надеясь, что знакомые очертания горы Худ меня успокоят, но ее скрывали серые дождевые тучи. Казалось, я была замкнута в большой висящий над городом стеклянный пузырь.

Кругом царила тишина, и я была совершенно одна.

— Тебе нравится?

Я покрутилась, демонстрируя Джордану платье, которое он собирался мне купить. Это было очередное облегающее платье-чулок с глубоким декольте. У меня в шкафу висели десятки похожих. Учитывая то, что мы никуда не выходили, глупо было иметь такое количество, но ему так нравилось их для меня выбирать, что я не возражала.

— Не знаю, твой ли это цвет. По-моему, такой оттенок синего не совсем тебе подходит. — Он посмотрел на стилиста-консультанта — даму, которая принесла нам несколько платьев прямо домой. — А вы как думаете? Может, будь она блондинкой, ей бы оно больше пошло?

— Определенно, — ответила женщина. Она поняла, кто здесь платит, поэтому соглашалась с любым его замечанием.

— Но я не собираюсь снова перекрашивать волосы, — запротестовала я. — Тем более только затем, чтобы лучше выглядеть в синем платье.

Женщина в нерешительности спустила мои темно-рыжие пряди, которые теперь доставали до плеч.

— У вас такие большие выразительные карие глаза. Немного светлого... вам должно пойти.

— Ни за что.

— Но вы могли бы добавить пару светлых прядей, — настаивала она, — они оживят ваш образ.

— Ни за что! — повторила я и посмотрела на Джордана, взглядом давая понять, что на сегодня показ моделей окончен.

Он сделал выбор и выпроводил стилиста. Когда лифт закрывался за ней, я смотрела ей вслед едва ли не с тоской.

Еще бы. Редко разговаривала с кем-то кроме. Джордана, редко выходила одна на улицу — он не любил ходить по магазинам, а наслаждался уединенностью и комфортом, которые давали ему деньги. Когда мне что-то было нужно, он вызывал на дом продавца-консультанта и помогал мне с выбором. У него был изысканный, утонченный вкус, которому я доверяла, и вообще он почти все время был рядом.

Иногда он уезжал на встречи. Я была предоставлена самой себе, но боялась выйти из дому, хотя понимала, что это глупо. Я взрослый человек и могу вызвать лифт и спуститься на нем самостоятельно... Но чем дольше я торчала в пентхаусе, тем сложнее мне было в одиночку выходить в город.

Джордан всегда хотел знать, куда я направляюсь и когда вернусь, он каждый раз устраивал допрос с пристрастием. А потому, чем куда-то ходить и долго и нудно потом объясняться, я предпочитала сидеть в четырех стенах. И хотя он никогда не запрещал мне выходить, я всегда переживала, будто совершаю что-то предосудительное.

Когда я делала что-то без его участия, постоянно ощущала его молчаливое осуждение. А я на собственной шкуре прочувствовала его гнев. Он был подвержен припадкам ярости. Я твердо решила больше не давать ему повода поднять на меня руку.

Послушная, услужливая, покорная — меня уже тошнило от собственного раболепства. Я подолгу оставалась одна, и времени, чтобы оценить свое нынешнее положение (и понять,

насколько низко я пала), у меня было предостаточно. Но при этом я никак не могла понять, как такое со мной произошло. Наиболее приемлемое из всего, до чего я смогла додуматься: он придавал всему гораздо большее значение, чем я. Он хотел, чтобы я вела себя определенным образом, и противостоять ему было делом неблагодарным.

Он порылся в груде новых вещей и достал комплект белья.

— Вот, надень, — велел он. — Я хочу увидеть тебя в этом.

Я знала, что за переодеванием последует какой-нибудь нетрадиционный секс и долгий марафон в постели. Я не была настроена на любовный лад — всего три часа дня, — но спорить не стала.

— С туфлями?

— Да, с черными, моими любимыми.

— Буду через минуту.

Я пошла в спальню, мысленно радуясь возможности недолго побыть одной, примерила черный бюстгальтер и пояс с черными чулками на подвязках. Образ дополнили висячие серьги и ярко-красная помада — Джордан настаивал, чтобы я красила губы именно в этот цвет. Я сразу же вышла, даже не посмотрела на себя в зеркало. И так знала, как выгляжу: как наркоманка-доходяга или как очень тощая проститутка.

— Очень хорошо! — промурлыкал он, когда я вышла в гостиную.

— Правда? А я не слишком худая?

— Ты же знаешь, как ты мне нравишься в черном.

Я не смогла сдержать улыбки. И хотя непрерывный секс очень изматывал, во мне не иссякало желание доставлять ему удовольствие. Ему нравилось видеть меня обнаженной, раздевать, возбуждать, развращать. Он заставлял меня чувствовать себя особенной, словно я была самой потрясающей женщиной в мире. Не понимаю, как ему это удавалось и почему мне льстило его внимание. Мое сердце по-прежнему начинало учащенно биться от его вожделеющих восхищенных взглядов.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

Он взял меня за руку и повел в одну из дальних комнат.

— Что именно?

Я никогда не была в восторге от его сюрпризов, поэтому сейчас шла еле волоча ноги, как ягненок на заклание, но мы все равно неумолимо двигались к цели.

Он открыл дверь, подталкивая меня вперед. Вид видеокамеры, установленной на столике рядом с кроватью, привел меня в замешательство. Одеял на кровати не было, только красные атласные простыни. Я представила себя на них — очень заманчиво и порочно.

— Я хочу записать нас на пленку, — пояснил он.

— Нет. — Я попятилась в коридор.

— Но ты даже не спросила, зачем мне это.

— Ты все равно не сможешь привести достаточно веских доводов.

Он схватил меня за руку, препятствуя моему отступлению.

— Я так хочу, Мэг. И не желаю слышать «нет».

— Но зачем? Зачем все время заставлять меня делать то, что мне противно?

Это была наша первая ссора с того дня в пляжном домике. Тогда он весь рассыпался в извинениях, выглядел таким чертовски виноватым, клялся больше ни разу меня и пальцем не тронуть, и я поверила и простила.

— Не нужно считать, будто я тебя заставляю что-то делать, — сказал он. — Ты должна

участвовать в этом, потому что ты моя жена, потому что любишь меня и потому что это для меня важно.

— Но зачем при этом снимать? Я не понимаю.

— Ты знаешь, что я люблю наблюдать. Смотреть на нас в записи — это самое возбуждающее.

— Почему бы просто не поднять голову и не наблюдать за всем в процессе?

— Мне нравится смотреть со стороны, находясь как бы на расстоянии, — в процессе так не получится. Есть еще способ это устроить — пригласить другого мужчину, и пускай он тебя трахает, а я буду за вами наблюдать. — Он изогнул бровь и глянул на меня испытующе. — Такой вариант тебя устроит?

— Ты что, совсем с ума сошел? Конечно нет.

— Тогда разреши мне снимать на видео.

— Нет.

Я увернулась и зашагала в спальню. Удивительно, но он не кричал вслед, не настаивал. Возможно, наши отношения развивались. Он последовал за мной — особых угрызений совести не испытывал, хотя и не злился. Он затащил меня в кровать, и у нас был сеанс грубого и безудержного секса, который закончился минетом. Я часто его делала, когда отказывала Джордану в чем-то другом.

Для него это было утешительным призом. Для меня же — незначительной платой за то, что не пришлось делать что-то еще более опасное и противное.

После того как мы закончили, он налил мне немного вина.

Я выпила его, нежась в объятиях Джордана, и почти сразу отключилась, а когда проснулась, наступил уже следующий день и в квартире было очень тихо.

Ощущение было как с похмелья: голова гудела, перед глазами плыло, слегка подташнивало. Только я встала, чтобы пойти в ванную, как у меня сильно закружилась голова, пришлось даже схватиться за ночной столик, чтобы не упасть.

Когда зрение прояснилось, я поняла, что голая. Когда я засыпала, на мне было белье, а сейчас оно было разбросано вокруг по полу. Увиденное привело меня в замешательство. Я силилась вспомнить, как меня раздевали, но тут заметила, что в ногах кровати стоит видеокамера, а провода подсоединены к электрощиту на стене.

Я застыла. В голове царил такой бардак, что до меня не сразу дошло, что он меня снимал. Он снимал меня! Судя по тому, как нещадно болит голова, он наверняка еще и наркотиками меня напичкал, чтобы я оставалась без сознания на протяжении всего отвратительного действия.

Я чувствовала себя поруганной. Я пыталась вспомнить, что он делал, что я делала...

Царапин и ссадин на теле не было. Внутри все болело и ныло, но, учитывая то, какой агрессивный у нас был секс, этого и следовало ожидать. Непонятно, насиловали меня в извращенной форме или нет. Я покопалась в своем затуманенном мозгу, пытаюсь выудить из него хоть малейший намек на то, что было, но безуспешно.

— Сукин сын, — пробормотала я про себя, после чего закричала во весь голос: — Джордан!

Ответа не последовало. Я позвала его еще раз — и снова в ответ тишина.

У меня не осталось ни одних джинсов — Джордан заявил, что это неподобающая для меня одежда, — поэтому я натянула на себя рубашку и брюки и отправилась на поиски мужа. Но в квартире никого не оказалось.

— Сволочь! — негодовала я. — Сволочь, сволочь, сволочь...

Я должна найти кассету. Должна! Не представляю, что на ней записано, но должна узнать во что бы то ни стало. Не успокоюсь, пока не узнаю.

Это была последняя капля. Найду эту чертову кассету и сразу же свалю отсюда. Понятия не имела, куда идти, на чем добираться, но если мне придется жить на улице, то я, черт возьми, стану жить на улице! Больше не позволю так со мной обращаться!

Как безумная я бродила по комнатам, методично заглядывая в каждую щель и закуток, но не могла найти кассету. Так я оказалась в кабинете, в этой святой святых, в его прибежище. Он никогда не запрещал мне туда заходить, но я сама понимала, что не стоит лезть в его дела или копаться в его записях.

Я заглянула на каждую полку, в каждый ящик, и когда дело дошло до рабочего стола, я была уже совершенно невменяемая. Рыться там мне казалось настоящим преступлением — я воровато оглянулась через плечо, опасаясь, что где-то здесь установлена скрытая камера и он узнает о моем проступке.

Но я все равно осмотрела содержимое стола и в нижнем ящичке под грудой мусора обнаружила десятки экземпляров благотворительного календаря, для которого позировала. Он клялся, что в глаза его не видел, не говоря уже о том, чтобы покупать, хотя Пэм утверждала обратное.

Я вытащила их все и с удивлением обнаружила свою фотографию, опубликованную в «Орегониан». Она была аккуратно вырезана и заламинирована, чтобы не трепалась и не выгорала. На самом дне обнаружилась еще стопка фотографий — цветные снимки 8x10, я крупным планом (короткие каштановые волосы со светлыми перьями). Снимки были сделаны, когда я еще была со Стивом.

На каждом снимке я стою на стоянке за «Моцартом» и смотрю на кого-то справа. Я смеюсь, словно тот второй человек сказал что-то забавное. Я внимательно рассматривала фотографии, пытаюсь понять, когда же их сделали, но угадать было невозможно. Ну не могла я вспомнить момент, когда я стояла именно на том месте и с кем разговаривала, хотя эта информация очень много значила.

Когда я повстречала Джордана, меня постоянно преследовало какое-то смутное чувство, что он искал меня целенаправленно, что наши дорожки пересеклись не случайно. Потом это ощущение стерлось, но сейчас, глядя на свою неожиданную находку, я уже не знала, чему верить, а чему нет. Во мне ожили давешние подозрения, и моя причастность ко всему этому выглядела пугающе.

Он увидел снимок в газете и помешался на мне? Он следил за мной? Или он кого-то нанял, чтобы за мной следили?

В памяти всплыло зловещее предостережение его свояченицы, чтобы я ни за что не красилась в блондинку, что он, собственно, и предложил вчера вечером, когда я примеряла платья. Тогда я не обратила внимания на его предложение, посчитав идиотским, оброненным мимоходом замечанием.

Неужели он убил свою первую жену Бритни? Ее сестра в этом совершенно уверена. Что, если она права? Что, если он сумасшедший псих, который заманивает доверчивых женщин в свой мир богатства и изобилия, а потом их убивает?

Может, он убил много женщин. Может, он убьет и меня!

Учитывая мое стрессовое состояние, в голове родилась еще тысяча не менее кошмарных сценариев. Каждый аспект наших отношений теперь казался подозрительным:

нетрадиционный секс, постепенная изоляция от общества, повышенное внимание ко мне и моей внешности.

Я положила календари и фотографии в ящик в состоянии, близком к истерике, уверенная, что меня вот-вот должны убить. Он заполучил меня для своих нездоровых игр, которые я не могла разгадать, и скоро мое тело будет плавать в реке Уилламетт.

Мне отчаянно хотелось бежать. Черт с ней, с кассетой, нужно уносить ноги. Соберу сейчас вещи, сгребу всю наличность и исчезну.

Я бросилась в коридор, как вдруг услышала звук подъезжающего отдельного лифта. Ключ от него был только у Джордана, и только он может выйти сейчас из кабины. Мое сердце пропустило такое количество ударов, что я была уверена, что свалюсь замертво.

Лифт остановился, и из него вышел он. Меня парализовал страх, я стояла, не в силах пошевелиться, как олень в свете фар. А он прошел как ни в чем не бывало, непринужденный и невозмутимый в безукоризненном синем костюме.

— Салют, — приветствовал он меня, останавливаясь перед шкафом в прихожей и вешая пальто. — Удивительно, что ты уже встала. Когда я уходил утром, ты спала так крепко, что я не мог тебя разбудить. Решил, что ты проспишь до ужина.

— Где эта дурацкая кассета? — прошипела я, готовая накинуться на него, повалить на пол и силой ее отобрать.

Услышав вопрос, он нахмурился, словно во всем виноват не он, а какой-то сумасшедший, пробравшийся в дом в отсутствие хозяина.

— Какая кассета? О чем ты?

— Ты, твою мать, снимал, хотя я сказала тебе этого не делать.

— Я не снимал.

— Ах ты, подонок, не ври мне! Камера вон там!

И я показала пальцем в сторону спальни.

Он пересек комнату, с опаской приближаясь ко мне, словно я была агрессивной тварью, способной напасть. Должна признать, я действительно чувствовала себя как дикий зверь, готовый вцепиться ему в горло.

— Я установил камеру, но не включал.

— Лжец! — закричала я. — Я знаю, что включал! Знаю!

— Ради бога, Мэг, какой бес в тебя вселился?

Он подходил все ближе и ближе — я увернулась, лихорадочно прикидывая, смогу ли проскочить мимо, смогу ли добежать до спасительного лифта и спуститься, прежде чем он сможет меня остановить.

На мне даже обуви не было! Как я могла бежать?

Нас разделяли уже всего несколько футов, и я предупредила:

— Не смей меня трогать.

Он ошалело хватал ртом воздух.

— Да что такое с тобой стряслось? Ты что, рехнулась?

— Если ты меня не снимал, то зачем тогда камера?

— Я думал, ты проснешься и я смогу тебя уговорить.

— Ты подсыпал мне наркотики! Вот почему я так долго спала. Не вздумай отрицать.

— Боже, да что на тебя такое нашло?

— Я нашла фотографии, — обвинила я его.

— Фотографии чего?

Он выглядел таким растерянным, его спокойствие меня пугало. Он спрашивал, не тронулась ли я умом. А и правда? Может быть, я уже начала сходить с ума от одиночества и ничегонеделанья?

— У тебя есть календари с моим изображением! И газета тоже.

— Ну и что?

— Зачем они тебе? — завопила я.

— Потому что ты моя жена и я тебя люблю. Вот я и собрал несколько экземпляров.

— Я хочу выйти отсюда. Немедленно! Хочу пройтись по магазинам.

— Так иди. — Он пожал плечами. — Я тебя не держу.

— Ты никуда меня не пускаешь.

— Я тебе ни разу и слова не сказал.

Всякий раз, стоило мне куда-то без него пойти, он выглядел недовольным. Или мне это только казалось? Неужели я сама накладывала на себя какие-то глупые ненужные ограничения? Да что со мной?

Я вжалась в стену, меня сильно колотило, удивительно, как на ногах держалась. Уверена, что в тот момент выглядела как сбежавший из больницы псих.

— Ты хочешь сделать из меня блондинку!

— Так подай на меня за это в суд. Я всего лишь считаю, что тебе пойдет пара светлых прядей.

— Но ты и Бритни заставил покраситься.

— Бритни... свою первую жену?

— Да!

— Я не заставлял. Это ее натуральный цвет. — Он нахмурился, внимательно меня разглядывая. — Ты себя хорошо чувствуешь? Может, вызвать врача?

— Я не сумасшедшая! — закричала я действительно как ненормальная.

Он подошел и обнял, мои руки оказались прижаты к телу. Я брыкалась, пинала его, проклинала, как безумная.

Пока я шарила у него в офисе, подозрения казались такими весомыми и правдоподобными, но стоило мне бросить их ему в лицо, как они утратили смысл и здорово походили на бредни женщины на грани нервного срыва.

— Отпусти! Отпусти! — кричала я, но он не слушал.

Он потащил меня в спальню на кровать, плотно обхватив руками и ногами. Я боролась и извивалась, пока не свалилась в полном изнеможении на матрас, уткнувшись лицом в подушку. Наконец он ослабил хватку, отпустил и направился в ванную. Я слышала, как он роется в аптечке. Затем он вернулся и присел на край кровати.

— Что с тобой такое, Мэг?

— Не знаю, — ответила я. Мне было стыдно за свою выходку, я старалась не смотреть ему в глаза.

— Давай я кое-кому позвоню? Может, если ты поговоришь с нужным человеком...

— Нет.

Мне не нужен был психиатр... или нужен?

— Только что ты вела себя так, будто меня боишься. Почему?

— Думаю, я просто устала.

— Похоже на то. — Он потянулся за пузырьком с таблетками, отпускаемыми по рецепту, и потряс им. — Может, выпьешь парочку?

Я вся напряглась.

— Что это?

— Господи, обычный ксанакс^[1]! Я в прошлом году повредил спину, и у меня немного осталось. — Он замолк, и я отчетливо поняла, что он надо мной смеется. — Он снимает напряжение с мышц и действует успокаивающе.

Он открыл пузырек и высыпал мне на ладонь две маленькие белые таблетки. Я внимательно их изучила — прочитала крохотную инструкцию, прикидывая, не подменил ли он таблетку, не подсовывает ли мне какой-то опасный препарат под видом безобидного.

Он принес стакан воды, и я без дальнейших возражений проглотила лекарство. Я прикрыла глаза, чувствуя невероятное истощение после припадка. Навалилась такая усталость, что я даже подумала, смогу ли когда-нибудь встать с постели.

Джордан поднялся.

— Попробуй немного отдохнуть.

— Попробую.

Он прошелся по комнате, задергивая шторы и приглушая свет, затем на цыпочках вышел прочь. Я же осталась наедине с терзающими меня сомнениями.

Во время одного из своих нечастых «выходов в свет» в центре города я наткнулась на маму Стива. Я узнала ее, только когда она прошла мимо меня. Ни секунды не раздумывая, я ее окликнула.

— Мадж! — позвала я женщину, которая уже удалялась в противоположном направлении.

Она остановилась и обернулась в полном недоумении. Очевидно, она не поняла, кто я, что неудивительно. Во мне не осталось ничего, что напоминало бы прежнюю Мэг.

Дорогие брюки, шелковая блуза и туфли на каблуке, на плече кожаная сумка. Накрашена я была неярко, но эффектно, ногти блестели свежим лаком, волосы отросли и были каштанового оттенка с модными белыми прядями.

После срыва я чувствовала себя полной дурой, поэтому по собственной инициативе, без напоминания с его стороны сделала мелирование в качестве извинения за те обвинения, что я ему бросала. И как всегда, он оказался прав по поводу того, какие изменения светлый оттенок внес в мой облик: я выглядела потрясающе. Совершенно по-новому, но по-прежнему потрясающе.

— Да? — неуверенно ответила Мадж.

— Это я, Мэг.

— Мэг... — Она нахмурилась, силясь меня узнать.

— Мэг Уайт, помните?

— Ах да, здравствуй, Мэг. Как поживаешь?

Она явно не испытывала особой радости от нашей случайной встречи.

— У меня все прекрасно. А как вы?

— Хорошо. — Она окинула меня оценивающим взглядом, отмечая дорогую одежду и модную прическу. — А ты изменилась.

— Я вышла замуж.

— Я знаю.

Должно быть, ей сообщил об этом Стив. От осознания того, что он в курсе происшедшего, я испытала жгучее чувство сожаления. Даже спустя долгие месяцы я все еще чувствовала себя предательницей. Мне до сих пор было стыдно.

Но откуда он узнал? Огорчила ли его эта новость? Остались ли ко мне какие-то чувства? Или все приятные воспоминания разрушил мой жестокий уход?

— Как Стив? — Я не могла не спросить.

— Замечательно.

— Что ж... хорошо.

Повисла неловкая пауза. Наконец она спросила:

— Ну что, Мэг, рада, что заполучила мужа с деньгами?

Такой резкий переход от доброжелательного тона к грубому и резкому выбил меня из колеи.

— Я вышла за него не потому, что он богатый.

— Да неужели?

— Да.

— Ну и почему же тогда?

— Я влюбилась.

— Рада это слышать. А то мне противно было думать, что ты могла пойти на это ради денег, — сказала она с сарказмом. Тем самым она показывала, что совершенно уверена: я вышла за него из меркантильных соображений.

Мне отчаянно хотелось хоть как-то себя оправдать.

— Мне очень жаль, что все так произошло.

— Стив уже большой мальчик. Он смог это пережить.

Я была раздавлена.

— Я рада.

— Они с Мэри помолвлены.

— С Мэри?

— Да, они идеально друг другу подходят.

Понимать это следовало так: она не считала меня достойной Стива партией, и наш разрыв ее несказанно обрадовал. Я почувствовала предательскую слабость в ногах.

— Они счастливы вместе? — спросила я жалостно.

— Конечно.

— Я тоже счастлива, — прошептала я с деланным оживлением.

— Не сомневаюсь.

Ее взгляд снова задержался на моей одежде и волосах. Что-то мне подсказывало, что я совершенно не кажусь ей счастливой. Более того, у нее был такой вид, будто ей меня искренне жаль.

— Была рада встрече. — Я решила, что разговор пора заканчивать.

— Я тоже, — ответила она вежливо, после чего развернулась и пошла своей дорогой.

Кто дал ей право разговаривать со мной в таком тоне?! Я с трудом поборол искушение догнать ее и объяснить, что к чему. Я бы рассказала ей, как сильно она ошибается, как я счастлива в браке, но для столкновения не хватало запала.

С того самого вечера, когда случился нервный припадок, я регулярно принимала ксанакс, поэтому меня больше ничего не трогало и не беспокоило. Я была совершенно невозмутима, и это абсурдное спокойствие меня ничуть не тревожило. Как только я начинала нервничать или мне становилось не по себе, что происходило довольно часто, я лезла за маленькой белой таблеткой.

Когда я долгое время оставалась одна, на меня начинали давить стены, внутри рождался страх, и я прибегала к самолечению. Если же я решалась выйти наружу, то так нервничала и переживала, находясь на грани паники, что принимала одну таблетку перед выходом и еще одну по возвращении.

Лекарства, выписанные Джордану, быстро закончились. После чего в квартире волшебным образом стали появляться новые полные упаковки с моим именем на них. Меня даже не интересовало, откуда они берутся и почему они здесь.

Таблетки творили чудеса. Они не только успокаивали, но и затушевывали острые края реальности, сглаживая колебания настроения. Благодаря этому я не испытывала сильных потрясений и не из-за чего не переживала. Я просто плыла по течению, как в тумане, — так протекали дни и ночи.

Мадж уже давно скрылась из виду, и я усилием воли заставила себя перестать пялиться на то место, где она только что стояла. Я была всего в нескольких шагах от дома и, когда повернула к подъезду, заметила на другом конце улицы Джордана, тоже шедшего домой. Он

разглядывал меня с каким-то странным выражением, но едва наши взгляды встретились, он улыбнулся.

Он подошел и за руку повел к своему персональному лифту, чтобы не пришлось проходить через пост охраны в фойе.

Двери лифта закрылись, кабина со свистом понеслась. От этого меня всегда укачивало. Я схватилась за поручень.

— Ужасно не люблю, когда эта штука так быстро ездит, — пожаловалась я.

Он рассмеялся.

— Я от тебя это слышу уже не в первый раз.

— Спасибо хоть он не открытый и я не вижу, как высоко мы находимся.

— Ты боишься высоты?

— Да.

— Тогда ты неплохо держишься в пентхаусе.

— А ты разве никогда не замечал, что я никогда подолгу не торчу возле окон?

— Нет.

— Вот теперь будешь знать.

Сказать, что я боялась высоты, означало ничего не сказать. В центре помещения я чувствовала себя нормально, но стоило приблизиться к окну и выглянуть на улицу, как головокружение мгновенно усиливалось.

Он меня поцеловал, а потом подчеркнуто небрежно поинтересовался:

— С кем ты разговаривала?

— Когда?

Наша встреча с Мадж была такой напряженной, что я даже не расценила это как беседу. И долго не могла понять, о ком речь.

— Ну тогда, на улице. Ты с кем-то там стояла.

Я ответила сразу, даже не задумываясь, — это на меня так действовали таблетки.

— Это была мама Стива.

— Вы вместе обедали?

— Нет, я случайно с ней столкнулась.

— Как там Стив?

— Она сказала, что замечательно. Он помолвлен.

— Тем лучше для него. Я случайно не знаю невесту?

Наконец-то до меня дошло, что выкладывать ему все без утайки — ошибка моей стороны, поэтому я не стала упоминать имя Мэри.

— Общая знакомая.

— Не жалеешь?

Я рассмеялась, словно это была самая смешная шутка, которую я когда-либо слышала.

— Нет.

Двери лифта открылись, и, когда мы уже вышли, он резко привлек меня к себе и внимательно посмотрел в глаза.

— Мэг, ты же не станешь мне лгать, не так ли?

— Никогда.

— Потому что я могу очень сильно разозлиться.

— Я знаю.

— Расскажи мне еще раз о матери Стива.

Меня тут же охватила тревога, и мурашки побежали по телу. Уверена, что вид у меня сделался очень виноватый.

— Да там и рассказывать-то нечего, — настойчиво повторила я.

— Ты на нее наткнулась.

— Да.

— То есть мне не нужно ей звонить и выяснять, как это было на самом деле?

— Это просто глупо.

Он кивнул в сторону спальни.

— Иди раздевайся и марш в кровать.

— Зачем?

Вот уж поистине риторический вопрос!

У меня поначалу возникла мысль отказаться, поспорить, так как день был в самом разгаре, да мне и не хотелось, но я знала, чем это чревато. Любой акт неповиновения мог привести его в бешенство.

— Мне надеть какое-нибудь белье?

— Нет, будь абсолютно голой.

— Хорошо, дай мне минуту.

Стоило мне выйти, как улыбка тут же сползла с лица. Я специально стала копаться и тянуть время, как можно медленнее стягивая все с себя. Я силилась вспомнить, какими наши отношения были вначале. Тогда я была на седьмом небе от счастья — с такой готовностью соглашалась на все, что он предлагал.

Если раньше между нами пылала страсть, мы были единым целым, то теперь его влечение казалось чрезмерным и приевшимся. Не было сил заниматься сексом весь вечер и всю ночь. Когда у него было настроение, он мог продолжать часами. У меня все опухало и саднило, я умоляла прекратить. Но чем больше я просила, тем дольше он не останавливался.

По его мнению, будучи его женой, я не могла ему отказать, что было полным бредом. Я могла отказать, хотя это ничего не меняло — он не слушал. Единственное, чего я добивалась своим непослушанием, — щедрой добавки плюс вспышки гнева.

Интересно, а он хотя бы представляет, как сильно я начинаю ненавидеть секс? С каждым разом, когда он требовал исполнения супружеских обязанностей, сама мысль об интиме становилась все невыносимее.

Что бы он сказал, если бы узнал? Как бы он отреагировал, если бы я стала отбиваться? Слишком страшно узнать ответ.

Он вошел, едва я успела раздеться. Он был обнажен и крайне возбужден, восставший член выпирал вперед. Он прижал меня к этому вздыбившемуся ужасу, обхватил лицо руками, поглаживая пальцами по щекам.

— Моя прекрасная Мэг, — сказал он. — Ты хотя бы представляешь, как сильно я тебя люблю?

— Да.

— Нет, тебе этого не понять.

— Я тоже тебя люблю, — произнесла я то, чего от меня ждали. Однако мне было любопытно, что же он имеет в виду. Как нашу нездоровую связь можно было назвать любовью?

— Правда любишь?

— Ты же сам знаешь.

Джордан очень нежно меня поцеловал, потянулся к комоду и достал бутылочку лосьона. Затем взял мою ладонь и немного на нее выдавил.

— Смажь его.

Я обхватила рукой его пенис и принялась втирать лосьон.

— Вот так?

— Да. А теперь ляг на живот.

Я помедлила, не зная, что он собирается делать. Был в его глазах какой-то опасный блеск, который мне совсем не понравился.

— Что ты собираешься делать?

— Увидишь.

— Я хочу, чтобы ты сказал сначала.

— Ложись!

Я разглядывала его с тревогой и беспокойством, но в итоге все равно вытянулась на кровати. Он забрался на меня сверху, тоже вытянулся, приставив скользкий член к моему анусу. Он подложил под меня подушку, чтобы немного приподнять мой зад.

— Я делаю это, потому что люблю тебя, — прошептал он.

— Ты меня пугаешь.

— Просто расслабься, — сказал он. — Все произойдет очень быстро.

— Джордан!

Я никогда прежде не занималась анальным сексом, поэтому даже не представляла, насколько это больно и неприятно. Однако должна признать, он был очень сдержан, хотя вполне мог повести себя гораздо жестче. Он не торопился, входил в меня постепенно, давая привыкнуть к такой неестественной пенетрации. Наконец он полностью оказался внутри, и, когда начал двигаться, я застыла, вцепившись руками в простыню. Я хотела лишь одного — чтобы это поскорее закончилось, как он и обещал.

К счастью, в этом он не солгал. В кои-то веки быстро кончил и вынул. Мне ужасно хотелось побыть одной, чтобы как следует обдумать этот новый поворот в наших отношениях. Я легла на бок, свернулась комочком, подтянув ноги к груди. Я надеялась, что он уйдет, и была крайне разочарована, когда он примостился сзади меня.

Хорошо, что я лежала к нему спиной и он не видел гримасы гнева, исказившей мое лицо. В тот момент я ненавидела его больше, чем кого-либо в своей жизни.

— Было очень хорошо, — промурлыкал он.

— Да, — соврала я.

— Мне очень понравилось.

— И мне, — соврала я опять, хотя он не мог не почувствовать мое отвращение.

— Мне теперь может начать периодически этого хотеться.

— Конечно.

— Я вел себя очень осторожно, но мог проделать все гораздо большее.

— Я понимаю.

— Но если меня разозлить, это может быть очень мучительно.

Это было предупреждение? Или угроза? Как-то раз он сказал, что, как только нужно будет сделать мне больно, он поимеет меня в зад. Думаю, таким вот образом он решил мне доказать, что тогда говорил всерьез и что у него надо мной есть огромная власть.

Он отодвинулся, затем и вовсе поднялся с кровати, наклонился, погладил меня по волосам и плечам.

— Я был слишком снисходителен, выпуская тебя из дому одну. После сегодняшнего случая я больше не могу позволить тебе пользоваться такой свободой. Я не могу доверять твоим решениям.

— Что?

— Впредь ты должна спрашивать у меня позволения, сообщив перед этим, куда идешь и с кем собираешься встретиться. А мне придется за тобой присматривать, чтобы быть уверенным в твоём правильном поведении.

Итак... тревоги по поводу того, что он станет ограничивать мою свободу, оказались небеспочвенны.

— Но это было безобидное случайное столкновение, — осмелилась возразить я.

— Возможно. А возможно, и нет. Но больше ничего подобного не произойдет, да?

— Да.

— Я хочу принять душ, а потом мы всю ночь будем заниматься сексом, чтобы я мог показать, как сильно я тебя люблю.

Он пошел в ванную, вскоре оттуда раздался звук льющейся воды, я же перевернулась на спину и уставилась в потолок. Я не знала, смогу ли и дальше делать вид, что все хорошо. Надо было что-то менять, но как?

Эйфория прошла. Та пылкая, горячая страсть уже не казалась такой потрясающей. Напротив, теперь она казалась жестокой и унижительной, и не было желания ее поддерживать.

Когда я пыталась ему отказать, он, в общем-то, меня не заставлял. Но я так боялась возможного наказания, что в итоге всегда соглашалась. После я всегда дико расстраивалась, но виду не показывала, словно ничего особенного не произошло. Это повторялось снова и снова.

Сколько еще я смогу продержаться, пока на самом деле не свихнусь? Насколько сильно и далеко сможет он меня толкнуть, прежде чем я окончательно тронусь умом?

Мне нужно было сматываться. Но куда я пойду? И как отсюда выберусь? Ясно, что шансов просто так от него уйти практически не было.

Я лежала неподвижно, слушая, как он плещется, как выключает воду. Я вздохнула: ночь обещает быть очень длинной.

С улыбкой на лице (не выказывая истинных мыслей) я выдержала марафон в постели с привязыванием, к которому он решил прибегнуть. Только на рассвете я смогла отключиться. Проснувшись в одиночестве, чувствуя себя несчастной и разбитой. Сильно болело горло, ныло все тело. Решив, что душ поможет избавиться от недомогания, я потащилась в ванную, но пробыла там недолго и поплелась назад к кровати, сильно дрожа.

Я понимала, что у меня температура, что нужно принять что-нибудь, но мне было так плохо, что я не могла подняться. Вскоре пришлось себя пересилить и бежать в туалет. Меня рвало и рвало, затем я свалилась на кровать, поставив рядом мусорную корзину на случай, если мой желудок снова взбунтуется.

Я валялась в бессвязном полуобморочном состоянии. Сны, являвшиеся ко мне в бреду, были мучительны, моменты же просветления — сбивчивы и невразумительны. В квартире было пусто, Джордан ушел неизвестно куда. Я могла позвонить ему на сотовый и попросить, чтобы он пришел и за мной поухаживал, но у нас были не те отношения.

Я отчаянно нуждалась в помощи, но не было ни одного человека, к которому можно было обратиться. Я чувствовала себя невидимкой. Если я вдруг исчезну, этого никто не заметит. И никто не станет оплакивать.

Наконец до меня донеслись какие-то едва различимые звуки — это вернулся Джордан. Я пришла в себя настолько, чтобы осознать, что уже ночь и его не было целый день. Я так в нем нуждалась и не подозревала даже, где он.

Я слышала, как он возился в гостиной и на кухне. Наконец он на цыпочках подошел к спальне и осторожно заглянул. Увидев, что со мной, он мгновенно оказался рядом, гладил и успокаивал, поддерживал, пока меня рвало, колотило в ознобе или бросало в жар.

Он не отходил ни на шаг, разве только чтобы налить воды или намочить полотенце. Он был рядом, независимо от того, сплю я или бодрствую. Он вызвал на дом врача, который меня осмотрел и констатировал тяжелую форму гриппа. После чего мы снова остались вдвоем. Я еще три дня пролежала в полузабытьи, после чего стала понемногу приходить в себя.

Мне стало легче. Я была ему так благодарна. Такая преданность, такое участие... Я чувствовала себя потерпевшей кораблекрушение, которую спас герой моего романа, или побитым щенком, которого взял домой добрый хозяин. Весь мой прежний настрой испарился, стоило только убедиться в том, как искренне он за меня переживает.

В такой критический, важный для меня момент он предложил помощь. Возможно, другой на его месте сбежал бы без оглядки, но не он. Он остался рядом.

Я была ему признательна. Я должна была отблагодарить его! Как можно отказываться делать то, что доставляет ему такое удовольствие?

Болезнь вывела меня на новый уровень зависимости, я больше не воспринимала его страсть как нечто удушающее. В сущности, он требовал так мало и так пекся о моем благополучии... Почему же я упорно отказывалась давать то, чего он жаждал столь сильно?

Не могу сказать, что ненавидела заниматься с ним сексом. Просто не нравились отдельные моменты, но я вполне могла проглотить это и притвориться. Для него. Чтобы сделать его счастливым.

Разве я не была перед ним в долгу? Разве я не ошибалась регулярно относительно него и

его мотивов?

Как-то утром, когда я наконец почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы подняться с постели, я нетвердой походкой отправилась в ванную. Взглянув на себя в зеркало, я застыла в оцепенении. Я больше не была женщиной, которая могла позволить себе терять вес. Я почти целую неделю ничего не ела и сейчас походила на человека на грани голодной смерти. Ребра легко можно было пересчитать, тазобедренные кости выпирали, щеки ввалились, груди почти не было.

Неизвестно почему, но Джордан вдруг сдался и купил мне джинсы и пару кроссовок. Я натянула их и вышла в гостиную. Он тоже был в джинсах и в дорогих туристских ботинках. Я слабо улыбнулась и опустилась на диван. Ноги подкашивались, организм принимал только самую легкую пищу.

— Ты куда-то уходишь? — спросила я, стараясь подавить приступ паники при мысли о том, что придется остаться одной.

— Тебе нужен свежий воздух, — ответил он. — Мы идем вместе.

— Куда?

— Я думал подняться в горы.

Несмотря на слабость, я с радостью ухватила за возможность выбраться из четырех стен, поэтому пришла в восторг от этой идеи. Он помог мне надеть куртку и повел вниз на улицу. Водителя не было, Джордан сам сел за руль своего внедорожника.

Непривычно было сидеть рядом с ним на переднем сиденье. Такого раньше не случалось, и это было так... нормально. Меня возил шофер, и я уже успела забыть, что обычные люди занимаются такими простыми вещами.

Машин было мало, и мы быстро оказались за городом, на шоссе по направлению к горе Худ. Я задремала и проснулась, только когда он съехал с трассы на неровную гравийную дорогу.

Мы еще немного потряслись на ухабах и остановились посреди густого леса.

— Где мы?

— К востоку от города. В национальном заповеднике. Я хочу, чтобы ты полюбовалась видом.

Он обошел машину, залез в багажник, достал оттуда веревки и еще какие-то приспособления, затем прикрепил снаряжение к специальному поясу. Он выглядел таким мускулистым, подтянутым, и мне подумалось, что именно так выглядел в свое время молодой серфер из Калифорнии, нарисовавший свой первый чертеж доски.

Он помог мне выбраться и повел вниз по проселочной дороге. После короткой прогулки мы оказались над обрывом. Он был не такой уж и высокий — всего сто футов над землей, — но я боязливо попятилась. Меня вполне устраивало наслаждаться пейзажем, не подходя близко к краю.

Открывалась восхитительная панорама, было приятно, что он меня сюда привез, что решил, будто мне это понравится. Мы находились над долиной Уилламетт, под ногами раскинулся Портленд, справа виднелось извилистое русло реки Колумбия. В кои-то веки тучи рассеялись и открылось небо сказочно-синего цвета, на горизонте прорисовывались заснеженные конусы вулканов.

Пока я топталась в нерешительности, Джордан привязывал веревки к крепким стволам деревьев. Проверив узлы и крепления, он подошел ко мне и взял за руку. И хотя я что было мочи упиралась, он вел меня к обрыву так, словно собирался прыгнуть вниз и меня с собой

прихватить. Я пыталась увернуться, но он намерен был довести дело до конца. Отделаться от такой сомнительной участи не светило.

— Мне это не нравится, — заныла я.

— Я знаю, что не нравится, но все равно хочу, чтобы ты это сделала.

— Я боюсь высоты, у меня начинает кружиться голова.

— Это пройдет.

— Не пройдет!

— Пройдет.

Он поволок меня дальше; обрыв приближался с пугающей быстротой. Я начала не на шутку паниковать и отбиваться, но, учитывая мое ослабленное после болезни состояние, учинить приличную драку я не смогла.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь спуститься на веревке. Ты спустишься вместе со мной.

— Не хочу.

— Ты должна победить свои страхи, Мэг. Ты не можешь позволить им управлять тобой.

— Думаю, это вполне приемлемый страх и нет никакой необходимости его побеждать.

Я отлично себя чувствую, когда он мной управляет.

Он рассмеялся.

— А я — нет. Давай же.

Он показал мне какие-то детали снаряжения и явно ожидал, что я в это влезу.

— Что это?

— Я пристегну тебя к себе ремнями. Ты не упадешь.

— Нет.

— Мне не нравится, когда ты чего-то боишься. Мы над этим как следует поработаем, и, когда закончим, высота больше не будет тебя беспокоить.

— Но мне совершенно не мешает мой страх.

— Зато мне мешает.

Не обращая внимания на мои душевные муки, он натянул на меня какую-то сбрую и проверил, надежно ли все закреплено. Я стояла как в трансе, полностью деморализованная и недостаточно окрепшая, чтобы сопротивляться. Накатывали тошнота и слабость, я не могла поверить, что он думает, будто я стану заниматься подобным экстримом. Судя по тому, как решительно Джордан расправил плечи, настроен он серьезно. Переубедить его мог только полноценный скандал, на который у меня не было сил.

Зачем он намеренно меня путает? Если бы я чувствовала себя лучше, он ни за что бы меня на это не толкнул. Или он специально воспользовался случаем, когда сил у меня поубавилось? Неужели его приятно будоражит возможность нагнать страху?

Меня раздирали противоречия: как к этому относиться, как жить дальше? Совсем недавно я для себя решила: буду стараться изо всех сил, чтобы сделать его счастливым. Но где же предел? Как далеко я должна зайти, чтобы угодить ему?

Наконец мы оказались сцеплены вместе, веревка обвивала его ноги и пояс. Он стал отходить назад, увлекая меня за собой. Активного участия я в этом не принимала, но в то же время и не сопротивлялась.

— Закрой глаза, — посоветовал он. — Все произойдет очень быстро.

Когда дошло до главного, я не смогла прыгнуть сама. Меня парализовал страх, я дрожала так сильно, что не могла пошевелиться. Несмотря на все его увещания и уговоры,

я не могла сделать решающий шаг.

В конце концов у него лопнуло терпение, он поднял меня и перенес через край. Мы повисли, раскачиваясь на веревке. Нас то и дело сносило к скале. У меня ужасно кружилась голова, сердце билось так сильно, что я думала, оно взорвется.

Я пронзительно завизжала от страха.

— Ты боишься? — спросил он.

— Очень.

— Почему?

Вопрос, в принципе, был риторический, так как ответ на него был очевиден, и все же я произнесла его вслух:

— Я боюсь, что мы упадем.

— Не упадем.

— Умом я это понимаю, но от этого легче не становится.

— Ты должна на меня положиться, Мэг. Ты должна привыкнуть к мысли, что я всегда буду тебя держать. И не дам упасть. Ты же понимаешь это, не так ли?

— Да, понимаю.

Он держал нас в таком подвешенном состоянии, казалось, целую вечность. Его волнующие слова оседали в мозгу, затем он с мучительной неторопливостью стал опускать нас дюйм за дюймом.

Едва мои ступни коснулись земли, колени дрогнули и я начала оседать. Мы все еще были сцеплены, и он обнял меня, не дав повалиться наземь.

— Я тебя держу, — сказал он.

— Знаю.

— Вот видишь, а ты, глупенькая, боялась.

Он снял снаряжение, и я плюхнулась на землю, тяжело дыша и заливаясь слезами облегчения. Меня тошнило, я бросилась к кустам, но в желудке было совершенно пусто. Пока я приходила в себя, он внимательно осматривал скалу.

— Может, мы уже наконец пойдем отсюда? — взмолилась я.

— Нет.

— Пожалуйста! Я действительно устала и хочу домой.

— Мы сейчас взберемся наверх и повторим все снова.

— Снова? — Я чуть не задохнулась от ужаса.

— Да. Мы будем делать это до тех пор, пока ты не перестанешь бояться.

Я уставилась на него, пытаюсь понять, что творится в его воспаленном мозгу. Он что, с ума сошел? Или я помешалась?

— Тогда мы никогда отсюда не уйдем.

— Ничего страшного, — ответил он совершенно серьезно. — Еще рано. У нас весь день впереди.

— О, Джордан...

— Мы это сделаем. Бегом наверх!

Мне было и без того плохо, а тут еще он собрался меня мучить. Но в то же время я была слишком больна и слаба, чтобы сопротивляться. Почему моя жизнь превращается в такой бардак? Я ведь совсем недавно поклялась быть примерной женой. И уже нарушаю свою клятву.

Похоже, вразумительного ответа на этот вопрос не найти. Джордан был тем, кем был, в

то время как я больше не знала, кто я. Я с какой-то радостной обреченностью была готова идти у него на поводу, превратилась в убогую зависимую женщину, утратила индивидуальность, свое лицо. И даже не пикнув, я вложила свою ладонь в его, а он помог мне подняться.

— Встань на колени и выгни спину.

— Вот так?

— Да.

На кровати в дальней спальне — те самые красные простыни. На мне черное белье, которое он купил в тот день, когда мы поскандалили из-за видеокамеры.

Сейчас он смотрел в объектив, пытаясь выбрать удачный ракурс.

— Покажи, как ты умеешь надувать губки, — командовал он.

Я скорчила недовольную гримасу, сложив губки бантиком.

— Как начет этого?

— Отлично. У тебя такой сексуальный ротик.

— Правда?

— О да. — Он подошел, наклонился и запечатлел у меня на губах долгий чувственный поцелуй. — Поэтому мне и нравится, когда ты у меня сосеешь. Я постоянно возбуждаюсь, стоит мне только на тебя взглянуть.

Это был довольно грубый и пошлый комплимент, но он меня взбудоражил. Я, глупая, до сих пор трепетала от того, что он меня хочет, что никак мной не пресытится. Я могла устать от секса, но он всегда хотел еще.

Он бестолково сновал вокруг, устанавливая освещение, поправляя подушки. Наконец, когда все было готово, он выключил верхний свет и комната погрузилась в темноту. Освещена была только кровать, на которой я находилась.

Он посмотрел в видоискатель, чтобы убедиться, что захватывает нужную картинку, затем нажал кнопку «запись». Камера зажужжала.

— Сделай еще раз недовольное лицо, надуй губки, — велел он.

Я начала позировать. Он застонал от возбуждения, отчего я с удвоенным старанием принялась играть роль женщины-вамп. Я все-таки решилась. Пусть это плохо для меня кончится, но я, по крайней мере, выложусь по максимуму.

— О да, у тебя отлично выходит! А ну-ка приспусти бретельку. — Я сделала то, что он велел. — А теперь вторую.

Я смотрела в объектив, но мысленно была далеко отсюда. Мне вспомнился чудесный весенний вечер, когда я все еще жила со Стивом. Он играл в составе команды по софтболу, а я сидела на «отбеливателях»^[2] и болела за него. Это было очень приятное сильное воспоминание.

Я поерзала из стороны в сторону. Уже больше часа я простояла на коленях, пока он совершал все необходимые приготовления, тело затекло и ныло. Хотелось лечь, но он сказал:

— Не шевелись. Иначе выпадешь из кадра.

— Но у меня ноги устали.

— Я скоро закончу. — Он нажал кнопку и взял крупный план. — Расстегни переднюю застежку бюстгальтера, рассыпь волосы по плечам.

Я бездумно подчинилась, глядя прямо на него, пряча свою нервозность и неловкость. Вначале я была категорически против, но он так просил... Объяснил, как это для него важно. В конце концов я сдалась, правда, после того, как он пообещал, что это в первый и

последний раз.

Ему не терпелось продолжить. Если рассуждать здраво, я и так, находясь рядом с ним, большую часть времени была обнажена. Какая разница, вживую это или в записи? Один раз можно и потерпеть, зато исчезнет предмет вечных споров.

— Сожми груди, — скомандовал он. Я принялась их мять. — Потереби соски.

Я продолжала делать все так, как он велел, позволяя ему наблюдать, позволяя ему снимать. В сущности, было не так уж и плохо. Когда мы начали, я очень волновалась, поэтому приняла дополнительную дозу ксанакса. Я была расслаблена и безмятежна, поэтому ничто меня особо не трогало.

— Оближи палец, потом медленно проведи им по соскам.

Наблюдая за мной в видеоискатель, он с придыханием шептал:

— Да... да...

Затем кивнул на подушки.

— Теперь можешь сесть.

— Спасибо.

Я плюхнулась, с облегчением вытягивая ноги. Я еще не до конца оправилась после приступа гриппа и уже начала переживать, что никогда не восстановлюсь. Болезни предшествовало хроническое переутомление, поэтому выздоровление заняло гораздо больше времени, чем обычно.

— Скинь туфли и приспусти чулки.

Я повиновалась, стараясь, чтобы это вышло как можно более эротично. Хотела, чтобы ему понравился конечный продукт и он больше не устраивал съемки из-за того, что актриса якобы не старалась.

Я раздевалась до тех пор, пока не осталась в одном поясе с подвязками. Я очень медленно его сняла, намеренно растягивая процесс, и теперь сидела откинувшись, безучастно пялясь в потолок, лениво лаская грудь. Сознание плыло, мне ни до чего не было дела.

— Раздвинь ноги.

Я уставилась на него.

— Нет.

— Делай, как я сказал. Не спорь.

— Должны же быть какие-то границы?

— Нет, никаких границ.

— Но это откровенная похабщина. Я не хочу этого делать.

— Мэг, это и есть грязное домашнее порно. Давай, покажи мне свою вагину.

Он взял план еще крупнее, и весьма неохотно я подчинилась. В итоге он меня привязал. Даже если бы я отказалась, позже он стал бы неуправляемым и просто заставил меня. Лучше уж сделать это по собственной воле.

Я развела ноги.

— Как тебе?

— Великолепно. А теперь раздвинь губы.

Я сделала то, что он велел, воображая, что это не я, что он снимает какую-то другую, незнакомую женщину. Возможно, проститутку. А может, вообще Кимберли. Совершенно уверена, что такой шалаве, как она, это даже понравилось бы.

К счастью, все скоро закончилось. Он выключил камеру, налил мне вина с примесью

афродизиака, который так любил. Я не возражала — привыкла, к тому же он обострял ощущения и все казалось более красочным и полным. Учитывая то, насколько мне приелся секс с ним, любая дополнительная стимуляция только приветствовалась.

Странно, но я не помню почти ничего из того, что произошло позже. Не знаю, может, это употребление ксанакса в сочетании с афродизиаком дало такой эффект или виной тому недавно перенесенная болезнь, но закончилось все тем, что я потеряла сознание. Я помнила, как он привязывал мои запястья к спинке кровати, как лег сверху и принялся меня ласкать, а спустя всего несколько секунд наступил провал. Возможно, он дал мне какое-то другое, более сильное средство. Обдумать эту мысль я не смогла.

Я спала как убитая. Разлепила глаза только вечером следующего дня на собственной кровати, обнаженная. Не помню, как я сюда добралась — сама или Джордан меня донес.

В квартире было тихо. Я прислушалась, но ничего не услышала — значит, он куда-то ушел. Я перевернулась на другой бок. Все тело возмущенно заныло. Такое чувство, что по мне танк проехал или раздавил паровой каток.

Я сдернула покрывало и уселась на краю кровати. Голова кружилась и подташнивало. Я попыталась осмотреть собственное тело в поисках каких-нибудь свидетельств вчерашних событий. Я вся была покрыта синяками и царапинами. Внутренности болели, в заднем проходе саднило, словно меня имели всю ночь, причем бейсбольной битой.

Я вздрогнула от ужаса. Что, черт возьми, произошло?

Пошатываясь, я поплелась в ванную. Чувствовала себя словно с похмелья, борясь со рвотными спазмами, хотя вчера ничего не пила. Я зашла в душ и подставила тело под горячие струи, мучительно пытаясь вспомнить детали, но не могла сосредоточиться ни на чем, кроме того, как он связывал мне руки.

Этот момент был удивительно четким.

— Ты всегда завязываешь узлы слишком туго, — пожаловалась я.

— А ты всегда чем-то недовольна.

— Ты просто причиняешь мне неудобства.

— Гораздо интереснее, когда ты не можешь освободиться. Ты сама это знаешь.

А дальше как отрезало.

Я закончила мыться, оделась в удобную домашнюю одежду и направилась в гостиную, задавшись целью найти кассету.

Ту первую запись я так и не нашла — Джордан клялся, что ее и не было. Я тогда набросилась на него как сумасшедшая, он же был предельно спокоен и сдержан. Мне до сих пор стыдно за свое тогдашнее поведение. На этот раз все будет по-другому. Я знаю точно: кассета существует. Обязательно нужно посмотреть, что на ней, и в зависимости от результата действовать.

Поиски очень быстро увенчались успехом. Я зашла на кухню сварить кофе и обнаружила кассету на столе, а рядом — букет цветов и записку от Джордана: «Спасибо, что сделала это. Получилось очень сексуально. Не могу дождаться, когда смогу услышать твое мнение на этот счет. Весь день буду на переговорах. Вернусь к ужину».

Я уставилась на кассету, как на ядовитую змею. Мне и в голову не могло прийти, что он вот так вот просто оставит ее на самом видном месте и предложит посмотреть. Страшно было взять ее в руки.

Я блуждала по кухне: приготовила кофе, выпила, сварила еще. Надкусила кусок высохшего тоста, пытаюсь унять спазмы в желудке.

Больше поводов откладывать просмотр не было. Я схватила кассету и вставила в плеер.

Это было обыкновенное домашнее видео, возможно, чуть получше, чем все остальные, благодаря удачному освещению и качеству видеокамеры, но в остальном — ярко выраженное порно. Вначале шли кадры с кроватью, простынями, потом появилась я в черном белье.

Собственный вид вызвал у меня такой шок, что я нажала на «паузу». Поначалу сложно было поверить, что это я. Да, я сильно похудела, да, у меня теперь длинные каштановые волосы со светлыми прядями, но я не подозревала, насколько изменилась, насколько жутко выглядела.

Бледный и нездоровый вид просто поражал. Волосы блеклые, лицо одутловатое и мучнисто-белое. Взгляд пустой, как у лунатика или героинщика. Каждое утро и вечером перед сном я глядела на себя в зеркало. Почему до этого я не замечала этой бледности? Представляла себя тонкой и хрупкой, но в разумных пределах, светящейся, но от счастья. Похоже, я закрывала глаза на очевидное.

Я была костлявой и изможденной и понятия не имела, почему Джордан превозносил мою привлекательность. Я в полнейшем упадке — почему его до сих пор ко мне влечет?

Я нажала «плей», и экран снова ожил. Я наблюдала за тем, как в сторону полетела моя одежда, как я ласкаю свои груди, как откинулась на спину и сняла пояс с подвязками и чулки. Я мужественно выдержала даже те моменты, когда он крупным планом снимал мою вагину, что, на мой взгляд, было совершенно непристойно и оскорбительно. Я понятия не имела, почему эта похабная поза так его заводила.

Наконец подошел тот загадочный момент, с которого началось беспамятство. Он привязывал меня к кровати и поил вином с афродизиаксом. Близился момент истины — я вот-вот узнаю, что же со мной произошло, — но вдруг меня охватила паника и я выключила плеер. Я потела как свинья, сердце колотилось как бешеное. Перед глазами плыло, пролетали какие-то мерцающие пятна.

Господи! Что меня так гнетет? Что такое я забыла? Наверное, в подсознании намечаются какие-то проблески озарения и это выходит наружу.

И хотя я была очень напугана, все же твердо решила досмотреть. Поначалу не было ничего особенного — обыкновенный секс, таким мы занимаемся регулярно: он, как всегда, неутомим и ненасытен, никак не кончит, крутит мной и вертит, поэтому на экране постоянно мелькают сиськи и член, ритмичные толчки и выгибания дугой.

При этом я не спала, что весьма странно. Нельзя сказать, что я выглядела очень оживленно, но, по крайней мере, без сознания точно не была. Я периодически произносила на камеру полные сарказма фразы, но ничего из этого в памяти у меня не отложилось.

Запись прервалась, словно Джордан ненадолго приостановил съемку, а когда последовало продолжение, на экране я увидела свой рот. Я делала ему минет, и это было взято крупным планом. Наконец камера немного отъехала назад, захватывая больший ракурс, и когда мы оказались в кадре целиком, оказалось, что рядом со мной не Джордан.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я не стала паниковать. Напротив, я сидела очень спокойно, раздумывая и прикидывая. Это была более молодая версия Джордана: тридцать или около того, очень симпатичный, с такими же темными, как у Джордана, волосами и мускулистым телом.

Но все равно это был не Джордан.

Я подошла к экрану, опустила на колени и коснулась груди того парня, словно правда

могла каким-то чудом слететь с экрана мне в руку.

Я начала смутно его припоминать (или мне это только казалось?). Я вроде бы вспомнила, что он был очень дружелюбным и милым; когда Джордан ввел его и представил, я заулыбалась и поздоровалась с ним.

Или этого не было?

О боже, неужели я сошла с ума?

Я была слишком поражена увиденным, и мне ничего не оставалось, как досмотреть до конца. Он имел меня в рот, в зад, а потом ушел и я мирно уснула на кровати. Пленка закончилась, видеомэгнитофон щелкнул, экран потемнел.

Я перемотала и просмотрела все сначала, пытаюсь понять, мог ли Джордан как-то это подделать или все происходило в действительности?

Стал бы Джордан так со мной поступать? Смог бы он так со мной поступить?

После того дня, когда он истязал меня над обрывом, я убедилась, насколько далеко он может зайти в своем вероломстве. Он часто говорил, что очень хотел бы посмотреть, как я занимаюсь сексом с кем-то еще, но я всегда отказывалась. Может, ему надоело упрашивать?

Сама мысль о том, что он накачал меня наркотиками и сделал все без моего ведома, была настолько чудовищна, что я не могла поверить в это. А с другой стороны, во что мне оставалось верить? Доказательство было прямо передо мной. И невозможно закрыть на него глаза.

Я теперь узнала его настолько хорошо (значительно лучше, чем на первых порах наших отношений), что проникла в его суть. Были определенные вещи, которые он хотел от меня получить, вещи, в которых он нуждался, и если я не шла на это добровольно, он находил способы добиться своего. И в этом он доходил до крайности.

Я вернулась на кухню и еще раз перечитала его веселую записку.

Он должен был понимать, что это приведет меня в ярость, но все равно так поступил. Кто-то из нас сошел с ума. Он или я?

Мне нужно было действовать решительно, бежать от него, но что для этого делать? И почему я до сих пор от него не ушла? Что со мной?

Если я спрошу его об этом незнакомце, у него будет в запасе заранее приготовленное логическое объяснение. Как хорошая послушная жена, я внимательно выслушаю его доводы и заверения, что ничего особенного не произошло, что я ошибаюсь и так далее.

В ушах звучали его слова, сказанные тогда над обрывом: «Я никогда тебя не отпущу».

Я поежилась, убеждаясь в том, что он вкладывал в них гораздо более глубокий смысл, который я вряд ли когда-нибудь пойму, поэтому нужно было быть крайне осторожной. Просто так взять и уйти не получится.

Нужно придумать способ испариться без следа.

Я выпила еще одну таблетку ксанакса, налила себе вина и уселась на диван дожидаться мужа. Я совершенно точно знала, что он мне скажет, но хотела услышать оправдания из его собственных уст. А затем можно будет строить планы.

Когда раздался звук поднимающегося лифта, я была очень спокойна.

После той истерики по поводу предыдущей записи (существовала она или нет — не важно) я твердо решила вести себя более хладнокровно во время предстоящего скандала.

Когда Джордан вошел, меня практически не было видно в кресле в темном углу комнаты. Он был одет в легкие мокасины и джинсы. Я молча наблюдала, как он вешает кожаный пиджак, просматривает почту на столике в прихожей.

Он прошел мимо и стал возле окна, рассматривая раскинувшийся внизу город, огоньки в долине, освещающие сгустившийся сумрак. Он выглядел богатым и успешным, спокойным и четко себя контролирующим. Он был вопиюще нормален. Сейчас он казался совершенно не способным на те мерзкие поступки, в которых я собиралась его обвинить. Разве не должны быть у чудовища рога и копыта?

Он повернулся и увидел меня в тени.

— Привет, — сказал он. — Было так тихо, что я даже подумал, будто тебя нет. — Он приблизился ко мне и поставил на ноги. — Я скучал по тебе. Я не мог дожидаться, когда же наконец приду домой и мы сможем всю ночь трахаться.

Он попытался меня поцеловать, но я отвернулась, и он ткнулся губами мне в щеку.

— Ты смотрела видео? — спросил он. — Я его специально для тебя оставил.

— Да.

— Ты была такой страстной! После того как ты отправилась спать, я пересматривал его много раз. Возбуждение до сих пор еще не прошло. Вот только хотелось бы, чтобы грудь у тебя была побольше. Надо подумать о ее увеличении.

— Увеличение груди!

— Да, мне очень нравится, какой ты стала худенькой и стройной, но грудь при этом совершенно исчезла. Я хотел бы, чтобы сверху ты была побольше. Не гигантской, просто побольше.

Я убрала его руки со своей талии и отступила назад.

— Нам нужно поговорить.

— Может, лучше трахнемся сначала? А потом будем разговаривать хоть до хрипоты.

Я успела привыкнуть к его грубости. Когда ему хотелось секса, его мозги были повернуты только в одном направлении, охладить его пыл было невозможно. Поначалу я, как и он, наслаждалась каждой новой порцией страсти, но теперь не могла понять, как мне удалось внушить себе, что это здорово. Я ненавидела то, какой я стала, выйдя за него замуж, а он увлекал меня все дальше и дальше в пустоту.

Я слишком много пила, принимала слишком много наркотиков и сильно себя запустила. Постепенно моя самооценка понизилась до предела. Я потерялась как личность. Был только он, он, он... Я стремилась сделать его счастливым, но что бы я ни пробовала, этого было недостаточно. Необходимо было бежать от него, но я понятия не имела, где можно спрятаться, чтобы он меня не нашел.

Я обошла диван, так что он разделял нас, и спросила:

— Кто тот мужчина на кассете вместе со мной?

Он был озадачен.

— Мужчина?

— Да. Кто это был?

— Э... я?

— Не лги мне. Не тот случай. Кто он такой?

— Не понимаю, о чем ты.

— Твою мать, ты прекрасно знаешь, кто он. Не смей это отрицать!

— Не знаю.

Не успела я опомниться, как мы снова зашли в тупик, как и в прошлый раз. Он был уравновешен и участлив и, казалось, понятия не имел, что меня так разозлило, в то время как я кричала как сумасшедшая.

— Ты накачал меня наркотиками, потом кого-то сюда привел, чтобы он занялся со мной сексом. — Я так разозлилась, что меня начало трясти. Я совершенно не помнила, так ли это было на самом деле, но звучало правдоподобно. — Я требую, чтобы ты сказал мне, кто это.

Он долго смотрел на меня изучающе, затем удрученно покачал головой, словно ему было меня искренне жаль.

— Иногда, Мэг, ты меня по-настоящему пугаешь.

— Почему?

— У тебя в голове рождаются какие-то безумные мысли, и переубедить тебя невозможно.

— Это не безумные мысли. Кто это, черт возьми?!

Он сел на диван, непринужденно закинув ногу на ногу.

— Может, начнешь все сначала? Я пытаюсь вникнуть.

— Ты и так прекрасно знаешь, о чем я.

— Не знаю.

При виде моей саркастической улыбки он добавил:

— Серьезно!

Его беспечность меня раздражала. Я видела все своими глазами, знала, что он сделал, но не так-то просто было держаться, глядя в его невозмутимое лицо.

Если он лжет, то как умудряется при этом сохранять такое спокойствие? Разве можно быть настолько хладнокровным?

— Я смотрела кассету, — воскликнула я; внутри все бурлило.

— Полагаю, ты не в восторге.

— На ней меня имеет другой мужчина. Он похож на тебя, но это не ты. — Я сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. — Кто он? И почему ты со мной так поступил?

— То есть ты думаешь, что там, на кассете, другой мужчина?

— Я знаю, что там другой мужчина.

— И где сейчас эта кассета?

— До сих пор в видеомагнитофоне.

— Мэг, ты что, с ума сходить начала? Когда ты себя так ведешь, я начинаю сомневаться и думать, правильно ли поступил, женившись на тебе. Постоянно задаюсь вопросом: зачем я это сделал?

В его взгляде было столько осуждения и праведного негодования, что неожиданно мне показалось, что это я не права. Я потеряла дар речи от гнева, мне тысячу раз хотелось прокричать, что со мной все в порядке, что это он ненормальный, но прежде чем я успела это сделать, он встал и стремительно вышел из комнаты.

Я поняла, что он собрался просмотреть запись, и выскочила за ним. Когда я резко остановилась на пороге, он стоял возле телевизора. Сердито глянул на меня через плечо, нажал на кнопку, и плеер выплюнул кассету.

— Мэг, это та самая кассета?

— Да.

— Присаживайся.

Я беззвучно опустилась на диван, напуганная тем, какую кашу заварила.

Он весь кипел от ярости, в то время как во мне зарождались неуверенность и нерешительность. Как ему удалось свалить все на меня? Я же выступаю в роли жертвы. По крайней мере, мне так кажется.

Он засунул кассету назад в магнитофон, затем тоже уселся с пультом в руках, демонстративно не обращая на меня внимания. Он промотал первую часть, где на кровати была только я одна. Наконец он нашел нужную сцену, но когда камера приблизилась, на экране я была с Джорданом.

Джордан... Джордан... Джордан...

Это его член был у меня во рту, его тело вытянулось рядом с моим.

Я была совершенно сбита с толку.

Я нахмурилась и помассировала виски.

— Нет, тут что-то не так.

— Что не так? — спросил он язвительно.

— Тебя там раньше не было! Клянусь!

Мне отчаянно хотелось во всем этом разобраться, но мои доводы были слишком невероятны. Я что, совсем помешалась?

— Дай пульт! — потребовала я.

Он пожал плечами и передал его. Я прокрутила запись вперед, потом перемотала назад, надеясь, что там окажется другой мужчина, а не Джордан. Но кроме него на кассете больше никого не было.

Я нажала на «стоп» и уткнулась взглядом в ковер.

— Теперь довольна? — спросил он.

— Я видела его собственными глазами. Он был там!

— Почему ты все еще продолжаешь нести этот бред?

Я старалась придумать какой-нибудь правдоподобный ответ, меня начало трясти еще сильнее, и с каждой секундой мое волнение усиливалось.

Я же видела это, разве не так?

— Ты подменил кассету, — выдавила я наконец. — Перед тем как я вошла в комнату, ты успел ее подменить.

— Что?

— Ты специально делаешь все, чтобы заставить меня поверить, будто я сумасшедшая.

— Если ты и дальше будешь говорить такие идиотские вещи, мне не придется особо стараться.

Он встал, во взгляде читалось обидное сочувствие.

Печальный и встревоженный, он наблюдал за тем, как я вскочила с дивана и принялась мерить шагами комнату.

Что со мной творилось? Я не знала. Возможно, наркотики и алкоголь вкупе с недавним гриппом отразились на моей психике.

— Знаешь, Мэг, — начал он мягко. — Я уже как-то об этом упоминал после твоего последнего эпизода.

Он произнес «эпизод» так, будто это было оранное слово Я остановилась и резко развернулась к нему.

— О чем ты говоришь?

— Тебя должен осмотреть психиатр.

— Ты что, больной?

— Нет, но боюсь, это ты больна.

— Да пошел ты!

— Мы должны это обсудить. Нельзя делать вид, будто ничего не происходит.

— Мне не нужен психиатр! — закричала я. — Я не сумасшедшая!

Но конечно, чем громче я кричала, тем более неадекватной казалась.

— Не знаю, может, стоит тебя вообще в больницу положить. Всего на пару недель или на месяц. Ты пережила много потрясений. Длительный отдых может тебе помочь.

— Мне не нужно ложиться в психбольницу.

— Что-то я в этом не уверен.

Я выскочила из комнаты и побежала через зал в спальню, в которой проводилась съемка, но там не осталось никаких следов. Постель была застелена обычными кремовыми простынями, сверху лежало привычное покрывало. На спинке висело аккуратно сложенное одеяло.

Камеру и провода унесли, прожекторы разобрали, веревки, которыми он привязывал меня к спинке, исчезли. Комната была стерильно чистой и ничем не отличалась от любой другой спальни в этой квартире, да и во всем мире.

Он неслышно подошел сзади и положил руку на плечо, но я ее сбросила и прошла в зал. Я прижалась лбом к стене, ее прохладная поверхность немного остудила пылающее лицо. Крайне взвинченная, я искренне задавалась вопросом, действительно ли я, как он утверждал, сошла с ума.

После продолжительной паузы я невнятно произнесла:

— Мне нужно найти работу. Если здесь сидеть целыми днями, то действительно крыша поедет.

— Я понимаю, что тебе хочется пойти работать, но ты сейчас не в подходящем для этого состоянии.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты постоянно пьешь. Килограммами лопаешь ксанакс. Плюс ты еще не до конца оправилась после гриппа. Сомневаюсь, что ты сможешь работать.

— Но я хочу найти работу!

— Хорошо, — подозрительно легко согласился он. — Поступай как знаешь. Делай что хочешь, лишь бы тебе стало лучше, но предупреждаю: я больше этого не вынесу. Еще один нервный срыв — и я вызываю врача, хочешь ты этого или нет. Я добьюсь, чтобы тебя положили в больницу. Ты меня поняла?

— Да, Джордан, я тебя поняла.

Целую секунду, которая тянулась мучительно долго и казалась вечностью, мы стояли не шевелясь, затем он резко развернулся и стремительно вышел. Он выскочил в переднюю, схватил пиджак из шкафа, шагнул в лифт, и тот унес его вниз.

Я так и осталась на том же месте, прижавшись щекой к стене, пока не удостоверилась,

что он не вернется. После чего, еле волоча ноги, потащилась в комнату с плеером и обессиленно опустилась на диван. Кассета до сих пор была внутри, пульт лежал на подушке. Я нажала на «плей» и заворуженно уставилась на экран, не в силах оторваться, не зная даже точно, что ищущу.

Я дошла до нужной мне сцены, но когда камера прошла по моему телу, я увидела, что рядом нет никакого незнакомца. Только Джордан. Снова один лишь только Джордан.

Я не была сумасшедшей, несмотря на все попытки Джордана заставить меня в это поверить. Я просто очень сильно запуталась, и теперь срочно нужно было выбираться из этой паутины. Стоило мне остаться в квартире одной, как я первым делом отправилась в его кабинет на поиски оригинала сделанной записи или любых других улик, которые могли бы больше рассказать о человеке, за которого я вышла замуж.

Без особых усилий я практически сразу обнаружила целую папку, посвященную несчастному случаю, в результате которого погибла его первая жена. Прочитала официальные отчеты и протоколы, удивляясь, почему не заинтересовалась этим раньше.

Факты выглядели вполне прозрачно. Они с Бритни проходили мимо устья реки Колумбия — очень опасного места на северо-западе Орегона. Там большая река впадает в Тихий океан и образует коварные подводные течения и воронки. Согласно заключению береговой охраны Бритни смыло за борт огромной волной, накрывшей лодку.

Джордан тоже оказался в ледяной воде, на обоих не было спасательных жилетов. Она утонула, его спасло проходящее судно. Тело Бритни нашли на следующий день.

Я вспомнила Эшли, которая была уверена, что Джордан — убийца. В тот вечер, когда я ее встретила, казалось, что она сама не своя от горя, что она обвиняет Джордана беспочвенно. Теперь я знала детали происшествия и меня еще сильнее озадачила ее ярость. Непонятно, почему ей кажется, будто Джордан это подстроил.

Вопросы нужно было задавать Эшли. Да, она немного нервная, но, очевидно, не глупая. Наверняка есть какая-то причина, почему она убеждена в виновности Джордана. Я должна была это выяснить.

Фамилия и телефон значились в материалах дела. Я заучила их и стала раздумывать, как бы выбраться, чтобы с ней поговорить.

С Джорданом мы заключили шаткое перемирие, но отношения стали гораздо прохладнее. Мы по-прежнему регулярно занимались сексом — довольно жесткие упражнения, продолжительные и интенсивные. Однако демонстрировать, что между нами существует страсть или сильные чувства, мы перестали. Он считал: у меня, как у жены, есть определенные функции, которые я обязана выполнять. Даже не представляю, что произошло бы, если бы я вдруг отказалась. Точнее, представляю, и именно поэтому я продолжала их исполнять.

Окончательно укрепились во мнении, что его одержимость мною не совсем нормальна. Маниакальная склонность к насилию пугает.

Мы больше не говорили о кассете или о том незнакомце. И не поднимали тему лечебницы для душевнобольных. От одной только мысли о том, что он может поместить меня туда, дрожь пробивала. Я понимала, что психушка — всего лишь хитрая и коварная угроза, которая вклинилась между нами, как петля палача. Если я разозлю его или наскучу, он накинет ее мне на шею.

Я не знала обязательств, которые мы принимали на себя, вступая в брак, и не представляла, какую власть он имеет надо мной, будучи моим мужем. Но боюсь, она была большей, чем хотелось бы. Если он попытается что-то со мной сделать, рассчитывать придется только на свои силы.

День за днем я все более замыкалась в себе. Страх разъедал душу. Еще бы! Из кошелька

внезапно исчезли все кредитки, телефоны перестали работать, наличность, которую он обычно оставлял для меня в выдвижном ящике и которая измерялась сотнями долларов, вдруг испарилась.

Я спросила о телефоне. Он сказал, что ему не нравится тарифный план, к которому он подключился, и он решил его поменять, но новые номера так и не были активированы. На самом же деле после того случая, когда я потеряла над собой контроль, я выслала несколько анкет с заявлениями о приеме на работу. Отсутствие телефона было прямой гарантией того, что потенциальный работодатель не сможет со мной связаться.

Зато он дал мне сотовый, который позволял отслеживать каждый мой звонок, поскольку вместе со счетом будет приходить распечатка номеров, на которые я звонила. Не уверена, но кажется, с помощью него он мог определять мое местонахождение, поэтому я старалась держать сотовый выключенным.

Что же касается кредитных карточек, то он мне прямо в лицо заявил, что я слишком много трачу, что было откровенной ложью. Я ни разу ими не воспользовалась, но он сказал, что у меня сейчас депрессия, поэтому оставлять в моем распоряжении деньги — не самая лучшая идея, что скуку и уныние шопингом не вылечить.

Слова не сказала поперек, хотя понимала, что он сознательно ограничивает меня, делая все более зависимой, отрезая пути к бегству.

Убедила его разрешить мне раз в неделю ходить в библиотеку. Видимо, он счел это место достаточно безобидным. Вероятно, решил, что там я не смогу ни во что вляпаться. Иногда он отправлялся туда вместе со мной, но случалось, он был занят, и я посещала ее одна. Мне нравилось выходить из дому, находиться среди людей, но меня не покидало ощущение того, что за мной наблюдают, словно Джордан нанял частного детектива следить за мной.

Иногда он появлялся. Материализовывался, когда я изучала стеллажи с книгами. Он делал вид, будто заскочил шутки ради. Но ясно как божий день: он попросту меня проверял, убеждался, что я действительно пошла туда, куда сказала. Кроме того, это был очередной намек на то, что я никуда от него не денусь.

Он больше не был со мной жесток, но я пребывала в постоянном страхе. Там, над обрывом, он сказал, что никогда меня не отпустит. Он постепенно сводил меня с ума.

Никак не могла понять, почему я до сих пор не выскользнула из его рук. Портленд большой город, я могла легко нырнуть в толпу и затеряться в ней. Можно было подойти к обочине и автостопом умчаться прочь. Я могла оказаться в нескольких часах езды отсюда, прежде чем ему стало бы известно о том, что я удрала, но почему-то я этого не делала.

Я постоянно твердила себе, что нужен более хитрый план, ждала, когда же он придет мне в голову. Просто сорваться с места было бы слишком примитивно, к тому же уверена, из этого ничего бы не вышло, особенно если за мной действительно кто-то следит. Его власть довлела надо мной — я ужасно боялась, что он меня найдет и вернет назад, а если такое произойдет, мне грозит смертельная опасность.

Если уж я надумала бежать, то нужно принять во внимание все подводные камни, учесть все риски.

Напротив туалета в библиотеке был таксофон. Мне потребовалось три посещения читального зала, прежде чем я набралась смелости позвонить Эшли, и еще два — прежде чем она оказалась дома и взяла трубку.

Судя по голосу, мой звонок ее ничуть не удивил: она не стала расспрашивать, почему

мне вдруг понадобилось тайно с ней увидеться, почему она должна была как можно незаметнее прошмыгнуть в библиотеку и никому не рассказывать о нашем randevu. Похоже, она и так знала причину, и от этого было определенно не по себе.

Я не предлагала ей изменить внешность, но она и сама догадалась — прикрыла голову шарфом, надела темные очки. На ней была неброская одежда: темные брюки, серый пиджак, простые мокасины. Так мог выглядеть кто угодно.

Мы забились в угол за справочным бюро на первом этаже, откуда хорошо просматривался вход и практически не было видно нас самих. Еще там не было окон и никто не мог сфотографировать нас через окно. И все равно всякий раз, как открывалась входная дверь, я вздрагивала в полной уверенности, что сейчас на пороге появится Джордан и схватит меня.

— Спасибо, что пришли, — прошептала я, когда она подошла.

— Пожалуйста.

В тот момент ситуация казалась какой-то нереальной. Она взяла с полки книгу и принялась ее листать, делая вид, что читает. Мое внимание было приковано к двери. Это все напоминало сцену из плохого шпионского фильма.

— Я хотела поговорить о вашей сестре.

— Он убил ее, — тут же заявила она. — Она была убита — это так же точно, как и то, что я здесь стою.

— Но я видела материалы дела...

— Меня не волнует, что там сказала береговая охрана. Он убил ее, и это сошло ему с рук.

Охваченная эмоциями, она повысила голос, да так сильно, что человек в соседнем кресле строго на нее глянул. Мы придвинулись ближе друг к другу.

— Почему вы так уверены в этом? — настойчиво спросила я.

— Она очень его боялась, но он задурил ей голову, она боялась от него уйти. Последний раз, когда ей удалось со мной связаться, она сказала, что решила подать на развод, а потом я узнала о ее гибели. Он утопил ее, затем как-то перевернул лодку и заявил, что это был несчастный случай.

— Но это и был несчастный случай! — возразила я, беря на себя роль адвоката дьявола. — Все так сказали, даже эксперты.

— Джордан — пловец мирового класса. Он даже получил грант на обучение в колледже. Об этом ты знала?

— Нет.

— Подростком он долгие годы работал спасателем в Южной Каролине. Он отлично чувствует себя даже в самых больших волнах, а вот Бритни и метра проплыть не могла. Она боялась воды, о чем неоднократно ему говорила. Но ему нравилось ее мучить. Этот подонок вечно брал ее с собой плавать, хотя знал, что она до смерти этого боится.

Я думала рассказать, что боюсь высоты и о том, как он заставлял меня спускаться на веревке со скалы, но решила промолчать.

Она вытащила из кармана две фотографии и положила их на раскрытую книгу, которую держала в руках.

— Вот. Это она сразу после колледжа, а вот это — после того, как некоторое время прожила с ним в браке. Снимок сделан незадолго до ее смерти.

С первого снимка мне улыбалась миленькая пухлая брюнетка, которая не имела ничего

общего с женщиной на втором снимке. Это была тощая и бледная анорексичная женщина с испуганными глазами, казавшимися огромными на ее узком лице. И она была блондинкой.

Я выглядела в точности как она, с той лишь разницей, что волосы у меня все еще были каштановыми, за исключением редких светлых прядей. Но Джордан все время настаивал, чтобы я покрасилась полностью.

— Господи! — пробормотала я и поежилась.

— Ты становишься ею. — Она достала еще одну фотографию. — Вот это его мать.

Это был зернистый нечеткий газетный снимок, но сходство со мной и Бритни было поразительным. Она тоже была истощенной блондинкой с затравленным взглядом.

— Думаешь, он превращает нас в подобие своей матери? Но это же безумие!

— Он убил свою мать...

— Нет, он не убивал!

— Убил и продолжает делать это снова и снова с женщинами, которые ему попадают. Сомневаюсь, что вы с Бритни были единственными.

Это было уже слишком, я начала подозревать, что это она сумасшедшая, что Джордан был прав, когда предположил, что личная ненависть к нему немного пошатнула ее психику.

— Его мать в психиатрической больнице, — заявила я.

— Нет, она умерла от передозировки. Она заснула и утонула в собственной ванне, когда Джордану было двадцать. Полиции тогда это показалось подозрительным, но они не смогли ничего доказать.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я наняла детектива после того, как он убил Бритни.

Я чувствовала себя неловко и уже начала жалеть, что позвонила ей.

— Ты ошибаешься насчет его матери.

— Не ошибаюсь. — Ее уверенность не давала мне покоя. — Он уже начал записывать на видео, как вы занимаетесь сексом?

— Нет.

Не знаю, почему я солгала. Более того, я поморщилась, словно это был самый странный вопрос, который мне приходилось слышать. Мне было стыдно рассказать, что Джордан заставлял меня это делать. Я хотела понять, почему он надо мной так издевается, но не готова была признаться, что это и есть причина, по которой я ее сюда позвала.

— Значит, скоро начнет, — уверенно заявила она. — У него есть друг, который... ну, не скажу, что гей, скорее бисексуал. Он придет к вам, и тебе придется делать это с ним, пока Джордан будет вас снимать. Он не позволит отказаться.

Я почувствовала, как подкашиваются ноги, неприятно засосало под ложечкой.

— Он поступал так с твоей сестрой?

— Она мне все рассказала. Конечно, к тому моменту у меня было не так много возможностей с ней поговорить, и за все время я ни разу с ней не увиделась. Он держал ее взаперти и не давал встретиться со мной, чтобы она мне не пожаловалась.

— Но если она не хотела в этом участвовать, как же он ее заставил?

Она пожала плечами.

— Он просто ее привязывал и делал что хотел. Или давал наркотики. Это могло происходить, пока она была без сознания.

— Ты уверена?

— Да. Он наверняка поступал так же и с другими женщинами — кому-то это нравилось

(сразу почему-то вспомнилась Кимберли), кто-то этого боялся или не помнил, что произошло под воздействием наркотиков. Уверена, что если ты хорошенько обыщешь квартиру, то обнаружишь кое-какие записи. Он извращенец: хранит все, что когда-либо снимал.

Я онемела от ужаса.

— Ты действительно думаешь, что он их все хранит?

— Конечно. Он же форменный психопат. Он ни за что не станет избавляться от своих маленьких трофеев.

У меня голова шла кругом. Что из всего этого было правдой? Как происходило в действительности? Я перестала что-либо понимать.

— Мне нужно идти, — сказала я наконец. Я слишком запуталась, чтобы продолжать разговор.

— Ты должна обратиться в полицию, — поспешно сказала она мне вслед. — Не тяни с этим.

Я невесело усмехнулась.

— Что я им скажу?

— Что он убил мать, затем свою первую жену и теперь собирается убить и тебя тоже.

— А твоя сестра ходила в полицию?

— Она была слишком напугана, поэтому я пошла вместо нее.

— И что они сделали?

— Ничего. Они решили, что я сумасшедшая.

— А потом?

— Это было расценено как несчастный случай, поэтому дело закрыли и расследовать не стали. Мое заявление сочли жалобой, а ее внезапную кончину — совпадением.

Я кивнула. Если я обращусь к властям, они решат, что и я ненормальная. И если вскоре я погибну при таинственных обстоятельствах, никто не станет морочиться: все спишут на случай, ведь я, по сути, никто. У меня не было доказательств, что Джордан снимал меня на видео, что периодически пичкал наркотиками.

А что касается экстремального секса, так разве это преступление? Не думаю.

А вот он бы мог состряпать отличное дельце, выставив меня пьянчужкой, подсевшей на ксанакс.

Я молча обдумывала ее слова, как вдруг тяжелая входная дверь отворилась и в библиотеку вошел Джордан. Он остановился, оглядываясь, будто знал, что я встречаюсь с Эшли, что я делаю что-то запрещенное.

Сердце на мгновение остановилось, я затряслась так сильно, что удивительно, как не упала. Съежилась за огромной книжной полкой, гадая, не подложил ли он мне «маячок» в ботинок или в сумку.

— О господи, — прошептала я, забиваясь как можно дальше, чтобы не попасть в поле его зрения.

— Что такое? — спросила она тоже шепотом.

— Сюда только что вошел Джордан.

— Прощай, — сказала она. — Будь осторожна и не звони мне больше.

— Но... почему?

В тот момент она казалась мне единственным связующим звеном с цивилизованным миром, с нормальной жизнью за пределами моей тюрьмы.

— Потому что я тоже его боюсь. Боюсь того, что он может со мной сделать, если узнает, что мы встречались.

Она стремительно пошла по проходу, и у меня вдруг появилось дурацкое желание побежать за ней, умолять, чтобы она забрала меня с собой. Она разделяла мои опасения: вот-вот должно произойти что-то нехорошее.

Я смотрела на поглощенных чтением людей, увлеченных книгами. Что, если я подойду сейчас к одному из них и закричу: «Помогите! Помогите! Мой муж здесь! Он хочет меня убить!»

Зал загудит, как встревоженный муравейник. Кто-нибудь, может быть, даже вызовет копов, но с чего бы им вмешиваться? У меня не было доказательств, Джордан обычно держался как богатая кинозвезда. Как объяснить, что он не тот, кем старается казаться? Мои предположения покажутся абсурдными.

Двигаясь словно по сигналу радиомаяка, Джордан свернул прямо ко мне. Он пошел вдоль стеллажа, за который я метнулась. Нас разделяла только книжная полка. Начался ужасный мандраж, я дико паниковала, была возбуждена до предела. Если бы он меня сейчас увидел, то сразу понял бы, что я только что занималась чем-то запретным.

Ценой невероятных усилий я выждала, когда он дойдет до конца и свернет за угол, затем помчалась к выходу, кубарем скатилась со ступенек и выскочила на тротуар. Было лето, но день выдался холодный и сырой. Я подставила разгоряченное лицо ветру. Несмотря на пасмурную погоду, надела солнцезащитные очки и направилась в сторону нашего дома.

Не успела я сделать и десяти шагов, как завибрировал сотовый. Просто чтобы его позлить, я не сразу взяла трубку.

— Алло?

— Мэг, я подумал, а не пойти ли нам куда-нибудь выпить кофе, и заехал в библиотеку. А ты где?

— О, я только что оттуда вышла. Иду домой.

Голос Джордана звучал чертовски нормально — самый обыкновенный муж, который решил сделать сюрприз такой же обыкновенной жене, только при этом меня отчего-то всю трясло и я была невероятно напугана.

Что будет дальше? Я не могла даже предположить.

— Я уйду на несколько часов, — предупредил Джордан. — Нужно встретиться кое с какими людьми.

— Хорошо.

— Я не хочу, чтобы ты куда-то выходила, пока меня не будет.

— Почему?

— Я должен тебе объяснять?

— Вообще-то, было бы неплохо. На улице светит солнце. Я хотела прогуляться к реке.

— Если к моему приходу ты не передумаешь, я с тобой схожу.

— Но почему я не могу пойти сейчас?

Он вздохнул, словно я тяжелым ярмом висела у него на шее.

— Ты же знаешь, что недостаточно здорова, чтобы выходить одной.

— Не беспокойся. Я окончательно выздоровела.

— Разве?

Он окинул меня оценивающим взглядом, в котором ясно читалось, что он так не думает, что я выгляжу отвратно, и это на самом деле было так. Потухший взгляд, волосы напоминали солому, кожа покрыта какими-то пятнами. Я была изнурена больше обычного, не хватало сил даже на личную гигиену. Меня совершенно не волновало, что я перестала следить за собой. Чем больше я зарастала грязью, тем больше мне нравилось в ней барахтаться.

— А ну сними футболку, — неожиданно велел он.

— Что?

— Футболку снимай!

На мне был вязаный топ, бюстгальтера я не надела. Грудь настолько усохла и съежилась, что поддерживать было нечего. Я пожала плечами, стянула футболку через голову и бросила ее на пол. Он провел рукой по груди, оценивая ее размер. Наконец, придя к какому-то решению, он кивнул.

— Ты слишком худая, — попенял он мне. — Такое впечатление, что тебя морят голодом.

— Ты разве не слышал? — возразила я. — Нынче модно быть худой. Хрупкие девушки сейчас — самый шик.

— Бред. Я завтра же звоню пластическому хирургу. Мне ужасно не нравится, что у тебя такие маленькие сиськи. Когда мы занимаемся сексом, мне кажется, что я трахаю мальчишку.

— Спасибо.

— Тебе нужно вставить имплантаты.

— Моя грудь в порядке!

— Так же, как и все остальное?

В голосе его было столько сарказма, что я вдруг почувствовала себя ужасно, словно опять ему всем не угодила. Не знаю, почему я до сих пор маюсь дурью, тщетно стараясь ему понравиться. Я же давным-давно убедилась в том, что это невозможно.

Он схватил мои соски и сжал их так сильно, что я вздрогнула.

— Мы обязательно это исправим, Мэг. Даже не думай спорить.

Он развернулся к выходу, я проводила его до гостиной. Мне вдруг страшно захотелось,

чтобы он остался. Я напоминала человека, пережившего пытку и влюбившегося в собственного палача. Ненавидела, когда он бывал дома, держа меня в узде, но без него в квартире становилось так тихо и пусто... Большую часть времени он был моим единственным контактом с окружающим миром, и, как ни прискорбно, я была благодарна ему за эту связь.

Пока он надевал пиджак, я спросила:

— Куда ты направляешься?

— Какая разница?

На самом деле меня не очень-то интересовали его планы, просто хотелось хоть приблизительно знать, когда он вернется, получить хоть малейшее предупреждение, чтобы морально подготовиться к стрессу от его возвращения.

— Что, если мне понадобится с тобой связаться?

— Позвони на сотовый. Если не буду занят, отвечу.

— Чем ты собираешься заниматься?

— Повтыкаю немного.

Не знаю, следовало ли мне понимать его буквально, но времена, когда такое сообщение могло вызвать у меня приступ ревности, давно минули. Меня совершенно не волновало, с кем он видится и чем занимается. Если у него женщины на стороне, то я только рада: они удовлетворяют хоть часть его обширных сексуальных потребностей. Но судя по всему, толку от них в этом вопросе было мало.

— Звучит здорово, — солгала я.

— Будет действительно здорово и я вернусь очень возбужденным, поэтому приготовься трахаться со мной всю ночь.

Раньше его слова меня приятно взволновали бы, заставили трепетать, теперь же такая перспектива не вызывала ничего, кроме усталости.

— Жду с нетерпением.

— Хорошо. И запомни: никуда не ходи.

— Не буду.

— Мэг, я серьезно.

— Я знаю.

Он вошел в лифт, и, когда тот унес его вниз, я наконец-то позволила себе расслабиться. Я никак не могла понять, какая кошка между нами пробежала. Его поведение все реже внушало тревогу, но все время, что мы были вместе, напряжение росло, отношения накалялись, противостояние принимало все более серьезные формы.

Я окинула взглядом навороченный пентхаус. Как такое роскошное место могло превратиться в тюрьму? Я еще немного побродила по комнатам — царящая повсюду тишина выводила меня из себя, — затем я на цыпочках прокралась в его кабинет. Уселась за его стол и повертелась на причудливом кресле. Каждый раз, стоило мне зайти в эту комнату, возникало чувство, что за мной наблюдают, и я часто задавалась вопросом, не установил ли он где-то здесь скрытую камеру.

Может, на самом деле он никогда и не покидал здание. Может, он прятался где-то неподалеку и наблюдал за мной на мониторе? От него можно было ожидать чего угодно.

Я открыла верхний ящик, затем тот, что под ним, и самый нижний. Не знаю, что я рассчитывала там найти. Календарей и фото из газеты больше не было. Я засомневалась, а видела ли я их на самом деле. Может, это было частью какой-то игры, в которую играл

Джордан? Может, это была очередная гнусная попытка заставить меня поверить в то, что я сошла с ума? Или я на самом деле свихнулась? Не знаю, от всего этого голова шла кругом. Вещи сначала появлялись, а затем исчезали — даже этого было достаточно, чтобы сделать из меня сумасшедшую.

В самом нижнем ящике оказалась новая папка с моим именем. Конечно, я должна была посмотреть, что там внутри, — как же иначе? Факт, что она оказалась на самом видном месте, навел на мысль, что он хотел, чтобы она попала ко мне в руки, и специально подстроил все так, чтобы я ее обнаружила.

К моему удивлению, в ней лежал наш с Джорданом брачный договор. На нем были наши подписи, но я никогда прежде не видела этот документ и уж точно его не подписывала, хотя мой почерк был подделан весьма виртуозно.

До нашей свадьбы он ни разу не упомянул о своем состоянии или моих правах на него. Свадьба состоялась слишком скоропалительно, церемония получилась несколько скомканная, и я никогда не задумывалась, что его богатство теперь стало и моим тоже. Чего не скажешь о Джордане — он все предусмотрел. Но почему бы нам еще до супружества не обсудить ситуацию как двум взрослым разумным людям?

Я была отнюдь не глупа. Я понимала, что он богат, что мы вступили в союз, в котором с его стороны было все, а с моей — ничего, что он фактически взял меня без гроша за душой. И если бы он поставил меня перед условием, то я мгновенно согласилась бы, так зачем же все эти уловки?

Моя подпись маячила перед глазами — я провела по ней пальцем. Я понимала, что этим он хотел донести до меня какую-то важную информацию, что здесь была какая-то угроза, которую мне необходимо было разгадать, но я не могла решить эту головоломку в одиночку и не знала, к кому бы обратиться за помощью. Наверное, следовало бы поговорить с адвокатом, но я не была знакома ни с одним.

На первый взгляд, все выглядело довольно-таки прозрачно. В случае развода я получаю довольно скудную материальную помощь размером в десять тысяч долларов. Если же я умру, то мои наследники не получают ничего. Своей подписью (которую я не ставила) я подтверждаю, что мое положение мне понятно, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти и отказываюсь от каких-либо претензий в его адрес.

Мне не нужны его деньги. Стоит мне только набраться мужества и уйти от него, как я с радостью вернусь к тому образу жизни, который вела раньше. У него была куча денег, он купался в роскоши, и это давало ему власть — и все же он не был счастлив. Я разделяла с ним его богатство и все, что можно было на эти средства купить, но при этом я тоже была несчастна. По-моему, ни ему, ни мне эти деньги ничего хорошего не принесли.

Но... зачем тогда ему понадобилось заходить так далеко, чтобы меня к этим деньгам не подпустить?

Наверное, это было еще одно «ненавязчивое» напоминание о том, что он не отпустит меня. Может, он решил, что я целыми днями только и делаю, что сижу и строю коварные планы нашего с ним развода, после которого я стану богатой и свободной, прибрав к рукам его денежки. Возможно, он таким вот образом решил подстраховаться. Либо это было сигналом о надвигающейся беде, а я была слишком глупа, чтобы увернуться от летящей в меня неизвестно откуда пули.

Неожиданно я отчетливо ощутила, как стены начинают на меня давить. Нужно было срочно выбраться из квартиры, поговорить с кем-то, кто меня выслушает. Но кто меня

станет слушать?

Я затолкала папку в стол. Наплевав на приказ Джордана оставаться дома, я схватила свитер, солнцезащитные очки, сумочку и поспешила вниз. Я прошла фойе и нерешительно вышла на тротуар, озираясь по сторонам, словно пришелец с другой планеты. Понятия не имела, куда идти, поэтому пошла куда глаза глядят.

Пройдя пару кварталов, остановилась напротив старой усадьбы, которую реставрировали и переоборудовали под офисы. На помпезном крыльце висела скромная золотая табличка: «Поверенные в суде». Я размышляла целую вечность, а затем подумала: почему бы и нет? Почему бы просто туда не войти и не спросить их мнения?

Я никогда прежде не имела дела с адвокатом по каким-либо правовым вопросам, поэтому испытывала некоторую неловкость, но все же поднялась по ступенькам и вошла. Пушистый ковер поглощал звуки: создавалось впечатление, будто я нахожусь в вакууме. На кофейном столике разложены журналы «Форбс» и «Уолл-стрит джорнэл», которые посетители могли листать в ожидании очереди.

В приемной за вычурной регистрационной стойкой находилась красивая безукоризненно одетая секретарша. Напротив стойки стоял большой кожаный диван. Девушка приветливо мне улыбнулась. На мне были очень стильные и дорогие вещи: вид был вполне подходящий для такого шикарного места.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Что нужно сделать, чтобы встретиться с адвокатом?

— Просто записаться на прием.

— А, понятно. — Я помрачнела. — А могу я поговорить с кем-то прямо сейчас?

— Сейчас?

— Да, если кто-нибудь из них сейчас не занят.

— Сейчас посмотрю. — Она пробежала глазами по монитору, после чего сказала: — После обеда есть небольшое окно у мистера Грея. Вас это устроит?

Ждать нужно было полтора часа. Не слишком ли рискованно?

— А сколько времени будет длиться прием?

— Это зависит от того, о чем вы хотите с ним проконсультироваться.

— У меня возникло несколько вопросов по поводу брачного договора.

— У вас есть с собой его копия?

— Нет.

Уверена, что никогда и не будет.

— Что ж... можем записать вас на час, и тогда уже вы сами объясните ему, что вам нужно.

Она снова заглянула в компьютер.

— Скажите мне ваше имя.

— Мэг.

— А фамилия?

Я уставилась на нее и на компьютер, и у меня началась паника. Что, если Джордан вдруг узнает, что я здесь была? Что, если ему станет известно, что я обсуждала наши с ним личные вопросы с посторонними людьми? Что он со мной сделает?

Но если даже не брать во внимание Джордана и его реакцию, что я скажу адвокату? Он захочет взглянуть на документ, и мне придется объяснить, почему я не могу его показать. Если же он посоветует занести его позже и я вернусь за ним в кабинет, то более чем уверена:

договора там уже не будет, так же как не стало календарей и газетной фотографии.

Если каким-то чудом документ все еще будет в ящике, мне придется убеждать адвоката в том, что мою подпись подделали. Разве он поверит? Джордан был очень богат, и, в принципе, было вполне естественно и разумно заключить такой договор.

Меня же сочтут сумасшедшей.

К тому же мне придется заплатить за консультацию. Где взять деньги? У меня в сумочке было ровно два доллара, и я понятия не имела, когда и как смогу получить больше.

Было довольно глупо предполагать, что я могу просто подойти к какому-нибудь незнакомцу и попросить о помощи.

Я тяжело вздохнула.

— Лучше не надо.

— Вы уверены?

— Да.

Я уже развернулась и направилась к выходу, как она бросила вдогонку:

— Если передумаете, просто сообщите. Я постараюсь найти для вас подходящее время.

— Спасибо, не передумаю.

Я немного потопталась перед конторой, решая, что же делать, куда пойти. В голове тикали невидимые часы, зовущие меня скорее возвращаться.

Джордан никогда прежде не оставлял мне таких четких указаний не выходить. Он говорил совершенно серьезно. Нужно успеть вернуться до того, как он выяснит, что я была в городе. Каждая секунда промедления была рискованной.

На углу был таксофон, и я сняла трубку. Не тратя ни секунды на размышления, я бросила монету и набрала номер Мэри. Я не знала, живет ли она по тому же адресу, но мне так нестерпимо хотелось услышать знакомый голос.

Она ответила после третьего гудка.

— Алло?

— Мэри?

— Да?..

Она явно меня не узнала, и это неприятно поразило. Я уткнулась лбом в стеклянную перегородку телефонной будки.

— Это я, Мэг.

В трубке повисло долгое неловкое молчание, пока она силилась меня вспомнить.

— Мэг... Уайт?

Я никогда не чувствовала себя в роли Мэг Блэр.

— Да.

Голос ее сразу стал скучающим и холодным.

— Что тебе надо?

А что мне надо?

— Вот решила узнать, как дела.

— Все хорошо.

Она ограничилась одним кратким ответом, не интересуясь моими делами. Снова неловкая пауза. Наконец я сказала:

— Я слышала, вы со Стивом теперь вместе. Говорят, вы помолвлены.

— Да, помолвлены.

— Это хорошо. Я за вас рада.

И снова она не сделала попытки продолжить разговор. Я живо представила ее дома, как она ходит по кухне, смотрит в окно на находящийся напротив «Моцарт».

— Зачем ты позвонила, Мэг?

— Хотела с тобой поговорить.

— Прошло уже полгода. Почему именно сейчас? Что случилось?

— Я соскучилась.

Она невесело рассмеялась.

— Неправда. Прошло столько времени. Кого ты пытаешься обмануть?

— Я не обманиваю.

— Что так? Неужто что-то пошло наперекосяк и этот роскошный брак не оправдал твоих надежд? И тебе хочется сейчас кому-то пожаловаться, да? Я не жилетка, в которую плачутся. Ты зря рассчитывала, что я стану тебя слушать.

Я собрала все мужество, до последней капли, в кулак, чтобы бросить в телефон эти четвертаки, но откуда ей было знать, чего мне это стоило? В ее голосе было столько сарказма, столько равнодушия! Думаю, до этого момента я до конца не понимала масштабов того, что натворила.

Я выбрала дорогу и пошла по ней, переступая через других, как застывшая эгоистка. Теперь я пожинала горькие плоды.

— Нет, я вовсе не собиралась тебе жаловаться, — сказала я. — Я только хотела поздороваться.

— Вот и поздоровалась.

— Да уж.

— Я скажу Стиву, что ты звонила.

— Спасибо.

— Он так переживал за тебя. Вначале, когда ты только свалила, чуть с ума не сошел. Он вызванивал разных людей, расспрашивал о тебе, но никто ничего не слышал. Он очень волновался, все ли с тобой в порядке. Ты хоть об этом подумала?

— Нет.

— Так я и знала.

— Скажи ему... скажи, что мне очень жаль, хорошо?

— Нет, не скажу. Не думаю, что вообще стану о тебе упоминать. Какие бы там проблемы у тебя ни были, ты сама во всем виновата. Ты и так принесла ему достаточно горя. Хватит с него, он и без того от тебя натерпелся.

Меня никогда еще так сильно не унижали.

Я знала, что заслуживаю порицания, но не думала, что это будет так мучительно. Попыталась вспомнить тот дождливый зимний день, когда я так небрежно распрощалась со старой жизнью ради Джордана. Тогда это казалось абсолютно правильным выбором, единственным направлением, в котором нужно идти.

Когда я успела стать такой махровой эгоисткой? Я была так поглощена своими потребностями, что вся та боль, которую я могла причинить Стиву, казалась не такой уж и большой ценой. Но что я при этом получила? А что потеряла?

— Я поняла, — проямлила я.

— Хорошо. Пожалуйста, не звони сюда больше.

— Не буду.

Я повесила трубку. То же самое сказала мне и Эшли после нашей тайной встречи в

библиотеке. На мне что, клеймо позора? Или я заразная?

К чему бы я ни притрагивалась, чтобы ни делала, все превращалось в дерьмо. Я попросту забыла, как нужно вести себя с людьми, как налаживать отношения, и при этом рассчитывала на помощь. Помощь от двух женщин, которые, возможно, и не могли ничего сделать. Я была сама по себе, свободно плыла по течению — человек-невидимка в море незнакомых людей.

Чувствуя себя поверженной, испытывая отвращение к самой себе, я, понуриив голову, поплелась прочь.

Что-то нужно менять. Я сама должна измениться. Я понимала, в каком плачевном положении нахожусь, но ничего не предприняла, чтобы как-то это исправить. Все казалось таким сложным, просто выше моих сил. В голове была каша, я не могла выбрать, как поступить. Принимать кардинальные решения, а затем осуществлять их — это казалось непосильным. Легче было сложить лапки и покориться судьбе.

Зайдя в подъезд, я отметилась на посту охраны и поднялась наверх. Вошла в квартиру, повесила свитер в шкаф в прихожей и только потом поняла, что Джордан дома. Он сидел на диване и наблюдал за тем, как я украдкой пробираюсь домой.

Он пил что-то спиртное, хотя вообще алкоголь употреблял крайне редко. От него волнами исходила ярость. Он молча глядел, как я нерешительно переминаюсь с ноги на ногу. Наверняка он ждал объяснений, но я понятия не имела, с чего начать.

— Здравствуй, Джордан, — сказала я наконец.

— Здравствуй, Мэг. Где ты была?

— Да так, выскочила купить мокко.

— Неужели?

У меня не было стаканчика. Ложь была очень явная, но уже слишком поздно что-то менять.

— Да меня и не было-то всего пару секунд.

— Да что ты? Хочешь узнать, сколько я тебя здесь жду?

Я едва сдержалась, чтобы не выдать свой испуг, прошла в комнату, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало, но на самом деле поджилки тряслись.

Я с трудом выдавила улыбку.

— На улице так хорошо. Не хочешь прогуляться со мной к реке?

— Я же сказал тебе никуда сегодня не ходить.

— Я знаю.

— Тогда почему ты ушла?

— Мне просто... нужно было выйти.

— А я тебе запретил.

Я вдруг почувствовала, что это конец. Словно мы подошли к точке, к которой двигались все это время. Он встал с дивана, и я заметила, что в руках у него ремень. Он был свернут вдвое, и пряжкой Джордан слегка похлопывал себя по бедру.

— Мэг, ты никогда меня не слушаешь.

— Джордан, я всего лишь пила кофе. Не надо делать из этого такую трагедию.

— Неужели? Ты знаешь, я вдруг понял, что, когда я что-то приказываю, ты не считаешь нужным повиноваться.

Я не стала говорить, что я думаю по поводу слова «повиноваться». Мы и без того находились в опасном тупике, и я не хотела его провоцировать.

— Прости, — сказала я. — Это больше не повторится.

— Разве?

— Да.

— Что-то мне подсказывает, что ты лжешь.

— Я не лгу.

— Ты играешь со мной в какую-то игру, и я не могу позволить, чтобы это продолжалось дальше. — Он поднял руку с ремнем. — Иди в спальню.

— Зачем? Что ты собрался со мной делать?

— Там узнаешь.

— Нет, скажи мне сейчас.

— Иди! — сказал он твердо, но не повышая голоса. Он никогда не повышал голос.

— Никуда я не пойду, пока ты не скажешь.

— Ты должна быть наказана. Тебе пора понять, что у твоих необдуманных поступков могут быть последствия.

— Хотя ты мне и муж, но ты мне не начальник и не хозяин.

— Ты так в этом уверена?

Он замахнулся ремнем и с силой ударил меня по лицу, затем снова и снова. Я упала на пол и свернулась клубком — теперь я отчетливо понимала, что он хотел мне сказать. Он должен был преподать урок, а я была способной ученицей.

— Сейчас мы посмотрим кое-какие записи.

— Хорошо.

— Ты запомнишь, что делают женщины на кассетах, а потом сделаешь то же самое со мной.

— Я сделаю все, что ты пожелаешь.

После порки он запер меня в чулане на двое суток. По крайней мере, мне показалось, что прошло столько времени. Меня избили и одурманили, я не могла точно ориентироваться во времени.

Когда наконец он меня выпустил, то не стал нежно успокаивать, как это было в самом начале наших отношений. Метод кнута и пряника отныне сводился только к кнуту. Нарушив его прямой приказ и выйдя из дому, я переступила некую черту, и, вероятно, мой проступок был слишком ужасен и непростителен.

Я не могла предположить, что он задумал. Никто не знает, где я, никто не придет справиться, все ли со мной в порядке. Я была совершенно одинока и в полной власти Джордана.

Давно собиралась сбежать, но от алкоголя и наркотиков все мои чувства притупились. Слишком заторможенная, чтобы адекватно оценивать масштабы нависшей опасности, я все тянула и тянула, размышляла и сомневалась в возможных вариантах, пока не стало слишком поздно. Ясно, что нужно уносить ноги, но теперь это практически невозможно.

Пока я сидела взаперти, он не давал ни есть, ни пить, я почти не спала. Я была сильно напугана: стоило забыться сном, как я мгновенно вскакивала как ужаленная — я была уверена, что меня собираются убить.

Освободив меня, он позволил принять душ и надеть халат, но кормить не стал. А я боялась попросить еды, боялась начинать разговор, который мог вызвать новый приступ ярости, поэтому изображала кротость и послушание.

Мне нужно было выиграть время, чтобы восстановить силы и составить план. Он не мог все время торчать дома и сторожить меня. Нужно было набраться терпения и ждать удобного случая, а как только он представится — действовать.

Я лежала на кровати в одной из спален. Снова появились красные атласные простыни, к спинке кровати были привязаны веревки, а на комоде расставлены секс-игрушки. Он налил в стакан что-то напоминающее алкоголь и протянул мне.

— Вышей.

— Что это?

— Бренди. Это позволит тебе расслабиться и сделать то, что ты должна сделать.

— А можно просто воды?

— Нет.

Вероятно, он подмешал что-то в бренди, хотел опоить и вогнать в ступор. Но меня это уже не волновало. Сильно мучила жажда, и я готова была проглотить любую дрянь. Я пила мелкими глоточками, ощущая особый привкус. Пойло вызвало в моем пустом желудке эффект, подобный разорвавшемуся снаряду.

Он подошел к телевизору — на полке под ним я увидела целый ряд кассет с домашним видео. Казалось, будто они стояли там всегда, хотя перед этим перерыла весь дом в поисках

их. Джордан вставил одну из них видеомэгнитофон и вернулся ко мне.

С пультом управления он забрался на кровать и примостился рядом. Он раскинулся на подушках, а я оказалась у него между ног. Он сорвал с меня халат, я вновь оказалась нагой.

— Зря ты меня не послушала, Мэг.

— Я не специально, Джордан. Я же сказала, мне очень жаль.

— Я нанял людей, чтобы за тобой следили. Я знаю, что ты обращалась в адвокатскую контору.

Надеюсь, он не заметил, насколько меня шокировало его признание. Я часто предполагала, что за мной может быть слежка, но сама идея казалась мне абсурдной и я никогда не относилась к этой мысли всерьез.

В ту минуту мне показалось, что неудавшийся визит к адвокату произошел в другой жизни. Я понимала, что мне нужно выдумать хорошую легенду, но в голове стоял такой туман, что я еле выдавила из себя:

— Я потерялась и зашла туда спросить дорогу.

Он схватил мой сосок и больно его скрутил.

— О Мэг, когда же ты поймешь, что не нужно мне лгать? Я все равно рано или поздно узнаю правду.

В тот момент я была настолько переутомлена и напутана, а он настолько владел ситуацией и так явно демонстрировал свою силу, что казался почти всемогущим. В моем воспаленном мозгу не осталось и тени сомнения, что он знает все, о чем я думаю, все, что делаю. Более того, это казалось мне естественным. И не было шансов противостоять ему и победить.

— Кому ты звонила из таксофона?

Я не собиралась искушать судьбу очередной ложью.

— Моей старой знакомой, Мэри.

— Но я ведь не рекомендовал тебе с ней общаться.

— Знаю.

— И снова ты меня не послушала.

— Я просто растерялась.

— Да, ты растерялась. Но больше ты не будешь совершать подобных глупостей, да?

— Да.

— Потому что теперь ты поняла, как это меня злит. — Он все еще продолжал выкручивать мой сосок. — И ты не хочешь, чтобы я еще больше рассердился, не так ли?

— Нет.

— Тебе от меня никуда не уйти, Мэг. Ты должна просто осознать этот факт и смириться с ним. Должна, понимаешь?

— Да, Джордан.

— Ты должна свято чтить те клятвы, которые мы давали друг другу при вступлении в брак: «Пока смерть не разлучит нас».

— Да.

— Ты никогда не сможешь их нарушить. Я этого не допущу.

— Я не стану даже пытаться.

Я вела себя как нашкодивший щенок, которого мордой ткнули в его ошибки. Именно так я себя в тот момент и чувствовала. Не в силах спорить, не в силах защищаться. Пока у меня не появится возможность нормально поесть и отдохнуть, я смогу только кивать и со

всем соглашаться. К тому же, попав в такое затруднительное положение, я начала сомневаться, что вообще когда-нибудь смогу выпутаться. Не представляла себе, как такое вообще может происходить. Вся сила была сосредоточена в его руках, у меня же не осталось ничего.

— Весь сегодняшний вечер я буду знакомить тебя с новыми правилами. Твоя жизнь теперь в корне изменится, раз уж выяснилось, что я не могу тебе больше доверять.

— Клянусь, ты можешь мне доверять.

— Нет, не могу, и в этом виновата только ты. Тебя теперь нельзя оставлять без присмотра. Я буду всем управлять. Я буду руководить твоими решениями и действиями.

— Это хорошо.

— Если ты откажешься делать то, что я тебе велю, то будешь наказана.

— Меня не нужно будет наказывать.

— Нужно. Я был к тебе слишком снисходителен, я слишком верил в твое благоразумие и в то, что ты станешь вести себя как подобает. — Он направил пульт в сторону телевизора и нажал «плей». Закрутилась кассета. — Давай немного посмотрим.

Он налил мне еще бренди и заставил выпить залпом. В тишине мы ждали, когда появится изображение. Когда пошли первые сцены, я, к своему отвращению, увидела на экране Кимберли в пляжном домике Джордана. Она плескалась в горячем джакузи, маняще изгибалась и позировала перед камерой, похотливо смеясь, гладила груди и мастурбировала. А он все это снимал — камера захватывала крупным планом ее бритый лобок, розовую киску.

— Повторяй за ней, Мэг, — приказал он, — трогая себя так же, как это делает она.

Я принялась ласкать грудь, он следил за моими движениями, но остался недоволен. Он взял мою руку и направил ее к промежности, силой удерживая там, пока я не просунула палец в вагину и не принялась им работать.

Этот эпизод закончился и начался следующий: Кимберли на террасе, Кимберли на кухне, Кимберли в гостиной в разнообразных откровенных позах. Наконец в кадре вместе с Кимберли появился Стив, мой милый пухленький, вызывающий чувство нежности Стив. Но я отупела настолько, что казалось, будто передо мной незнакомые люди.

Я наблюдала за тем, как они резвятся в воде, и с разочарованием отметила, что была права: они занялись сексом сразу же после того, как очутились в джакузи. Когда-то мне было любопытно, как долго Стив продержался, прежде чем поддаться искушению, и было крайне неприятно узнать, что он совсем не сопротивлялся.

Казалось, мы провели целую вечность за просмотром того, как мой бывший парень трахает любимую шлюху Джордана, и это было очень противно. Я хотела, чтобы все поскорее закончилось, но не осмеливалась попросить Джордана выключить. Если я хоть слово сейчас скажу, он заставит меня смотреть это часами, а то и сутками.

Камера побывала вместе с ними почти во всех комнатах первого этажа, затем переместилась в спальню наверху. Под конец Джордан тоже к ним присоединился. Кимберли лежала сверху на Стиве, в то время как Джордан подошел и взял ее сзади.

— Встань на колени, — велел он мне, и я подчинилась. Он схватил меня за бедра и принялся трахать точно так же, как Кимберли на кассете: хватал меня за те же места, двигался в том же темпе и бормотал те же фразы. Он так хорошо знал, что и в какой последовательности должно происходить, помнил мельчайшие подробности. Напрашивался вывод, что он просматривал эту запись десятки, а то и сотни раз.

Раздался характерный щелчок — кассета закончилась. Джордан отлепился от меня и пошел ставить новую. Это была та самая, на которой я себя не помнила, которую я вначале увидела и подумала, что занимаюсь сексом с другим мужчиной.

Во мне не осталось никаких эмоций, мысли витали далеко. Джордан снова повторял со мной все то, что было на кассете. Его осведомленность поражала, пугала, она была просто зловещей. Джордан вертел мной и произносил то же, что и в записи.

На кассете я делала ему минет, и он заставил меня в точности скопировать все, вплоть до выражения лица. Это было самым унижительным, постыдным. Жутко болел желудок — спиртное словно прожигало в нем дырку, — страшно хотелось есть, но я молча довела дело до конца.

Когда кассета закончилась, я понадеялась, что на этом мы остановимся, что он реализовал уже все свои извращенные фантазии, но ошиблась. Он поставил третью. Мы находились в постели уже четыре часа — он все имел меня и имел. Я была близка к обмороку, сил больше не было, дико хотелось есть.

— Может, мы прервемся ненадолго? — взмолилась я в конце концов. — Я очень хочу есть. Если бы я смогла перекусить, мне было бы легче продолжать.

— Ты не будешь есть, пока я тебе не разрешу.

— Пожалуйста!

— Нет.

Началась новая кассета, и на экране появилась женщина, которую я вначале не узнала. Но по мере того, как события на экране развивались, я решила, что это его первая жена Бритни. Ну как после этого можно было называть его нормальным человеком? У Бритни были светлые волосы (Джордану, очевидно, нравились блондинки), но они были какими-то жидкими и неопрятными, глаза казались слишком большими для такого изможденного лица. Я видела, что она в ужасном состоянии, видимо, после того, как он хорошенько над ней поиздевался.

Она была изнуренной, какой-то потерянной и заторможенной. Говорила невнятно и немного покачивалась, словно была пьяная или под кайфом.

Джордан привязал ее к кровати.

— Это Бритни? — спросила я.

— Да, — ответил он после небольшой паузы. — А как ты узнала?

— Догадалась. Она была красивой.

— Могла быть такой, если старалась.

— Она похожа на меня.

Он гадко так рассмеялся.

— Это уж точно.

— Ты ее любил?

— Она никогда меня не слушала, — сказал он фразу, которая, в то же время, не была ответом.

— Ты убил ее?

— Ложись, Мэг.

— Убил?

— Ложись!

Я была так несчастна, думала, что меня вот-вот стошнит, думала, что сейчас потеряю сознание... навсегда, и не сопротивлялась, когда он привязывал мои руки к спинке кровати.

Он занимался со мной сексом, где-то на заднем плане жужжал видеомэгнитофон, я же лежала, уставившись в одну точку у него за плечом, мои мысли витали в тысяче миль отсюда. За последние несколько месяцев он многое сделал, чтобы окончательно меня уничтожить, затравить, заставить поверить, будто я сумасшедшая. Ему это здорово удавалось.

Сознание было настолько отдалено от того, что происходило с телом, что я больше не чувствовала связи. Я раскололась на две половинки — умственную и физическую. Наверное, так же поступали жертвы пыток, стараясь выжить: мысленно уносились в другое измерение, где их ничто уже не беспокоило. Меня могли избивать, морально надо мной издеваться — это уже не было настолько невыносимо, и пустота, в которой я оказалась, была не таким уж плохим местом.

Повторяя то, что происходит на экране, Джордан отмотал кусок веревки и накинул мне на шею. Он то натягивал ее, заставляя думать, будто вот-вот меня задушит, то отпускал. Я тем временем хватала воздух ртом, стараясь вдоволь им запастись перед следующим «приступом» удушья.

Это продолжалось довольно долго. Я была слишком сбита с толку и измотана, чтобы обращать внимание на что-то еще, поэтому, несмотря на опасность, почти никак не реагировала на его действия. Когда я решила, что все кончено, и собралась умирать, он внезапно прекратил и слез с меня. Взгляд его был холодным, выражение лица — беспощадным.

— Теперь поняла, что тебя ждет? — спросил он.

— Да.

— Вопросы есть?

— Нет. Все кристально ясно.

— Хорошо.

Он развернулся и ушел. Я же закрыла глаза и забылась сном, моля о том, чтобы больше не проснуться.

— Сюда.

Я ступила туда, куда указывал Джордан, и оказалась на темной крутой лестнице без перил. Я пошатывалась на высоких каблуках, и он придержал меня рукой за талию, чтобы привести в равновесие.

— Где мы? — спросила я.

— Мы встречаемся с одним моим знакомым.

Он сказал, что мы куда-то идем, и я была так рада выбраться наконец из этой ненавистной квартиры, увидеть людей, подышать свежим воздухом, что согласилась. Перед выходом он надел на меня белье и чулки, жемчужное ожерелье и туфли на каблуках, сверху накинул плащ. Со стороны нельзя было догадаться, что под ним я практически голая.

Я попыталась отказаться выходить из дому в таком виде, но не слишком настойчиво. В голове царила неразбериха, мысли прыгали хаотично и бессвязно, я не понимала, что вообще со мной происходит. Единственное, что осилил мой мозг, — это то, что, вероятно, тут не обошлось без наркотиков, но я была в таком расслабленно-заторможенном состоянии, что меня это ничуть не тронуло.

Не знаю, как он это проделывал, — думаю, подсыпал наркотики в еду или питье. Он специально накачивал меня транквилизаторами, чтобы я не устраивала скандалов, не ныла, не спорила. Безвольной послушной куклой легко манипулировать, заставлять делать все, что ему заблагорассудится.

Лестница закончилась дверью на четвертом этаже. Джордан постучал. Я привалилась к стене, тяжело дыша от усталости после пустякового, в сущности, подъема. Он держал меня на жесткой диете, физические нагрузки отсутствовали — теперь я даже не гуляла, — поход отнял все силы.

Через несколько секунд дверь отворилась. Я была поражена, увидев на пороге того самого таинственного мужчину с кассеты. На нем были обтягивающие джинсы, он был босиком и без рубашки. Темные волосы, голубые глаза, накачанное тело — он вполне мог сойти за младшего и более темпераментного брата Джордана. В ухе у него блестела серьга, а на предплечье — татуировка в виде розы.

— Я уже думал, вы не придете, — сказал он Джордану, когда мы прошли в гостиную.

— Извини, — ответил Джордан. — Немного припоздали.

Тут мужчина обратился ко мне, словно мы были давними друзьями.

— Привет, Мэг.

— Привет.

Он протянул мне руку и провел пальцем по щеке, и я это стерпела, даже не шелохнувшись, что лишний раз доказывало, какой я стала вялой и безучастной.

— Мэг, это Эдриан, — представил его Джордан.

Я скривилась. Говорила я медленно и с трудом, мне нужно было напрягаться, чтобы подобрать слова.

— Эдриан, ты не знаешь, почему Джордан привел меня сюда? Мне он не говорит.

— Э... да, Мэг, — ответил он. — Ты и сама знаешь.

— Знаю?

— Еще бы.

Они оба засмеялись, обменялись похотливыми взглядами, после чего я вдруг поняла, что сейчас должно произойти. Тоненький голос у меня в голове отчаянно кричал, что это нехорошо, что я не должна идти у них на поводу, но я не могла разбудить в себе гнев и негодование, чтобы сопротивляться.

— Пойдем со мной.

— Хорошо.

Эдриан повел меня по коридору в спальню, в которой стояла огромная двуспальная кровать с такими же красными простынями, что и те, которые периодически то появлялись, то исчезали у нас.

Джордан пошел вслед за нами, он чувствовал себя очень свободно, словно бывал здесь регулярно: подошел к бару, налил мне выпить. Всякий раз, когда он готовил мне питье, я внимательно за ним наблюдала, надеясь увидеть, как он будет подсыпать успокоительное, но мне никогда прежде это не удавалось, как, впрочем, и на этот раз.

Он протянул стакан, и я не смогла заставить себя отказаться. Мозг не желал слушать. Меня мучили голод и жажда, и я с лихорадочной поспешностью схватила выпивку, сделала несколько маленьких глоточков, решила, что на вкус это как обычный чистый бренди, и выпила остаток залпом. Он налил еще. Я выпила.

Он зашел сзади и снял с меня плащ, в то время как Эдриан прильнул ко мне спереди. Я оказалась зажата между ними, как в ловушке. Они переглянулись через мое плечо, и когда Эдриан увидел откровенное белье, черные в сеточку чулки, то довольно заулыбался и одобрительно причмокнул.

Он обхватил мое лицо руками, затем провел пальцами по шее, плечам, спустился к груди и принялся ее мять, играя с сосками. Затем он схватил меня за тоненькую талию, провел рукой по узким бедрам. Ладонями он сжал мои ягодицы и привлек к себе, прижимая к паху.

— Теперь ты поняла, что мы собираемся делать? — спросил он.

— Нет, — солгала я. Даже в состоянии транса это сложно было не понять.

— Мы будем заниматься сексом, а Джордан будет за нами наблюдать. Он любит подглядывать, ты ведь знаешь?

— Да.

— Это делает его очень счастливым.

— Хорошо, — пролепетала я, хотя и понимала, что в словах Эдриана нет правды. Невозможно было сделать Джордана счастливым.

Я обернулась и глянула на Джордана.

— Ты уверен, что хочешь этого?

— Да, более чем уверен.

— Но я не хочу.

— Ты должна, Мэг. У тебя просто нет другого выбора.

— Ты будешь снимать это на видео?

— Да, но начну с обычных снимков, которые смогу посмотреть позже, когда мы будем дома.

Эдриан начал опускаться на кровать, удерживая меня за талию и увлекая за собой. После недолгого сопротивления я присоединилась к нему. Джордан придвинул стул к кровати и уселся поудобнее, собираясь сначала немного понаблюдать за нами, а уж потом идти за камерой.

В конце концов, это оказалось гораздо легче, чем я думала, а по сравнению с тем, что заставлял меня проделывать Джордан, не так уж и неприятно. Эдриан был смазливый пареньком, при других обстоятельствах я бы обязательно на него запала, пускала бы слюни, мечтала бы с ним встречаться.

Он был очень умелым любовником — немного жестким, немного требовательным, но, бесспорно, опытным и искушенным. А поскольку я уже привыкла к грубому обращению, то, что он проделывал со мной, казалось детской забавой.

Эдриан вел себя так, словно искушал девушку, пришедшую к нему на свидание, словно подцепил меня в баре. Наконец он раздел меня полностью. Он покусывал и ласкал, щипал и гладил. Потом он опустил ниже и очень долго лизал и засовывал пальцы мне во влагалище и в анус.

И хотя я была слишком заторможена, чтобы возбудиться, все же я по достоинству оценила его усилия — это на самом деле было весьма эротично. Не будь я в таком оцепенении, непременно испытала бы несколько оргазмов. Но сейчас все мои чувства слишком притупились.

Неожиданно он оказался сверху и стал ритмично двигаться, хотя я даже не заметила, когда он изменил положение и вошел в меня. Его восхитительные голубые глаза были сосредоточены на мне. Казалось, это продолжалось целую вечность: все его тело было напряжено и натянуто в преддверии долгожданной разрядки.

Тут включилось мое подсознание и послало кое-какие воспоминания. Я увидела, как в прошлый раз мы делали то же самое.

— А нам прежде не приходилось заниматься сексом? — поинтересовалась я.

— А ты разве не помнишь?

— Нет.

— Так ты полностью вычеркнула это из памяти? — Он засмеялся. — Это сокрушительный удар по моему самолюбию. Но я постараюсь утешиться тем, что ты все равно тогда была немного не в себе.

— Мне понравилось?

Он задумался, затем пожал плечами.

— Не знаю.

— А что мы делали?

— В основном то же, что и сейчас. Разве Джордан не показывал тебе кассету?

— Нет.

Он улыбнулся Джордану многозначительной улыбкой любовника.

— Джордан, как тебе не стыдно! Надо было дать ей посмотреть.

— А я и давал, — ответил Джордан. — Просто она забыла. Иногда у нее в голове все путается.

Эдриан перевернул меня, чтобы можно было иметь сзади, а Джордан наконец вытащил из чехла камеру и начал нас снимать. Затем все превратилось в фотосессию. Эдриан делал что-то такое, что нравилось Джордану, а Джордан говорил: «Вот так и замри, не двигайся».

Он делал пару снимков, после чего Эдриан продолжал ровно до тех пор, пока Джордан снова не ловил какой-то интересный ракурс. Мы перепробовали множество различных вариантов, в том числе и оральный секс, который мне не пришлось доводить до конца (за что я была очень признательна), и все же я достаточно простояла на коленях с широко раскрытым ртом. Когда Джордан объявил, что можно заканчивать, я чувствовала себя

отвратительно.

Эдриан проводил меня в ванную. Он покрутил краны, регулируя температуру воды, и помог забраться под душ. Я думала, что мне удастся наконец побыть одной, но он тоже полез туда. Не успела я понять, что он задумал, не успела опомниться, как моя спина уже была прижата к стене, ноги оказались на его талии и мы снова занялись сексом.

Теперь он вел себя гораздо естественнее, чем в спальне, когда с нами был Джордан. Он вонзился в меня и с хриплым стоном кончил. Я висела у него на бедрах, его член бился глубоко внутри меня, он кусал меня, да так сильно, что едва не прокусил кожу.

Наконец он вышел из меня и поддерживал до тех пор, пока мои ноги не коснулись ванной и я смогла стоять самостоятельно.

— У тебя фантастический рот, — сказал он. — Господи, как было мучительно сдерживаться, пока Джордан делал все эти снимки.

— Ты часто этим занимаешься? Когда ты трахаешься, а он снимает?

— Не часто. Только когда он натывается на женщин, которых это может заинтересовать. А иногда он занимается сексом, а я снимаю.

— А что тебе больше нравится?

— Зависит от женщины. Иногда мне хочется трахнуть ее, иногда нет.

— А разве Джордан оставляет за тобой право выбора?

— Не всегда.

Получив такой загадочный ответ, я попробовала оценить с этой точки зрения ситуацию со мной. Была ли это инициатива Эдриана? Или Джордана? Я была слишком измотана, чтобы спрашивать, к тому же меня не волновали подробности их специфического сотрудничества.

Открылась дверь душа, и к нам присоединился Джордан, чем немало меня удивил. Мужчины вдруг стали нежными и заботливыми, мыли меня так бережно, как принцессу. Они снова и снова намыливали и терли меня, целовали и облизывали интимные части тела, затем подняли и поставили на коврик в ванной.

Эдриан ушел, а Джордан вытер меня и надел белье и плащ. Затем проводил в гостиную и усадил на диван.

— Ты вела себя очень хорошо, Мэг. Я тобой горжусь.

— Я рада.

— Побудь здесь. Я буду через несколько минут.

Он прошел по коридору и закрылся в спальне.

Они с Эдрианом уединились — мне показалось, что они там занимаются сексом, хотя, учитывая их странные отношения, я уже ни в чем не была уверена. Возможно, Джордан в этот момент с ним расплачивался, а может, они сверяли расписание, договариваясь о следующей встрече.

Это была моя первая возможность побыть одной после того глупого визита в адвокатскую контору. Надо непременно воспользоваться шансом и попытаться сбежать, но вместо этого я отключилась, не в силах бороться со сном. Я закрыла глаза и задремала, пока не проснулась от того, что Джордан легонько тряс меня за плечо.

Спросонья перед глазами все плыло и я туго соображала. Я встала и пошатываясь пошла. Эдриан проводил нас до двери. На прощание он поцеловал меня в губы.

— Спасибо, Мэг. Было здорово.

— Да, было здорово, — вежливо ответила я, словно мы всего лишь поужинали вместе, а

не провели весь вечер за порнографическими экспериментами.

— Был рад снова тебя повидать.

— А я тебя.

— Очень скоро повторим.

— Уже не могу дождаться.

Это правда я сказала?

Он усмехнулся, обращаясь к Джордану.

— Надо же, мы были так заняты, что совсем забыли про видеокамеру.

— Зато будем с нетерпением ждать следующего раза, — ответил Джордан.

— Это уж точно.

Эдриан пристально смотрел на Джордана. Казалось, что сейчас поцелует на прощание и его тоже, но воздержался. Момент был упущен. Может, я все выдумала? А может, они влюблены друг в друга? Они любовники? В отношении Джордана догадаться о чем-то было нереально — все казалось возможным.

Я спустилась вслед за Джорданом и вышла на улицу. Прохлада летнего вечера окутывала все вокруг. Машина ждала нас у обочины, и мы поехали домой.

Едва зайдя в квартиру, Джордан заперся в кабинете, а я поплелась в ванную. Целую вечность я торчала перед зеркалом, изучая себя, вглядываясь в странное незнакомое отражение.

Я была такой худой, такой апатичной и вялой. Что со мной? Я не могла сосредоточиться, даже чтобы как следует испугаться. Не могла понять, в чем заключается моя проблема. Мир стал таким размытым, я смотрела на него в узкую щелку.

Я не верила, что после всего того, что произошло в квартире у Эдриана, смогу остаться прежней. Но я ничуть не изменилась. Все осталось так, как было. И это было невероятно!

Не считая синяка на шее (Эдриан кусал меня в душе), больше ничего не напоминало о происшедшем грязном инциденте. Меня не избили и не порезали, не изуродовали и не покалечили.

Мне совершенно не было стыдно, я не испытывала отвращение или шок. Даже ничуть на них не сердилась, хотя что-то внутри подсказывало, что стоило бы. Чувства сильно притупились, я просто не в состоянии была испытывать гнев или возмущение.

Я медленно разделась и потащила к кровати. Вошел Джордан и уставился на меня без всякого намека на восхищение.

— Ты была сегодня умницей, — похвалил он меня.

— Я старалась.

— Я доволен тобой.

Он протянул мне стакан со спиртным, в другой руке лежала большая белая таблетка.

— Что это? — спросила я.

— Это твое лекарство — разве ты забыла? Оно успокаивает нервы и помогает отдохнуть.

— Я и так сильно устала. Не думаю, что оно мне понадобится.

— Понадобится.

— Я уверена, что без труда смогу уснуть.

— Все равно прими, — настаивал он. — Ты же знаешь, доктор велел.

Разве я была у врача? Я что-то такого не припоминаю, но он говорил так уверенно. Я недоуменно пожала плечами, взяла стакан с выпивкой и таблетку и проглотила и то и

другое.

— Вам нравится? — спросила у меня косметолог.

— Вроде ничего, — солгала я, хотя на самом деле чувствовала себя ужасно.

Она улыбнулась Джордану.

— А вам?

— Замечательно, — сказал он. — Именно то, что я хотел.

— Очень хорошо.

Она принялась собирать инструменты.

— Когда нам нужно будет снова к вам обратиться? — спросил он.

Она запустила пальцы мне в волосы.

— Где-то через месяц. Посмотрим. Ее натуральный цвет слишком темный, поэтому, едва только волосы отрастут, это сразу станет заметно.

— Мы вам сразу же позвоним.

— Я люблю частные заказы. — Она еще раз окинула взглядом роскошный интерьер с такой явной и постыдной завистью. — У вас есть моя визитка?

— Да, спасибо.

Джордан проводил ее до лифта и попрощался.

Я осталась в ванной. И я была блондинкой. Этот оттенок совсем мне не подходил: кожа теперь выглядела мертвенно-бледной и какой-то пятнистой. Он только подчеркнул, насколько расстроено мое здоровье, насколько истощено тело.

Джордан не потрудился предупредить меня о том, что должен прийти косметолог, поэтому я была крайне удивлена, когда он привел ее к нам в спальню.

Онемев от неожиданности, я так и просидела все время, пока она мной занималась, не сопротивляясь, не ноя, — а впрочем, что я вообще могла сказать? Если бы я заявила, что окрашивание означает, будто Джордан собирается меня убить, то это прозвучало бы как бред сумасшедшего. Но все равно, с каждым мазком кисточки у меня было такое чувство, что она подписывает мне смертный приговор.

Я слышала, как он возвращается. Он возник на пороге — я застыла, боясь, что он подойдет. Джордан взглянул через мое плечо в зеркало.

Он нежно тронул слабые пряди, морщась от резкого запаха краски.

— Я так давно хотел сделать из тебя блондинку.

— Я ненавижу этот цвет, — отважилась ответить я.

— А я люблю.

— А я нет.

— Ну и что? Он нравится мне, и это главное. Твое мнение ничего не значит.

— Теперь ты меня убьешь?

— Что?

— Теперь, когда у меня светлые волосы, ты убьешь меня?

Он нахмурился и покачал головой.

— Мэг, ты говоришь очень странные вещи. Я переживаю. Все больше начинаю верить в то, что ты утратила остатки здравого смысла.

— Ничего подобного.

— Ты совсем умом тронулась. Я уже давно стал это замечать.

— Неправда!

— Нужно позвонить тому психиатру, о котором мы говорили, договориться насчет госпитализации. Небольшой курс лечения может принести огромную пользу.

— Но я не сумасшедшая!

— Разве?

Он опустил руку в карман и извлек оттуда таблетку.

— Вот, возьми. Ты должна принимать то, что прописал врач.

— Мне никто ничего не прописывал.

— Прописывал, просто ты все время об этом забываешь.

А может, и правда? У меня в голове настолько все перепуталось! Могли ли мне назначить медикаментозное лечение, о котором я совершенно забыла?

Он водил этой таблеткой у меня под носом. Она словно гипнотизировала меня, требовала, чтобы я ее проглотила. Я посмотрела на таблетку, потом на Джордана, затем взяла ее и проглотила, даже не запив водой.

— Вот, — насмешливо сказала я. — Теперь ты счастлив?

— Да, Мэг. Я очень, очень счастлив. Почему бы тебе не прилечь и не отдохнуть?

— Я не устала. Я не хочу ложиться.

— Что ж, тебе придется. Эдриан пригласил нас к себе. Он горит желанием снова тебя трахнуть. Особенно теперь, когда у тебя новый цвет волос.

— Я не хочу идти к Эдриану.

— Не ты это решаешь. И никогда не станешь решать. Поэтому поспи немного, сегодня мы вернемся очень поздно.

— Я не устала! — снова возразила я, скрежеща зубами от бессилия.

— Скоро устанешь. Таблетки, что тебе прописали, помогают расслабиться.

Легонько подталкивая, он повел меня в спальню, как маленького ребенка, и я пошла, прекратив возражения. Плюхнулась на кровать, и он укутал меня теплым шерстяным пледом.

— Вот видишь, — сказал он. — Гораздо легче просто делать то, что тебе говорят.

— Ты не всегда бываешь прав.

— Вот насчет этого ты заблуждаешься. Я знаю, что для тебя хорошо. И знаю это лучше, чем ты сама.

Таблетка оказала сильное и незамедлительное действие, я чувствовала, как меня уносит куда-то далеко. Глаза закрывались сами собой, но даже с закрытыми глазами я чувствовала, как он на меня смотрит.

— Пообещай, что не убьешь меня, пока я буду спать. — Речь стала невнятной и тягучей. — Я хотела бы находиться в сознании, когда ты будешь это делать.

— О господи! — проворчал он. — Нужно записать некоторые твои высказывания, чтобы иметь доказательства того, что ты лишилась разума.

— Если ты попытаешься убедить людей в том, что я сошла с ума, тебе никто не поверит.

— Да неужели? Ты же сексуально озабоченная наркоманка, да к тому же еще и алкоголичка. Когда я женился на тебе, ты производила впечатление вполне нормальной девушки. Как я мог совершить такую ужасную ошибку?

Я была уверена, что он смеется надо мной, но была слишком заторможена, чтобы повернуть голову и посмотреть, так ли это. Он ушел, и я погрузилась в глубокий спокойный сон. Прошло довольно много времени, прежде чем я вздрогнула и проснулась. На улице

смеркалось, а значит, я проспала весь день.

Сердце тревожно стучало, я лежала не двигаясь, пытаюсь понять, что же меня напутало. С трудом собралась с мыслями и поняла, что звонит телефон. Звук был очень далеким и приглушенным, но в моем замкнутом уединенном мирке он прозвучал как гром среди ясного неба. Я обрадовалась, что нашелся человек, который захотел с нами связаться, и меня захлестнула волна ностальгии по этому звуку и всему, с чем он был связан: друзьями, работой, общением.

Заинтригованная, желая узнать, кто звонит, я тихонько поднялась с кровати и шмыгнула к двери. Я приоткрыла совсем тонкую щелочку и увидела, как Джордан берет трубку.

Он внимательно выслушал того, кто был на проводе, после чего спросил:

— Откуда у вас этот номер?

Он снова замолчал, слушая, что говорят, затем резко ответил:

— На моем автоответчике фиксировались все ваши звонки, но я не видел смысла перезванивать. — Секундная тишина. — Нет, ее нет. Она уехала на лето в наш дом в Колорадо.

Наступила новая пауза, на этот раз более продолжительная, после чего он произнес с издевкой:

— Нет, не передам. Я показывал ей ваше последнее сообщение, и она сказала, что у нее теперь новая жизнь, и попросила, чтобы вы в нее не лезли. Вам бы действительно не мешало выкинуть это из головы. Нечего вам с ней разговаривать. Если вы и дальше будете нас беспокоить, я обращусь к своим адвокатам и найду способ вас остановить. Прощайте.

Он очень тихо положил трубку, а я сползла по стене.

Кто-то мне звонил! Кто-то хотел узнать, как я! И кто бы это ни был, он пытался сделать это неоднократно! Кто бы это мог быть?

Было только три возможных варианта: Стив, Джеффри или Мэри, хотя недавно у меня была возможность убедиться, что она до сих пор на меня сердится, и как-то не верилось, что она могла вот так резко сменить гнев на милость. То же самое и с Джеффри. Мог ли кто-то из них резко проникнуться ко мне симпатией?

Джордан поднялся и на цыпочках вышел в коридор. Я помчалась в постель, легла лицом к стене и зажмурилась, пытаюсь успокоить дыхание, стараясь сделать вид, будто сплю. Он вошел проверить, но, должно быть, мне все-таки удалось его обмануть. Постояв немного, он развернулся и вышел.

Как только шаги затихли, я заплакала от облегчения. Я так долго чувствовала себя невидимой, будучи уверена, что никто по мне не тоскует и всем наплевать... И вдруг я родилась заново, воскресла из мертвых.

Я отчаянно хотела выяснить, кто мой тайный сторонник. В сущности, от этого могла зависеть моя жизнь. Несмотря на все попытки Джордана убедить меня в том, что я сумасшедшая, я пока еще не рехнулась. Меня запугали, затравили, постоянно пичкали таблетками, вгоняя в ступор. В моменты просветления я даже подозревала Джордана в том, что он намеренно меня травит. Я отчаянно нуждалась в помощи.

Нужно было придумать, как разорвать этот замкнутый круг. Когда Джордан скармливал мне все эти таблетки, которые я глотала без малейшего возражения, вокруг меня будто бы сгустился туман, барахтаясь в котором я переставала беспокоиться за свою участь.

Необходимо узнать, кто меня разыскивал, затем найти способ связаться с ним или с ней. Почти все время я находилась в состоянии, близком к коматозному, либо терпела

издевательства, поэтому не способна была действовать трезво и четко, чтобы выпутаться самой. Кто-то должен был вывести меня из этого болота. А еще больше я нуждалась в человеке, который знал бы, где я нахожусь и что я еще жива. Это наполнило бы мое жалкое существование смыслом.

Наверное, тот сильнодействующий препарат, который я приняла, прекратил действие. Я глядела в окно на город, на вечернее небо цвета индиго, впервые за последние месяцы мое сознание прояснилось и я наконец ощутила тревогу. Мысленно потянулась к близким мне людям, пытаясь нарисовать в памяти образ Стива, вспоминая, как выглядит Джеффри или Мэри, надеясь, что кто-нибудь из них почувствует мою попытку и поймет, что мне жизненно необходимо поговорить с кем-то из них.

Я отправилась в ванную, неторопливо приняла душ. Когда закончила мыться, Джордан уже ждал меня.

— Уже перестал надеяться, что ты когда-нибудь проснешься, — сказал он.

— Наверное, я и не подозревала, как сильно устала.

— Вот видишь, я же говорил. Ты никогда меня не слушаешь.

— Слушаю.

— Пойдем тебя одевать.

Он повел меня в спальню. На кровати уже лежало черное белье и чулки. При виде их я нахмурилась.

— Мы встречаемся с Эдрианом, — напомнил он мне. — Разве ты забыла?

— Да, забыла.

— Поторопись, мы опаздываем.

— Я не хочу туда идти.

— Вообще-то это он к нам приходит. Должен быть с минуты на минуту.

— Я не хочу видеть его в нашем доме.

— Это не наш дом, Мэг, это мой дом. И Эдриан часто здесь бывает, просто ты не всегда его видишь.

Джордан толкнул меня на кровать и опустился на колени, натягивая на меня пояс с подвязками и чулки. Закрепив их, он развел мои бедра, так что гениталии оказались на виду, и стал их рассматривать, потом засунул в меня палец и что-то там щупал. Я безучастно изучала потолок, чувствуя себя пациенткой в кресле гинеколога.

Я попыталась вспомнить тот сексуальный азарт, который этот мужчина вызывал у меня в самом начале, пыталась снова высечь ту искру, которая заставляла меня исполнять все его желания, но как ни старалась, не смогла воскресить в себе горячую слепую страсть. Когда-то он сводил меня с ума, я охотно делала все, о чем бы он меня ни просил. Сейчас единственное, чего я хотела, — это побыть одной. Как могли те обжигающие угли желания перегореть так быстро и безвозвратно, превратиться в холодную золу?

Он мнял мои груди, лаская и сжимая их, затем сообщил:

— Эдриан согласен со мной по поводу твоей груди, — заявил он. — Она должна быть больше.

— Уверена, он отлично разбирается в подобных вопросах.

— Я записал тебя на прием к пластическому хирургу.

Я равнодушно пожала плечами, не став вытягивать из него подробности и понимая, что сопротивляться бессмысленно. Если Джордан решил, что нужно сделать операцию, то это неизбежно.

— Я так завожусь, — признался он, — стоит мне только представить вас с Эдрианом.

— Я рада, что мне удастся тебя развлечь.

— О, ты меня определенно забавляешь. В противном случае тебя бы здесь не было.

Другая нормальная женщина, живущая с обычным мужем в обычном браке, могла бы подумать, что он говорит о разводе. Я же, напротив, была уверена, что он имел в виду. Он убьет меня, как только ему наскучит надо мной издеваться. В его мире нежеланные жены уничтожались.

— Тогда я как следует постараюсь сегодня с Эдрианом.

— Он планирует заняться с тобой анальным сексом.

— Конечно, — легко согласилась я. — Что бы вы двое от меня ни захотели, я на все согласна. Я с радостью исполню все ваши желания.

Я не верила, что Эдриану может захотеться чего-то подобного. Скорее всего, Джордан высказал это предположение, просто чтобы меня напугать. Я изобразила полное безразличие и не придавала угрозе никакого значения.

Он взял в руку свой член и ткнул мне в губы, требуя, чтобы я взяла его в рот. У меня совсем не было настроения сносить побои, которые были бы неизбежны, если бы я отказалась. Он имел меня в рот до тех пор, пока у меня не свело шею и челюсти, но так и не кончил. Он просто в какой-то момент остановился, и впервые за все время я заподозрила в нем непредрасположенность к оргазму.

Поначалу я поражалась его выдержке и думала, что это из-за того, что я так сильно его возбуждаю. Но теперь я была уверена, что за этим крылись проблемы. До меня только сейчас дошло, что это было предупреждением, на которое я должна была обратить внимание в самом начале наших отношений, хотя мне до сих пор неясно, с чем это связано. Не знаю, может, дело в том, что он не может достаточно сильно возбудиться, или он так себя контролирует, что просто гасит в себе этот порыв, или виной тому какая-то сильная психологическая травма.

Думаю, причина все-таки в последнем.

Джордан провел пальцем по моим губам, потрескавшимся и растянутым свыше всякой меры.

— Мне нравится давать тебе в рот, — сказал он. — Я люблю заставлять тебя брать меня таким вот способом.

— Я знаю.

Он на минуту ушел в другую комнату и вернулся оттуда с бокалом вина, который ткнул мне прямо в лицо. Я нахмурилась, понимая, что пить это нельзя, но не знала, как отказаться. Если он приказывал, то я обязана была исполнять, иначе он силой влил бы мне это в глотку.

Я достаточно трезво мыслила, чтобы понимать, что он наверняка подсыпал туда наркотик. Если это был какой-то сильнодействующий препарат, то я никогда не вспомню, что кто-то меня разыскивал и что я должна узнать, кто это был. Я снова погружусь в то блаженное состояние, в котором в последнее время так часто и подолгу пребывала, и наступит беспамятство.

Не зная, как поступить, и не желая его провоцировать, я сделала маленький плоточек, но у него был вкус обычного вина. Может, это был наркотик без вкуса? Или обязательно должен быть горьковатый привкус, а на дне появляться осадок? Я не знала.

Он протянул большую белую таблетку. В отличие от вина, в ее свойствах я не сомневалась. Стоит мне ее принять, как я тут же надолго провалюсь в пустоту.

— Я не хочу, — заныла я. — Мне это не нужно.

— Конечно, тебе это нужно, Мэг. У тебя же нервы ни к черту.

Я держала ее на ладони, казалось, будто она весит тысячу фунтов. У меня не хватало сил положить ее себе на язык.

— Глотай! — приказал Джордан, начиная раздражаться. — Эдриан вот-вот появится. Я не хочу заставлять его ждать.

— Я снова забыла об Эдриане.

Учитывая то, что ждет меня в ближайшие несколько часов, будет ли разумно оставаться в сознании? Разве мне хотелось отдавать себе отчет в том, что со мной будет происходить? Не лучше ли оставаться бесчувственной и безучастной?

И все равно я не могла заставить себя это сделать. Я упрямо трясла головой, что еще больше его раздражало. В конце концов он схватил меня за шею и затолкал таблетку мне в глотку, вливая туда же вино, пока я не стала захлебываться. Ничего не оставалось, как проглотить, и как только она проскользнула, Джордан кивнул с мрачным удовлетворением.

— Оставайся здесь, — велел он мне. — Я сообщу, когда мы будем готовы начать.

— Хорошо.

Я кашляла и отплевывалась.

— И поправь макияж. А то все потекло и размазалось.

Он вышел вон, а я рухнула на постель, тихая как мышка. Я услышала, как он вошел в гостиную и включил музыку.

Лекарство подействует очень быстро, и я не могла допустить, чтобы оно затуманило или стерло память. Я выдвинула ящик комода и, к своей радости, обнаружила блокнот. Я вырвала из него листок, затем взяла ручку, пошла в ванную и заперла дверь.

Сверху посередине я написала сегодняшнюю дату и время, когда раздался телефонный звонок. Затем я написала: «Кто-то мне звонил. Они волновались и пытались узнать, как я, но Джордан солгал, сказал, что я в Колорадо и что я не хочу с ними разговаривать. Они и до этого звонили много раз, но Джордан все время вешал трубку. Если позже я начну сомневаться, а был ли звонок, так вот: я действительно его слышала. Это на самом деле случилось. Это не плод моего воображения и не сон. Я должна узнать, кто это был, и сказать, что я в беде».

Учитывая страх и растерянность, это, наверное, был самый смелый поступок, на который я когда-либо отваживалась. Эмоции зашкаливали: я испытывала то страх, то возбуждение. Я свернула записку вчетверо и засунула ее на дно своей косметички. Затем как ни в чем не бывало стала подкрашивать губы и наносить румяна, словно это был обычный вечер.

Наркотик начал действовать, вокруг сгушался туман. Я положила руку на крышку ящичка с косметикой, радуясь, что записка внутри. Теперь я была спокойна, потому что знала, что она напомнит мне о главном — о том, что на кону моя жизнь.

— У тебя не очень хорошо получилось, Мэг. Надо было лучше постараться.

— Знаю, Джордан. Извини.

— Слишком медленно и скучно. Тебе нужно быть более непосредственной и непредсказуемой.

Он как раз просматривал нашу новую с Эдрианом запись. Он сделал ее несколько дней назад и теперь увлеченно разбирал со мной каждую деталь. Юмор заключался в том, что практически в каждом кадре я была в абсолютной отключке. Он проводил со мной работу над ошибками: заставлял внимательно смотреть запись, а сам тем временем отмечал то, что ему не нравилось, и говорил, что именно в следующий раз нужно сделать иначе.

Блин, да он просто чокнутый!

Было пару моментов, когда мне изрядно досталось, но в остальном все не так уж плохо. Эдриан был хорошим любовником, делал все досконально и четко, а главное — не было в нем той жестокости и садизма, характерных для Джордана. Он тоже был очень привлекательным: ослепительная улыбка, фантастическое тело. То, как он изображает африканскую страсть, несет даже определенное эстетическое удовольствие.

В лучших традициях порножанра мое лицо видно не было: просто безликое обнаженное тело, которое трахал Эдриан. Порой даже казалось, что это вовсе не я. Находясь в состоянии прострации, я начинала сомневаться, что это проходит со мной, — так было легче это смотреть. Равнодушно наблюдая за этим со стороны, я не паниковала и не краснела.

Кассета закончилась, Джордан встал, вышел в прихожую и надел пиджак. Признаться, я была удивлена. Был конец дня, а он уже много недель не оставлял меня дома одну. Он брал работу на дом, часами просиживал у себя в кабинете, проводя телефонные конференции, отвечая на электронные сообщения и корреспонденцию.

Время от времени заглядывал Эдриан, еду и спиртное нам доставляли на дом, причем, когда приходил разносчик, меня запирали в шкафу в спальне. Джордан не давал мне ни с кем разговаривать, боялся, что я тайно суну кому-то записку или начну молить о помощи незнакомых людей. Да я и не собиралась. Я выглядела такой изможденной и неряшливой, словно недавно сбежала из психушки. Это было пугающее зрелище, к тому же я была морально раздавлена, чтобы предпринять попытку, которая, я знала, будет пресечена на корню. Новое наказание и унижение я не переживу.

— Куда ты? — спросила я.

— На улице отличная погода. Мне нужно проветриться.

— Можно я пойду с тобой?

Умоляющие нотки в моем голосе звучали жалко.

— Ты не сможешь.

— Смогу! — возразила я, но как-то слабо.

— Ты ужасно больна. Мне стыдно появляться с тобой на людях.

Я не была больна. По крайней мере, мне так не казалось. Просто хреново выглядела, после того как меня долгие месяцы травили и пичкали наркотиками.

— Я надену шарф. И солнцезащитные очки. Никто ничего не заметит.

— А что, если ты поднимешь шумиху? Сорвешься или заставишь истерику?

— Я не стану этого делать. Обещаю.

Он вздохнул, но кивнул.

— Хорошо, но если ты будешь дурно себя вести, я никуда тебя больше не выпущу. Ты меня хорошо поняла?

— Да.

— Я серьезно, Мэг. Я никак не могу понять, что с тобой творится. Я дал тебе все, в чем ты могла нуждаться, а ты так себя запустила. Ты производишь отталкивающее впечатление.

— Прости, я тоже не знаю, что это со мной.

— Я кормлю тебя, — продолжал он ворчать, — а ты становишься все более тощей. Я покупаю тебе лекарства, чтобы успокоить нервы, но ты превратилась в настоящую развалину. Что мне еще нужно для тебя сделать? Хотя бы намекнула уже, что ли.

— Я не могу этого объяснить.

— Я решил, что пора заводить любовниц, сексуальных и достаточно привлекательных, чтобы меня завести. Я не могу больше с тобой спать. Ты вызываешь отвращение.

— Я знаю.

Нелепо, но я опустилась до самого нижнего предела. Я чувствовала себя несостоявшейся как женщина и как жена. Он растоптал мое чувство собственного достоинства, смешал меня с грязью. Я превратилась в пустую раковину, но была настолько сбита с толку, что не замечала, как он мной манипулирует.

— Скоро я буду приводить сюда других женщин.

— Пожалуйста, не надо.

— Я понимаю, что для тебя это будет сложно, но боюсь оставлять тебя дома одну, чтобы заниматься сексом где-то на стороне. Не могу даже представить, что с тобой может приключиться, в какую беду ты можешь встрять, если меня долго не будет рядом.

— Ты можешь меня оставить. Я не причиню тебе хлопот. Клянусь.

— Нет, я буду приглашать их сюда, чтобы ты могла их видеть. Тебе нужно постоянно напоминать, как должна выглядеть ухоженная женщина. Ты должна все время помнить о том, как я люблю трахаться с партнерами, у которых хватает на это выносливости.

— Не мог бы ты... встречаться с ними где-нибудь в другом месте?

— Нет, все должно происходить именно здесь. Я уже давно собирался позвонить Кимберли. Я договорюсь, чтобы она сюда пришла. Может, глядя на нее, ты вспомнишь, какой была прежде. У тебя сейчас такой жалкий вид — разве у тебя не осталось ни капли гордости?

— Я буду стараться, — пролепетала я.

Если бы я знала, что он переключится на других женщин и оставит меня в покое, то даже не придавала бы этому значения, но я его слишком хорошо знала. Какой бы отталкивающей и противной он меня ни считал, наши интимные отношения никогда не прекратятся. Ему слишком нравилось надо мной издеваться. Его свидания в этой квартире станут для меня новым испытанием, новым способом унижить меня и заставить деградировать.

Он снова вздохнул.

— Если ты собралась идти вместе со мной, то должна выглядеть презентабельно.

— Хорошо.

— Иди переоденься и сделай макияж. И ради бога, расчешись ты, наконец.

— Конечно, скоро буду.

Как дрессированная мышь, я побежала в спальню, где сделала все возможное, чтобы

хоть как-то привести себя в порядок. Я надела мешковатые брюки и свободный свитер, чтобы скрыть худобу. Потом пошла в ванную и слегка подрумянила щеки, с ужасом глядя на свое отражение в зеркале.

Я что, умираю? Может, тут дело не в яде? Может, он прав и я действительно больна. После гриппа мне так и не стало лучше, но это было несколько месяцев назад. Что же со мной такое? Почему я никак не могу поправиться?

Джордан нетерпеливо позвал меня, говоря, чтобы я поспешила. Я уже собралась было выходить, но в последний момент перерыла содержимое косметички и нащупала заветную записку, проверяя, что она все еще лежит там в целости и сохранности. Я перечитывала ее как минимум раз в день, иногда по два или по три раза. И всякий раз, когда мои пальцы ее касались, сердце начинало учащенно биться.

Кто-то тосковал по мне. Кто-то меня искал. Мне нужно было найти способ с ним связаться.

Я закрыла крышку и вышла в гостиную.

— Вот. — Он протянул мне таблетку.

— Не нужно. Со мной все будет хорошо.

— Я не хочу, чтобы у тебя на улице случился нервный припадок.

— Не случится. Мне не терпится выйти на свежий воздух.

— Ты должна ее принять, иначе я не позволю тебе пойти со мной.

— Хорошо.

Я взяла ее и пошла на кухню налить стакан воды. Он пошел следом и смотрел, как я кладу ее в рот, как запиваю водой. Когда он убедился в том, что она внутри, я вытащила ее из-под языка и засунула в карман.

Мы спустились и вышли. Был приятный осенний вечер, не верилось, что воздух может пахнуть так чудесно, что все вокруг может так быстро двигаться.

Меня держали взаперти целую вечность, я вела себя как пугливая лань. Я подскакивала от громких звуков, шарахалась от людей. У меня было такое чувство, что я вышла без разрешения, что сделала что-то предосудительное. Я боялась, что в любой момент меня могут найти, силой отволочь в пентхаус и запереть.

Я еле поспевала за Джорданом, быстро начала задыхаться. Я оставалась на заднем плане всякий раз, когда он заходил в винный или цветочный магазин. Он покупал вещи, оставлял заказы, демонстрируя то, как протекает его повседневная жизнь без меня. Я так долго была его пленницей, что и забыла, что у него тоже есть свой круг общения, в который я не вхожу.

Мы зашли в бар. Я долго моргала, пока глаза привыкли к темноте. Он подвел меня к высокому стулу у барной стойки и помог на него забраться. Я была настолько слаба, что не могла сделать это самостоятельно.

Бармен спросил, чего мы желаем, и Джордан попросил пиво для себя и вино для меня. Тихо и угрожающе предупредил, чтобы я не двигалась, и куда-то отошел. У меня и в мыслях не было нарушить приказ. Куда идти? В кармане ни гроша, я была настолько измотана, что с трудом ходила. Если бы даже я попыталась сбежать, то не успела бы преодолеть и квартала, прежде чем он бы меня догнал. Если бы попросила помощи у окружающих, он бы легко всем внушил, что я больна и не в себе.

Я с удовольствием прислушивалась к запахам, звукам, обрывкам разговоров. После сидения в четырех стенах шум цивилизации вызывал радость.

За стойкой висело зеркало, и я могла видеть все, что происходило в смежном помещении, где стоял бильярдный стол и игровые автоматы. Джордан стоял у кабинки в самом углу и разговаривал с симпатичной девушкой, которая чем-то напоминала прежнюю Мэг Уайт.

Она была моложе меня, с короткими каштановыми волосами с торчащими прядями, одета в черное, в ушах массивные серьги. Джордан неотрывно смотрел на нее тем же гипнотизирующим взглядом, который когда-то привел в трепет и меня, а она впитывала его внимание как губка. Я решила, что они любовники либо скоро ими станут. Наверное, я должна была прийти в ярость, но не была способна на такое мощное проявление чувств.

Будь я сильнее, то могла бы вмешаться в их беседу и предупредить ее об опасности.

«Не ведись на его уговоры. — Я представила, как небрежно ей это бросаю. — Он псих и лжец. На самом деле у него совсем другое на уме».

Я проигнорировала его выходку, не придавала значения, не стала размышлять, почему он решил кого-то подцепить, да еще и у меня на глазах. Он что, рассчитывал этим меня раздосадовать? Думал, что я устрою ему сцену ревности?

Я потеряла орган, отвечавший за ревность, а может, это он сам во мне его уничтожил наркотиками. Теперь он мог делать все что угодно, и меня это ничуть не трогало.

Я принялась разглядывать посетителей, музыкальный автомат...

За столиком возле двери курила женщина. Ее сумочка и сотовый телефон лежали рядом. Я не могла отвести глаз от этого телефона, не могла избавиться от мысли, что можно было бы пройти мимо и незаметно его стащить.

Хватило бы у меня безрассудства на такой поступок? Была ли я такой идиоткой? Или такой отчаянной?

Что, если меня поймают? Что произойдет? С одной стороны, мне следовало опасаться полиции, которой обязательно сообщат, а с другой — Джордана, который поймет, зачем я его взяла, и очень разозлится.

Я никогда не была особо верующим человеком, но неожиданно взмолилась неистовее, чем любой религиозный фанатик за всю историю человечества. Я хотела этот телефон. Я хотела его! Я слишком туго соображала, чтобы придумать другой способ позвонить и попросить о помощи. Дома тоже стояли телефоны, но они молчали.

Джордан никогда не выпускал меня из дома одну, но даже если бы чудо свершилось и я вышла сама, у меня не было мелочи, чтобы бросить в таксофон.

Я смотрела и молила, смотрела и молила.

Джордан закончил флиртовать и вернулся ко мне. Он залпом выпил свое пиво.

— Пойдем.

— Можно я допью вино?

— Нельзя.

— Ты можешь еще немного пообщаться со своей подругой, — предложила я. — А я тем временем допью. Я ничуть не возражаю.

— Мы сказали друг другу все, что было нужно.

Я не стала тратить силы, пытаюсь понять, что он имел в виду. Я видела восхищенный блеск в ее глазах. Если он предложил ей романтическую встречу, уверена, она согласилась. Она смотрела на меня. Интересно, что он ей про меня наплел? Что я его умирающая сестра?

Он помог мне слезть со стула, поставил на ноги и направился к выходу. Я шла позади, отставая на несколько шагов. Приблизившись к двери, я решила, что Господь наверняка надо

мной сжалился. Хозяйка телефона встала и пошла в туалет, взяв с собой сумочку, но опрометчиво оставив телефон без присмотра на самом видном месте.

Поравнявшись со столом, я провела рукой по его поверхности. Ловким незаметным движением схватила телефон и опустила в карман, после чего вышла вслед за Джорданом.

От страха я почувствовала прилив слабости. Я напряглась, ожидая, что вот-вот поднимется шумиха, мне вслед полетят обвинения, в меня начнут тыкать пальцами, но никто так и не заметил, что я совершила.

Я шла дальше, ощущая вес прижатого к бедру телефона.

Как только мы вернулись, я поспешила в ванную, чтобы спрятать телефон в косметичку рядом с запиской-допингом, которая подтверждала мою вменяемость.

Вскоре зашел Джордан. Он надел тот прикид мачо, в котором был, когда мы с ним познакомились: обтягивающие джинсы, мокасины, кожаный пиджак.

— Ты куда-то собрался? — спросила я, обрадовавшись, что смогу наконец-то побыть одна.

— Да.

— Когда вернешься?

— Пока не знаю. Посмотрим, как сложится.

Он договорился о встрече с той девушкой из бара? Так быстро? Это вызвало у меня тревогу за нее, но и за себя тоже. Неужели он нашел мне замену? Если так, опасность значительно серьезнее, чем я себе представляла.

Он вышел на кухню и вернулся с таблеткой и стаканом воды.

— Я же совсем недавно одну уже приняла, — заныла я.

— А теперь должна принять еще одну.

Я что, вела себя слишком адекватно? Или он почувствовал подвох и что-то заподозрил? Надо было быть осторожнее.

— Но я совсем не волнуюсь.

— Я не могу допустить, чтоб у тебя произошел срыв, пока меня не будет.

— Джордан! — запротестовала я. Для человека, накачанного наркотиками, я, пожалуй, вела себя слишком эмоционально.

— Мне не нравится, как ты себя ведешь. Придется запереть тебя в спальне.

— Пожалуйста, не надо! Я не буду никуда выходить.

— Это для твоего же блага. Если ты что-то натворишь, то я очень разозлюсь и мне придется тебя наказать.

— Так ты спасаешь меня от меня же самой?

— Да.

Я знала, что его не переубедить, поэтому проворчала:

— Хорошо.

Он снова протянул мне таблетку.

— Вот, возьми.

Я взяла, но попыталась схитрить и спрятала ее под язык. Он тем временем неотрывно за мной наблюдал.

— Ты проглотила?

— Да, — солгала я.

— Покажи. Открой рот.

Я не послушалась и рта не открыла. Тогда он засунул мне палец в рот и легко нашел таблетку за щекой. У меня началась паника, я не знала, чего от него ждать, но уж точно ничего хорошего.

— Теперь понимаешь, почему я не могу тебе доверять? — воскликнул он. — За тобой нужен глаз да глаз. Ну почему с тобой все время нужно воевать?

Он схватил меня за шею и затолкал таблетку в глотку, да так глубоко, что я чуть не

подавилась. Затем стал лить воду, и у меня не осталось другого выбора, кроме как проглотить или задохнуться.

Таблетка проскользнула, я ничего не могла поделать. Он с отвращением меня оттолкнул. Я упала.

— Не пытайся со мной бороться, Мэг, — злобно прошипел он. — Меня ты не одолеешь.

Он вихрем вылетел из комнаты, я же свернулась клубочком, слушая, как он запирает на замок дверь спальни и спускается на лифте.

Как только он ушел, я пулей помчалась в туалет и попыталась вызвать рвоту, но ничего не получалось. Я никогда прежде этого не делала и не знала, что нужно предпринять. Таблетка свинцовой гирей болталась у меня в желудке: очень скоро наркотик начнет действовать и я отрублюсь.

Я порылась в косметичке и достала телефон. Не думаю, что у меня будет миллион возможностей им воспользоваться, прежде чем хозяйка поймет, что он пропал, и заблокирует его или — не дай бог! — обратится в телефонную компанию, чтобы отследить его местонахождение, и выйдет на меня.

Насколько это реально? Разве они смогут меня вычислить, если я сделаю один маленький звонок из квартиры Джордана?

Что-то я становилась чересчур набожной. Я пробубнила молитву, прося о том, чтобы удалось сделать этот единственный звонок, который мог бы спасти мне жизнь. До встречи с Джорданом я всегда была добрым и отзывчивым человеком. Разве я не заслуживала второго шанса?

Я посмотрела на часы. Был уже поздний вечер, и Стив наверняка был на работе, в разъездах. Он пользовался собственным сотовым. И все же, не знаю почему, но я набрала номер нашей старой квартиры. Мысль о том, что мое сообщение долетит хотя бы туда, действовала на меня успокаивающе. Телефон звонил и звонил, наконец включился автоответчик и голосом Мэри заговорил: «Привет, это Стив и Мэри. Оставьте свой номер, мы перезвоним».

До этого момента я до конца не осознавала, что они — пара. Возможно даже, они уже поженились. Мэри точно не захочет, чтобы я донимала Стива. Не сказав ни слова, я повесила трубку и попыталась дозвониться Стиву на мобильный.

Понятия не имела, что ему скажу и как объясню, что в беде. Чего я хотела от него, какой помощи ждала? После того, как я с ним обошлась, почему я думала, что он должен мне помочь?

Надеялась, что он будет добр ко мне, добрее, чем Мэри, но уверенности не было.

Сомнения и опасения совсем меня измучили. Руки тряслись, сердце бешено стучало. Я ждала, пока не включилась его голосовая почта. Он не ответил, и меня это окончательно сломило. Тишина была оглушающей и бесконечной. Что мне теперь делать?

Я крепко сжала телефон, словно это был спасательный трос — а по сути, так оно и было, — и уставилась на экран в отчаянной надежде, что решение придет само. Мне ужасно хотелось с ним поговорить, убедить в том, что я вышла замуж за сумасшедшего, что мой муж собирается меня убить, но я не видела Стива уже девять месяцев. Как я могла объяснить ему все в одном коротком голосовом сообщении?

Он тоже решит, что я ненормальная. Может, и так, кто его знает! Я уже перестала что-либо понимать!

Со стоном отчаяния я снова отключилась. Я бросила телефон на столик, словно он жег

мне руки.

В отчаянии я зашагала по комнате. Ужас настолько меня парализовал, что я не знала, что делать дальше. Необходимо было с кем-то посоветоваться. У меня слишком все перемешалось в голове. Сама найти выход из положения я не могла.

В глазах застыли слезы отчаяния. Я не могла ничего сделать нормально, не могла даже старому другу позвонить. Какая теперь разница, убьет меня Джордан или нет? Я была слишком бестолковой, чтобы жить.

Меня резко начало клонить в сон; наркотик станет растекаться по венам до тех пор, пока каждая клеточка моего тела не будет заражена. Я стала двигаться еще быстрее, не желая сдаваться, не желая засыпать.

Неожиданно зазвонил сотовый. В маленькой ванной, в тишине, царящей в квартире, звук показался чрезвычайно громким. Я подскочила от неожиданности и уставилась на телефон. Я перепугалась, будучи в полной уверенности, что это звонит хозяйка телефона, которая сейчас потребует вернуть ее вещь. Но стоило мне увидеть высветившийся на экране номер, я чуть не сползла на пол от внезапно обрушившегося на меня счастья.

— Стив?

— Мэг?

— Да.

Я припала к стене.

— Я так и знал, что это ты!

— Откуда?

— Просто знал. Где ты, черт побери?

— Я в пентхаусе Джордана. Это в центре.

— Я знаю, где это. Я задался целью тебя найти. Я приходил туда миллион раз, но не мог пройти через пост охраны.

Он приходил за мной... Он приходил за мной...

— Они очень ревностно выполняют свои обязанности, боятся впустить кого-то постороннего, — заметила я неизвестно зачем.

— Я слонялся поблизости, ждал, пока ты выйдешь, но ты так и не вышла.

— Джордан обычно не разрешает мне никуда выходить.

— Почему?

— Он должен за мной присматривать.

— Что?

Это был первый мой разговор за последнее время, и я чувствовала, что делаю все не так. Но как еще я могла связно описать такую абсурдную ситуацию?

— Я уже целую вечность пытаюсь с тобой связаться, — пожаловался он, — но этот козел мне не позволяет. С тобой все в порядке?

— Нет, не в порядке! Я в жуткой беде.

— То же самое сказала мне мама. Кажется, она как-то раз встретила тебя на улице, и ты выглядела ужасно. Я... я стал переживать. Я решил, что должен убедиться, что у тебя все в норме, но если я лезу не в свое дело, пошли меня куда подальше — и дело с концом.

— Ты думаешь, я сошла с ума?

— Нет, — он тихонько рассмеялся. — Немного импульсивная — это да, но никак не сумасшедшая. А что?

— Джордан утверждает, что я сошла с ума, а сама я уже перестала понимать, как оно на

самом деле.

— Боже, — пробормотал он. — Ты так невнятно говоришь. Ты что, принимаешь наркотики?

— Он сам их мне дает. Говорит, что я слишком нервная. А мне от них все время хочется спать.

— Что за черт? Уж какой-какой, а нервной тебя не назовешь.

— Правда?

— О, Мэг, — вздохнул он. — Что же с тобой такое случилось?

— Я боюсь его.

— У тебя есть на то все основания. Этот парень ненормальный. Знаешь, есть в нем что-то такое, от чего становится не по себе. Такое впечатление, что у него не все дома.

Голова стала раскалываться, мысли путались.

— Я уже вообще ничего не соображаю.

— Ты хочешь оттуда выбраться?

— Да.

— А что, если я прямо сейчас приеду и заберу тебя? Я доберусь за полчаса. Спустись вниз, в фойе.

Я ощутила мощный прилив настоящей радости, но восторг быстро померк.

— Не могу.

— Почему?

— Я не могу отсюда выйти. Он запер меня и унес ключи.

— Он там? Дай этому уроду трубку. Я хочу с ним поговорить.

— Нет, он ушел.

— А тебя запер?

— Да.

— Он не имеет права обращаться с тобой как с собакой.

— Это неправильно с его стороны, ведь правда? Ты тоже так думаешь?

— Да, это очень неправильно. Черт! — снова выругался он.

— Он заставляет меня принимать все эти наркотики, после которых я перестаю нормально соображать. И я какое-то время сильно болела и так и не поправилась. Я так устала.

— Я приду за тобой! Я найду способ пробраться, даже если мне придется избить охранника.

— Я боюсь уходить.

— Ну, милая, — принялся он меня успокаивать. — Все будет хорошо. Он просто пудрит тебе мозги. Он просто подонок. Не обращай на него внимания. Не давай ему себя запугать.

— Если я сбегу, то мне нужно будет спрятаться где-то, где он никогда меня не найдет. Если он узнает, где я, то выкрадет и упечет в психушку.

— Почему ты так думаешь?

— Он постоянно меня этим путает, я не хочу туда.

— Ты никогда туда не попадешь. Обещаю.

— Но если я сбегу, он убьет меня.

— Он тебе угрожал?

— Нет, он просто говорит, что ни за что не отпустит, пока смерть не разлучит нас, и я уверена, что он вкладывает в это буквальный смысл.

— Он тебя бьет?

— Только когда я в чем-то виновата.

Он тихо присвистнул.

— Ты крепко попала.

— Его первая жена упала за борт и утонула. Он утверждает, что это был несчастный случай, но на самом деле все не так. Он сделал из нее худую блондинку, из меня он тоже сделал худую блондинку.

— Хорошо...

Я чувствовала, что он колеблется. Он уже стал сомневаться, стоило ли мне вообще предлагать помощь.

— Это не выдумка!

— Конечно же нет, просто ты сейчас крайне измотана. Я просто не могу в это поверить.

— Спроси ее сестру, что случилось. Ее зовут Эшли. Она тебе все расскажет.

— Конечно, расскажет, — сказал он успокаивающе, словно разговаривал с ненормальной. — Послушай, мама пригласила меня на ужин, я обговорю это с ней и выслушаю ее мнение, как нам лучше поступить в этой ситуации. Моя сестра пару лет назад попала в похожую передрыгу. Не знаю, может, мне стоит нанять адвоката или что-то вроде того?

— Когда ты едешь к маме?

— Сейчас.

— Пожалуйста, не вешай трубку!

У меня вдруг появилось такое безумное предчувствие, что стоит нам разъединиться, и я действительно, на самом деле исчезну.

— Мне придется ненадолго с тобой попрощаться. Но я сразу же тебе перезвоню, как освобожусь.

— Когда?

— Через час или два. Я хотел бы связаться с полицией, но не уверен, что они смогут тебя оттуда вытащить. Мама лучше знает.

— Джордан очень хитрый. Он убедит их в том, что я захотела побыть одна или что заболела и прилегла отдохнуть. Он переманит их на свою сторону.

— Но ты не его пленница. Он не может держать тебя против воли.

— Он скажет, что я под наблюдением у врача. Он клянется, что врач прописал лечение, но я совершенно этого не помню.

— Тогда нам может понадобится что-то вроде решения суда, чтобы заставить его держаться от тебя подальше. И наверное, нам нужно будет ненадолго спрятать тебя в каком-нибудь женском приюте. Я не знаю точно, как лучше поступить, поэтому посоветуюсь с мамой. Потом позвоню и расскажу план действий. Мне звонить на этот же номер?

— Да, но я не могу оставлять телефон там, где он может его услышать. Поэтому лучше оставь сообщение.

— Дай мне максимум два часа, — торжественно пообещал он. — И если ты не будешь отвечать, то я приду сам. Я не собираюсь с ним больше церемониться.

— Буду ждать.

— А пока не паникуй. Мама точно знает, что делать. Все будет хорошо.

— Знаю, — ответила я; он говорил так убежденно, что я в самом деле ему поверила.

— Держись там.

— Хорошо. — Он уже собрался вешать трубку, и я поспешно добавила: — Я всегда чувствовала себя неловко из-за того, как ушла тогда, прошлой зимой. Я повела себя как настоящая стерва.

— Ах, Мэг, все в прошлом. Насчет этого можешь не переживать.

— Я так перед тобой и не извинилась.

— Ничего, я знаю, что ты хотела.

Разговор был окончен, я выключила телефон. Пластиковый корпус нагрелся от того, что я долго сжимала его в руке. Я подождала, пока он остынет, а потом засунула на дно косметички.

Я посмотрела в зеркало и улыбнулась, но улыбка вышла очень ненатуральной: за последнее время я совсем отвыкла улыбаться.

Он придет за мной! Он поговорит с мамой, и они вместе придут! Они не дрожат перед Джорданом так, как я, поэтому ему не удастся их запугать.

Я хотела собрать вещи, чтобы быть готовой, но не могла себя заставить. Разговор отнял у меня последние силы. А они нужны мне были, чтобы оставаться в сознании и трезво рассуждать. Я совсем забыла о таблетке, которую Джордан запихнул в меня. Начало клонить в сон, все поплыло, скоро я с трудом смогу стоять на ногах.

У меня отчаянно кружилась голова, нужно было прилечь, иначе упала бы. Я решила немного отдохнуть, а потом проверить, не пришло ли сообщение. Надеюсь, что Стив приедет еще до того, как вернется Джордан. Так будет лучше всего. Я сбегу, и Джордан зайдет в пустую квартиру. Я исчезну, и он даже не будет знать, как мне это удалось и куда я подалась. Не будет больше угроз, страха, он не сможет меня преследовать. Я словно в черную дыру проваляюсь.

Я чувствовала слабость и тошноту, кое-как добрела до кровати, легла и закрыла глаза.

«Всего на пару минут, — твердила я себе. — Вот голова перестанет кружиться, я встану, а Стив уже будет здесь».

Стив пообещал — значит, не бросит. Это был не тот человек. Он прорвется ко мне. В этом я не сомневалась.

Когда я проснулась, то чувствовала себя абсолютно больной и слабой, как будто у меня снова начинался грипп, но в таком состоянии я просыпалась теперь каждое утро. В желудке все бродило, и я думала, меня вот-вот вырвет. Я выглянула в окно, пытаюсь сосредоточиться. Была уверена, что должна что-то делать, но что?

Взглянула на часы: на циферблате светилось красным 9:15, за окном был новый день.

Я слышала, как Джордан мягко с кем-то говорит, потом раздался женский голос. Она чирикала и щебетала, но убралась.

Джордан кого-то привел? Они были в соседней комнате, пока я лежала здесь без сознания? Во всем, что было связано с сексом, я уже перестала ему удивляться. Но все же это было слишком даже для него.

Я вспомнила, как говорила Стиву, что...

И тут мне неожиданно вспомнился весь наш вчерашний разговор со Стивом. Я это не придумала, мне это не приснилось, и я была в бешенстве. Он позвонил вчера около четырех и сказал, что прямо сейчас едет к маме на ужин. Он должен был быть на месте спустя два часа.

О боже, неужели я его прозевала? Я была без сознания и не могла ответить? Он стучал в двери? Украденный телефон надрывался, но никто так и не взял трубку? Или он решил вообще не вмешиваться?

Я представила его в доме у родителей сидящим за столом на их уютной кухне. Он наверняка рассказал маме, какой безумный и отчаянный был у меня голос. Она могла убедить его мне не помогать.

«Не лезь в это, — так она, скорее всего, сказала. — Такой человек, как Джордан Блэр, тебе не по плечу».

Или же Мэри воспротивилась. Наверное, обе решили, что это безумная затея, и убедили Стива от нее отказаться. И если он решил, что не стоит ради меня ввязываться в неприятности, я не могла его в этом винить.

Кто я ему? Просто бывшая девушка, которая, к тому же, очень некрасиво себя повела. У него теперь была новая жизнь, новая невеста, и свадьба наверняка не за горами. Ему совершенно ни к чему мое появление. Я — призрачное видение. Я была в таком плачевном состоянии, что ему не только пришлось бы подвинуть Джордана, но и обеспечить мне крышу над головой, накормить и помочь снова стать на ноги.

Я была такой эгоисткой, столь многого требовала. Но мне невыносима была сама мысль, что он бросил меня на произвол судьбы. Я пыталась убедить себя, что это не так. Он бы не оставил меня одну, не оставил! Наверное, просто планы изменились.

Я представила его в этот момент в суде, то, как он просит судью предоставить ему полномочия, чтобы уберечь меня от Джордана, как только я окажусь на свободе. Или же он бежал в полицейский участок с зажатым в руке официальным документом, на основании которого полиция могла меня освободить. И теперь в любой момент могли позвонить с пункта охраны и сообщить Джордану, что к нему поднимаются копы.

Внезапно я слышала в коридоре шаги. Джордан открыл дверь и на цыпочках зашел в спальню. Я кожей чувствовала, как он стоит возле кровати и смотрит, проверяя, проснулась ли я. Я чувствовала исходящий от него запах сигарет, духов и спиртного.

Он направился в ванную и быстро принял душ. Буквально через минуту вышел. Джордан резко подошел к кровати и потряс меня, разворачивая к себе лицом. Он был обнажен.

— Вставай, — велел он.

— Хорошо, хорошо. Успокойся.

— Ты сейчас идешь со мной в душ.

— Нет, я слишком устала.

— Мэг! — Он тянул меня за руки и за ноги. — Я хочу тебя трахнуть, но перед этим собираюсь тебя помыть.

— Я не буду заниматься с тобой сексом.

Я попыталась увернуться, но у меня не было сил с ним бороться. Он всегда был гораздо сильнее меня, а сейчас и подавно, — сопротивляться было бессмысленно.

— Не тебе решать.

— У тебя же только что была другая женщина! — жалобно воскликнула я.

— Да, была, — ответил он без тени смущения. — А сейчас я хочу заняться сексом с тобой. Хотя, должен тебе сообщить, женщина, которую я подцепил прошлой ночью, была куда привлекательней и с ней было гораздо веселее. Секс с тобой стал таким нудным и однообразным.

— Если я так тебе не нравлюсь, то иди удовлетворяй себя сам. Тебе все равно от этого больше радости.

Это была единственная по-настоящему оскорбительная вещь, которую я за все время отважилась ему сказать. Он засмеялся.

— Боже-боже, мы показываем характер, в нас еще остались жалкие крохи собственного достоинства! Похоже, я теряю навыки.

Он рывком поставил меня на ноги и наполовину повел, наполовину потащил в душ. Я брыкалась и проклинала его на чем свет стоит. В моем воспаленном мозгу возникла уверенность, что, пока мы будем в душе, придет Стив и я не услышу за шумом льющейся воды, как он стучит. А он тем временем развернется и уйдет и никогда не вернется. Но Джордан твердо решил меня вымыть, и переубедить его было невозможно.

Вода была обжигающе горячей, и я закричала, когда он поставил меня под струю. Он намылил меня, взял жесткую мочалку и принялся с силой тереть, едва не сдирая кожу. Когда он закончил, то поставил меня на колени и начал иметь в рот, долго и нудно. А вода тем временем текла, заливалась в нос, так что я не могла дышать.

Постепенно я начинала задыхаться. В тот момент у меня возникло сильное желание умереть. В голове крутилось слово «самоубийство», оно смиряло меня и помогало вытерпеть эту муку. Я стала прикидывать, как бы мне лучше это сделать, подбирая наименее болезненный и быстрый способ. Самым легким было бы откладывать таблетки, которые заставляет меня принимать Джордан. Учитывая их сильный наркотический эффект, чтобы себя убить, мне много не понадобится.

Я дам Стиву еще день или два, но если он не появится, буду справляться собственными силами, постараюсь покончить с этим как можно быстрее.

Удивительно, но, придя к такому решению, я вдруг совершенно успокоилась. Финал близок, и мне не придется мучиться вечно. Теперь я могла терпеть Джордана и его идиотское поведение. Благо осталось недолго.

Он отстранился и помог мне подняться, затем очень аккуратно вытер, так же бережно, как в самом начале наших отношений.

Он тоже вытерся, затем повел меня на постель, где мы занялись простым незамысловатым сексом в миссионерской позе: я снизу, он сверху. При каждом толчке он смотрел на меня сверху вниз, и, как ни странно, в его взгляде угадывалось нечто похожее на нежность.

— Ты же никогда от меня не уйдешь, правда, Мэг?

— Правда.

— И ты все еще меня любишь.

— Ты же знаешь, что люблю, — солгала я. А я вообще его когда-нибудь любила? Не думаю. Я испытывала вожделение, была очарована и восхищена его богатством и зрелостью. И по ошибке приняла эти чувства за признаки чего-то большего.

— Если ты попытаешься сбежать, я все равно тебя найду.

— Я знаю.

— От меня ты не спрячешься.

— Ничуть в этом не сомневаюсь.

— Я буду искать тебя и искать, и когда найду, то приведу обратно, даже если ты не захочешь идти.

— Начнем с того, что я никуда и не собираюсь уходить, — уверенно сказала я, посчитав такой ответ самым безопасным. — Поэтому нет смысла вообще об этом говорить.

— Если ты все-таки это сделаешь, я очень сильно разозлюсь.

— Да, я знаю.

— До сих пор я был очень добрым. Разве я не был добр к тебе?

— Был.

— Разве я не кормил тебя, не одевал, не любил?

Черт, да он, похоже, окончательно свихнулся. Как я только сразу этого не заметила?

— Да, — повторила я. — Ты прекрасно ко мне относился.

— Если я узнаю, что ты это не ценишь или платишь мне черной неблагодарностью, то вполне справедливо будет, если я расстроюсь, не так ли?

— Конечно, но я здесь и я вся твоя. И я очень счастлива с тобой.

Он испытующе на меня посмотрел, после чего кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо.

Процесс совокупления стал более жестким, проникновения — более агрессивными. Он перевернул меня и заставил подняться, руками я оперлась на спинку кровати; он имел меня до тех пор, пока от слабости не начали трястись колени, внутри все было стерто в кровь.

Наконец он вышел из меня, так и не кончив, и я рухнула на матрас. Он встал и пошел на кухню, откуда вернулся с большой белой таблеткой и еще с множеством других в придачу.

Я сморщила нос.

— Я не собираюсь все это принимать.

— Ты должна, Мэг. Они тебе необходимы.

— Что это?

— Витамины.

— Мне не нужны витамины, — таков был мой ответ, хотя втайне я была с ним согласна. Мне нужно было что-то, но я не была уверена, что он дает мне именно то, о чем говорит.

— Нам нужно поработать над твоим здоровьем и выносливостью. Ты слишком слаба. У тебя начали выпадать волосы. Нам нужно предотвратить твое угасание, остановить движение по наклонной.

— Хорошо, я приму витамины, а эту принимать не стану. От нее меня постоянно клонит в сон.

— Так нельзя.

— Почему?

— Белые быстро вызывают привыкание. Если ты резко прекратишь их принимать, то тебе будет еще хуже, чем сейчас.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не помнишь? Твой врач сказал, что мы должны тебя от них отучать. Но делать это нужно постепенно — ты не можешь просто взять и перестать их принимать.

«Охренеть как здорово!» — подумала я про себя. Он подсадил меня на наркотик, а затем сделал вид, что это врач его прописал. Я совершенно не помню никаких визитов к врачу, никаких разговоров на эту тему.

Он сунул всю эту горсть мне под нос и подал бокал вина, чтобы запить, а ведь я еще даже не завтракала.

— Глотай их по одной. Раньше начнешь — раньше закончишь.

— Я не могу пить их на пустой желудок. Меня сразу начнет тошнить.

— И что? Я о тебе позабочусь. Разве не я всегда о тебе забочусь?

— Да, ты всегда обо мне заботишься.

И все же я оставалась непреклонна. Он смягчился и разрешил мне съесть яйцо и тост. После еды стало только хуже, и я вернулась в постель, не став даже принимать таблеток, и отключилась, а когда проснулась, был уже вечер. Дверь в спальню была открыта, а значит, Джордан был дома.

Стив так и не пришел: наверное, что-то случилось. Мне не терпелось посмотреть, нет ли от него сообщения. Нужно было рискнуть и проверить сотовый. Пошатываясь, я бросилась в ванную.

Я перевернула косметичку вверх дном, судорожно ища под пудрами и тенями записку-допинг, украденный телефон. Но их там не было!

Я выложила все содержимое, затем положила назад, после чего снова выложила. Я проверила каждый уголок, прощупала дно, но телефон и записка как будто испарились.

Я сползла вниз по стене. Пряча их там, я решила, что поступаю очень умно, очень хитро. Ну и где же теперь этот чертов телефон? Где моя записка?

Джордан нашел их. Это единственный возможный вариант. Он никого не пустил бы ко мне в спальню — по крайней мере, не в моем присутствии, — и ни у кого больше не было доступа к ванной. Я представила, как он роется в моих вещах, пока я нахожусь без сознания, проверяет ящики и карманы, словно я проблемный подросток.

Сволочь!

Я обессилела от ярости и страха, стоило прикинуть, чем эта находка была чревата для меня — для моего будущего, для моей безопасности. Пока что Джордан ничего не сказал, но обязательно скажет. Он оплатит мне страшной монетой. Ему не свойственно было закрывать глаза на такой урон своему авторитету.

Неужели это он помешал Стиву прийти мне на помощь? Поэтому Стив не приехал!

Я аккуратно разложила все содержимое косметички по своим местам, чтобы не осталось и следа от моих судорожных поисков. Затем залезла под душ, строя планы, обдумывая свое положение. Я уже много часов не принимала белую таблетку, в голове стало относительно ясно, и я отчетливо видела приближающуюся катастрофу, неизбежную, как

крушение поезда.

Джордан будет следить за мной тщательнее, чем обычно, поэтому возможностей сбежать у меня станет еще меньше. Между нами сейчас началась игра в кошки-мышки. Я не буду показывать, что мне известно о том, что он медленно меня убивает. В то время как он будет всячески скрывать свои усилия, направленные на удержание меня в плену до победного конца.

Если я хочу выжить, то мне нужно быть более изворотливой, использовать моменты просветления с большей пользой. И хотя прошлым вечером мне в голову пришла мысль о самоубийстве, на самом деле умирать не хотелось. Я хотела жить! Нужно было как-то воздержаться от приема таблеток, откладывать их на черный день, когда я решусь на этот отчаянный поступок. А пока следует придумать другие пути к спасению, разработать различные стратегии.

Прежде всего надо быть настороже, иначе он убьет меня раньше, чем я успею понять, что он задумал.

Я оделась, вышла на кухню и приготовила себе чай с тостом. Я как раз сидела за столом, когда вошел Джордан и сел напротив. У него в руках была газета, мы сидели и молча смотрели друг на друга. В конце концов я сделала вид, что его здесь нет, и спокойно позавтракала.

Я стояла у раковины и терла тарелку, когда он наконец промолвил:

— Помнишь своего бывшего парня? Как там его звали? Стив, кажется?

Меня передернуло от ужаса.

— Да, а что?

— Ты давно не получала от него вестей?

Этот вопрос — минное поле, по которому я не знала, как перемещаться. Раз уж Джордан нашел телефон, то ответ должен был знать заранее. Если я сейчас скажу правду, он меня убьет. Если солгу, все равно убьет.

Я решила все отрицать. До последнего издыхания буду настаивать на том, что никакого разговора не было.

— Я не говорила с ним с прошлой зимы, с того самого дня, как выехала из своей бывшей квартиры.

— Правда?

— Да, правда. — Я отчаянно блефовала, стараясь говорить как можно убедительнее. — А что?

Он неопределенно пожал плечами.

— У меня есть кое-какие новости, которыми я хотел с тобой поделиться, но не знаю, стоит ли.

— Какие новости?

— Он же для тебя теперь посторонний человек, так ведь? Не хочу вызывать у тебя новый приступ. Учитывая твою шаткую и ранимую психику, это может оказаться выше твоих сил.

— Блин, да скажешь ты, наконец, что случилось?

Он бросил мне газету. В сводке новостей *Metro section* была обведена маленькая заметка. Я провела пальцем по заголовку: «Ограблен и убит житель Портленда».

Стива убили ударом ножа в грудь.

Это произошло, когда он выходил из своей машины на темной автостоянке на соседней

с нашим домом улице. Пропали его телефон, бумажник, CD-плеер и диски. Тут же были приведены слова детектива из полиции о случайных, бессмысленных вспышках насилия и жестокости, участвовавших в городе.

Мне пришлось прочитать заметку пять раз, прежде чем до меня наконец дошел смысл. Стив поговорил со мной, пообещал меня вытащить и был убит по дороге сюда. Я ни на секунду не поверила, что это было «случайно» или «бессмысленно». Напротив, я была убеждена, что это было тщательно спланировано и воплощено в жизнь, чтобы я впредь знала, чем закончатся мои попытки обратиться к кому-то за помощью.

Джордан неоднократно повторял, что никуда меня не отпустит, что я никогда больше не буду свободна. Я, конечно, ему верила, но тогда еще не до конца понимала, как далеко он готов зайти, и сама заманила Стива в ловушку. Джордан убил его — это так же точно, как и то, что я еще дышу. У меня не было ни малейших сомнений. Я никогда не смогла бы это доказать, не нашла бы улики, но суть не менялась — я все равно знала.

Слишком взволнованная, чтобы перечитывать заметку, я свернула газету и оттолкнула ее от себя. Затем внимательно посмотрела в глаза Джордану в поисках раскаяния. Но его лицо превратилось в бесстрастную маску, так же, впрочем, как и мое. Он не выражал никаких эмоций, никакого участия или сочувствия; я тоже владела собой.

Он убил Стива, и в этом была виновата я, но я извлекла из этого хороший урок: теперь можно полагаться только на себя. Я ни за что не обращусь к кому-то за помощью: не могу подставлять других. Я чувствовала себя морально разбитой, но я не стану тешить Джордана видом своего горя. Он ни за что не узнает, что я вообще что-то заподозрила.

Я вздохнула.

— Бедный Стив.

— Ты что, совсем не расстроилась?

— А с чего мне расстраиваться?

— Я думал, вы были близки.

— Он был неплохим парнем, пока не стал давать в рот твоей любимой проститутке.

В свете того, каким хорошим человеком я всегда считала Стива, эти слова прозвучали ужасно, и мне было жутко стыдно, что пришлось произнести эту фразу, но я должна была ввести Джордана в заблуждение. Если Стив сейчас на небесах и наблюдает за мной оттуда, надеюсь, он простит меня.

Джордан встал, обошел стол и навис надо мной. Так он казался еще больше и опаснее, его превосходство в силе было очевиднее, чем когда-либо.

Он провел большим пальцем по моей нижней губе, затем прочертил изгиб подбородка и шеи, пока его пальцы не сомкнулись у меня на горле. Он сжал руку — не слишком сильно, чтобы перекрыть мне воздух, но вполне ощутимо, чтобы дать понять, что это не составит ему ни малейшего труда.

— Ты моя, Мэг.

— Я знаю.

— Тебе никуда от меня не деться, даже не мечтай, от этого толку не будет. — Он кивнул в сторону спальни. — А сейчас я хочу тебя трахнуть. Иди раздевайся.

Это было самое унижительное, самое грязное предложение, которое мне когда-либо делали.

— Не пойду.

Я оттолкнула его, вскочила на ноги и выбежала из кухни, прекрасно понимая, что он не

потерпит моих возражений. Я сильно замерзла, руки и ноги были как ледышки, но я не обращала на это внимания. Мне это было только на руку: если я сейчас все себе отморожу, то следующие несколько часов покажутся мне более-менее сносными.

«Я убью его, — торжественно поклялась я себе. — Отомщу за Стива. А если не смогу, то убью себя».

Я услышала, как он идет за мной по коридору, и внутренне напряглась, готовясь к чему угодно.

— Выпей это.

— Что это? — спросила я, хотя и без того знала, что из его рук ничего принимать нельзя.

— Афродизиак.

— Не хочу, — взбунтовалась я, хотя возражать было бессмысленно.

— Меня это не волнует.

Он кормил меня, однако кормил нерегулярно, и я медленно умирала от голода. Я не могла не есть, и всякий раз, как он приносил пищу, я сметала ее мгновенно. Когда он приносил воду или вино, я выпивала их — так же как поступила и сейчас. Меня перестало беспокоить, что он мог туда подмешать. Я как бешеный зверь жадно набрасывалась на любую еду, которую мне предлагали.

Вино стало растекаться по венам, и скоро я либо почувствую сильное сексуальное возбуждение, либо у меня начнутся галлюцинации. Вероятность, что произойдет то или другое, была пятьдесят на пятьдесят, и я не знала, что хуже.

Он перестал давать белые таблетки, поэтому я уже не была такой заторможенной и неадекватной, как прежде. Вместо этого он подсовывал галлюциногены, поэтому в голове все еще больше перемешалось, развилась паранойя, и порой было сложно отличить реальность от вымысла.

Он больше не скрывал того, что держит меня здесь против воли. Ему нравилось исподтишка намекать на то, что меня может постигнуть та же участь, что и Стива, если я не буду ему подчиняться. Он крайне редко оставлял меня без присмотра. Если нужно было уйти, он связывал меня, затыкал рот и запирали в шкафу в спальне.

— Ты начинаешь поправляться, Мэг.

— Ну да...

— Но это так! У тебя более гладкая кожа. Волосы начали блестеть.

Это была абсолютная наглая ложь. Мое состояние продолжало ухудшаться, вес снизился до пугающей отметки.

— Рада, что хоть один из нас так считает.

— Я никогда еще так сильно тебя не хотел. Я приготовил нам на сегодня кое-какое развлечение.

— Придет Эдриан?

— Нет, не Эдриан.

Он ушел в гостиную, а я осталась размышлять над его ответом. Может, он просто имел в виду, что Эдриан сегодня не придет? Или это значило, что вместо Эдриана придет кто-то другой?

Но волноваться было бесполезно. Что бы он ни запланировал, все получалось именно так, как он хотел. И другого способа остановить его, кроме как побежать на кухню, схватить разделочный нож и зарезать его (чего я сделать не могла просто физически, учитывая мое изможденное состояние), просто не существовало. Моих сил хватало лишь на то, чтобы дожить до следующего дня.

Он возился со стереосистемой, подбирая музыку. А у меня наконец-то появилась возможность несколько минут побыть в одиночестве. Свои джинсы он бросил на кровать, из

кармана выглядывал бумажник — таких оплошностей он обычно не допускал. Я тихонько подошла и вытащила его оттуда. В кошельке было около тысячи долларов — я вытащила двадцатку, которой, я была совершенно уверена, он никогда не хватится. Затем положила бумажник назад и постаралась придать небрежно брошенным джинсам первоначальный вид.

Я подошла к портьеру, нашла разрез, который сделала по нижнему шву, и засунула туда деньги. За последние несколько недель я часто подворовывала по мелочам, и теперь скопилось порядка трехсот долларов, рассованных по разным потайным местам. Если он обнаружит одну заначку, наверняка останется еще в других местах.

В моменты просветления, которые случались нечасто, я усиленно размышляла и строила планы. Он был очень умным, целеустремленным и организованным человеком. Но наверняка было сложно все время за мной присматривать, никогда не оставлять одну, ревностно укрывать от посторонних. Однажды он просчитается, и когда это произойдет, я бесшумно выскользну в дверь, захватив всю припасенную наличность.

Меня больше не сковывал страх перед ним. При первой же возможности я смоюсь и залегу на дно. На какое-то время исчезну, буду в безопасности, пока он меня не выследит. Но даже за такой короткий промежуток свободы я готова была заплатить любую цену.

Наркотик, который он мне дал, стремительно опутывал мое сознание, я с тревогой отметила, что это все-таки оказался галлюциноген. Крошечные лучики света замельтешили в уголках глаз. Мне постоянно мерещилось, что сзади кто-то подкрадывается, но сколько я ни оборачивалась, никого не видела.

Я подошла к тумбочке и выдвинула ящик. Я хотела заранее узнать, какие секс-игрушки он припас на сегодня, чтобы иметь хоть какое-то представление, прежде чем он их достанет и начнет использовать.

Там обнаружили какие-то веревки, смазки, искусственные фаллосы и много чего еще, чему я не могла даже подобрать название. Я в очередной раз задалась вопросом, кто научил его всем этим отвратительным вещам.

На дне всей этой кучи оказалось два лежащих рядом сотовых телефона. Я уставилась на них, гадая, почему они здесь, почему я раньше их не замечала. Я воровато оглянулась через плечо и, удостоверившись, что он все еще возится с музыкой, взяла один.

Это был обыкновенный телефон, без отличительных знаков, но он был как две капли воды похож на тот, что я украла. Я попыталась его включить, но он не работал, поэтому я положила его на место. Взяла другой, и когда присмотрелась повнимательнее, сердце у меня замерло. К нему была прикреплена визитка. Визитка Стива.

И это был телефон Стива. У Джордана в тумбочке.

Я попыталась собраться с мыслями, чтобы понять, что я только что обнаружила, какие доказательства держу в руках, но из-за наркотика не могла сосредоточиться.

Я внимательно пересмотрела остатки содержимого и обнаружила CD-плеер и сумочку с дисками. Мне тут же вспомнилась записка об убийстве, то место, в котором перечислялись украденные вещи.

Эти вещи в ящике Джордана... в его ящике... в его ящике...

У меня в руке сейчас был телефон Стива. Доброго, милого Стива, который всегда был верным другом.

Я начала мелко трястись, затем дрожь стала постепенно усиливаться до тех пор, пока все тело не завибрировало от шока и ярости. Наркотики только усугубляли мое состояние. Звуки усилились, в глазах зарябило от нестерпимо ярких цветных пятен, мебель двигалась и

плыла по комнате.

Я слышала шаги Джордана, он топал как великан. Я неуклюже бросилась к двери, телефон Стива был прижат к бедру. Стоило только Джордану переступить через порог, как я накинулась на него и изо всей силы огрела по голове.

— Сволочь! — прошипела я.

— Какого черта? — выругался он.

Я замахнулась снова, но он вовремя увернулся. Он рванулся было ко мне, но я отскочила.

— Ты убил Стива! — выпалила я, наконец-то произнеся это вслух. — Ты убил его! Сукин сын! Ты убил его! Убил!

— Ты совсем рехнулась?

— Я расскажу! Я всем расскажу, что это ты сделал!

Он бросился на меня, зажимая, словно в тиски, и повалит на кровать. Я яростно отбивалась, словно от этого зависела моя жизнь, словно это было самое последнее, что я могла предпринять. Я брыкалась и кричала, царапалась и кусалась, а он отбивался, пытаясь меня скрутить.

И хотя я дралась с безрассудной отвагой, силы были неравными, и вскоре я за руки и за ноги оказалась привязана к кровати, с кляпом во рту. Я плакала, дергалась, проклинала его на чем свет стоит.

Мне было приятно видеть его запыхавшимся, он явно не был готов к такой схватке, недооценил мою прыть. Он уселся на корточки и пригладил растрепанные волосы рукой. Из одежды на нем были только джинсы, его обнаженная грудь резко вздымалась и опускалась и блестела от выступившего пота.

Он наклонился ко мне совсем близко, его внушительные габариты выглядели весьма устрашающе, гнев он больше не сдерживал.

— Ты сумасшедшая, и с каждым днем твое безумие растет.

Он улыбнулся, довольный тем, что заставил меня сорваться, привел в полнейший упадок, как и планировал с самого начала.

— Надо было посадить тебя под замок еще пару месяцев назад.

Я глядела на него с нескрываемой ненавистью и злобой, хотя сознание уносилось за пределы разума. Я отчаянно хваталась за обрывки реальности, но наркотик был чрезвычайно сильным. Волосы торчали у него из головы, как толстые канаты, отдельные пряди извивались, как будто это были змеи. Лицо исказилось в страшной гримасе, глаза горели красным пламенем, и он выглядел как дьявол, восставший из преисподней.

Я посмотрела на тумбочку, он проследил за моим взглядом и рассмеялся.

— Не знаю, что тебе там померещилось, Мэг, но сейчас там ничего нет. Ты сорвалась с катушек и медленно утопаешь в своем безумии. Когда же ты наконец это поймешь?

Он выдвинул ящик и начал показывать мне разнообразные предметы. Я не могла увидеть весь ящиком целиком, но похоже, там не было ни CD-плеера, ни дисков, ни телефонов, в то время как я была абсолютно уверена, что видела их там. Я напала на него, сжимая один из телефонов в руке. У него на виске даже след от удара остался.

Он слез с кровати и пошел к выходу.

— У нас гости. Я сейчас приду.

Я попыталась вырваться, выплюнуть кляп, но освободиться никак не получалось. Я была в бешенстве, но постепенно переставала понимать из-за чего. Наркотик сглаживал

острые углы, заставлял забыть, вызывал сомнения.

Казалось, его не было целую вечность, а может, всего пару секунд. Мне показалось, что вместе с ним в комнату зашли еще какие-то люди. А может, и нет. Я уже ни в чем не была уверена. Последнее, о чем я успела подумать, — это чтоб наркотик или что он там мне давал, не разрушил окончательно мой головной мозг. Я не раз слышала о том, как люди, принимавшие ЛСД или «ангельскую пыль», сходили с ума и больше в себя не приходили. Что, если он сделал то же и со мной?

Я много часов провела в каком-то мареве. Порой мне начинало казаться, что я не сплю, но потом все-таки приходила к выводу, что мне все снится. Когда я пыталась сосредоточиться, стены начинали двигаться, вокруг плясали черти. Я не могла дышать, и мне постоянно казалось, что я вот-вот умру от удушья.

Я видела Кимберли, и Эдриана тоже. Может, они оба здесь были, а может, никого и не было. Одно я знаю точно: кто-то занимался со мной сексом, снова и снова, но это мог быть и Джордан, хотя, помнится, он в это время стоял за камерой и снимал.

Я была за гранью восприятия, меня ничто не трогало, и когда ночь сменило утро, я обрела долгожданный покой: мир перестал вертеться, стихли шорохи и скрипы, странные видения исчезли.

Вокруг вдруг стало очень тихо, и я наконец забылась тяжелым сном.

Когда я проснулась, то далеко не сразу поняла, где нахожусь. Несколько минут смотрела в потолок, потом на запертую дверь. Это была крошечная комнатка, в которой не было ничего, кроме стула и узкой кушетки, на которой я, собственно, и лежала.

Я решила, что это была кладовка рядом с кухней. Джордан, наверное, специально выбросил все лишнее и поместил меня сюда. Значит, теперь это моя тюремная камера?

Видения прошлой ночи — по крайней мере, надеюсь, она была одна, — промелькнули перед глазами. Я отогнала их, боясь увидеть вблизи те образы, которые упорно лезли в голову. Большей частью они напоминали кошмарный сон, поэтому не было ни малейшего желания вспоминать, что произошло.

На мне была пижама, еще он дал подушку и одеяло. От меня не пахло потом или сексом: по всей вероятности, меня еще и искупали.

Я осторожно села и поставила ноги на пол, благо он наконец-то обрел устойчивость. На цыпочках я подкралась к двери и покрутила ручку. Как я и предполагала, дверь оказалась заперта. Я прижалась к ней ухом, но не слышала ни звука.

Я вернулась к кушетке, упала на бугристый матрас и свернулась клубочком, натянув одеяло до подбородка.

Гробовая тишина меня пугала. Мне не нравилось то, что происходило, когда Джордан бывал дома, но что, если он вдруг куда-то уехал, скажем, на месяц, а я тут умру с голоду? Что, если он шел по улице и его сбила машина? Никто не знает, что я сижу здесь взаперти, и никто не поспешит ко мне на помощь.

Я постаралась не паниковать, сохранять спокойствие и хладнокровие. Постаралась вспомнить все, что могла, о той газетной заметке, в которой описывалось убийство, о том, как я нашла вещи Стива у него в тумбочке. Я абсолютно уверена, что видела их. Это было на самом деле. До сих пор чувствовала пластиковый корпус телефона, зажатого в руках, которым я ударила Джордана.

Конечно, всегда оставалась вероятность того, что все эти предметы на самом деле не имели к Стиву ни малейшего отношения, что Джордан специально положил их в ящик. Джордан мог таким образом попытаться меня напугать или убедить в том, что я сумасшедшая. И все же я уверена, что это были вещи Стива.

Они были у Джордана, и он хотел, чтобы я об этом знала. Это было всего лишь еще одно жуткое измышительство, способ помотать мне нервы.

Я долгие часы пролежала на кровати, то засыпая, то резко просыпаясь. Наконец из коридора донеслись приглушенные голоса и осторожные шаги. Я сделала глубокий вдох. Я была на грани. Если Джордан сейчас затолкает таблетки мне в рот, не дав поест, заставит заниматься сексом, это будет последней каплей — мой мозг просто взорвется. Ему даже не понадобятся больше галлюциногены.

Он открыл дверь и встал на пороге с каким-то мужчиной, которого я никогда прежде не видела. Словно меня здесь не было, они стали перешептываться обо мне, причем в разговоре мелькали такие слова, как «шизофрения» и «маниакально-депрессивный». Мужчина сказал, что у меня уже возраст не тот для таких заболеваний, но, имея дело с психикой, никогда не знаешь точно, на что способен мозг.

Захотелось рассмеяться. Получается, мне уже поставили диагноз? Человек, которого я

никогда прежде не встречала, уже успел объявить меня сумасшедшей?

Наконец они осторожно приблизились. У Джордана после нашей схватки остался синяк на виске и царапины на щеке. Признаться, я была довольна, что ему так крепко от меня досталось.

Мужчине, которого привел Джордан, было чуть за пятьдесят, круглолицый, лысеющий, одетый в серый костюм... В руках черный саквояж, на шее стетоскоп. Доброе лицо и внимательный взгляд. Мужчина быстрым внимательным взглядом оценил скудную обстановку комнаты, кушетку и меня на ней в позе эмбриона.

Джордан провел рукой по моим волосам. Он прямо излучал заботу, был воплощением благородства и сочувствия. Я увернулась, а он лишь смиренно вздохнул — просто примерный семьянин, взваливший на себя такой крест, участливый муж, которому досталась неблагодарная жена.

— Мэг, тут кое-кто хочет тебя осмотреть.

Я уставилась на них, но так ничего и не ответила.

Мужчина сделал шаг вперед и представился.

— Я доктор Теодор Свенсон. Друзья называют меня Доктор Тед.

Он улыбнулся, пытаясь вызвать какие-то положительные эмоции, но я не улыбнулась в ответ.

— Мэг, — пробормотал Джордан. — Доктор Тед — тот самый психиатр, о котором я тебе говорил. Я знаю, что ты была категорически против, но после того... э-э-э... вчерашнего происшествия я решил, что ты должна немедленно с ним побеседовать, дело не терпит отлагательств.

Я посмотрела на Свенсона.

— Меня не волнует, что там Джордан вам наговорил. Не было никакого дурацкого «происшествия». Меня против воли травят наркотиками. Он это сделал. Более того, он делает это постоянно.

Доктор с Джорданом обменялись заговорщическими взглядами, таящими в себе бездну скрытого смысла и означавшими, что перед этим у них состоялась долгая беседа обо мне. Свенсон наверняка безоговорочно согласился с мнением Джордана и решил, что тот говорит истинную правду, поэтому шансов переубедить его у меня практически не было. Но все же попытаться стоило.

Он был моей единственной надеждой. И учитывая то, насколько сжался мой круг общения, он вполне мог оказаться последним в моей жизни живым существом, не считая Джордана, с которым мне удастся поговорить.

— И как же это... это... наркотическое отравление происходит? — спросил он с явной долей иронии в голосе.

— Он подсыпает мне их в еду и напитки либо же в открытую силой заставляет меня принимать таблетки, содержащие сильные наркотические вещества. Я сплю целыми днями.

— Неужели?

— И пока я нахожусь без сознания, он приводит в дом посторонних людей и позволяет им заниматься со мной сексом.

— Так вы говорите, это происходит, пока вы находитесь без сознания?

— Да. Он снимает это на видео. Для него это что-то вроде фетиша — ему нравится наблюдать, как люди занимаются сексом, даже сильнее, чем если он делает это сам.

— Понятно, — задумчиво сказал Свенсон. — Как вы думаете, почему он так себя с вами

ведет?

— Поначалу мне казалось, что это любовь, но это далеко не так. Это какая-то одержимость. Хотя я до сих пор не понимаю, почему он на мне так заиклился. Вам бы не мешало его тщательно проанализировать и это выяснить. Готова поспорить, это как-то связано с его матерью. Здесь вам работы непочатый край, хватит на всю врачебную карьеру выяснять, что у него там щелкает в мозгах. Он просто сумасшедший.

Они с Джорданом снова обменялись многозначительными взглядами. Не знаю, что там ему наплел обо мне Джордан, но получалось, что я сейчас только подтверждаю диагноз, который Свенсон уже успел поставить заочно.

— Мистер Блэр, — Свенсон показал ему на дверь, — не могли бы вы выйти в коридор, а мы с Мэг тем временем побеседуем с глазу на глаз.

— Конечно, — с готовностью согласился Джордан.

Он ободряюще потрепал меня по плечу — я вся напряглась: мне было невыносимо терпеть его прикосновения. Даже от такого незначительного проявления неприязни с моей стороны он болезненно поморщился и горестно вздохнул.

— Я просто хочу, чтобы ты поправилась, Мэг. Ты же понимаешь это, так ведь?

— Да уж, — фыркнула я. — Ты не сегодня завтра меня убьешь. И не притворяйся, что это не так, больной ублюдок.

— Ты хотя бы представляешь, как мне больно слышать от тебя такие обвинения?

— Ты убил Бритни и убил Стива, меня тоже убьешь, как только придумаешь, как все повернуть, чтобы тебя не поймали.

— Кто такие Бритни и Стив? — тут же оживился Свенсон.

— Бритни — моя первая жена, — охотно пояснил Джордан. — Она утонула много лет назад. Это был несчастный случай.

— А Стив?

— Это ее бывший парень. Он недавно погиб во время ограбления. Собственно, после этой новости она и стала двигаться по наклонной.

Я презрительно рассмеялась.

— Стива не ограбили. Мне удалось с ним связаться и попросить помочь отсюда сбежать, из-за этого Джордан его и убил.

Джордан усмехнулся доктору.

— Теперь видите, что я имел в виду? Эти бредовые идеи прочно засели у нее в голове, и она не может от них избавиться. Они сводят ее с ума.

— Иллюзии иногда могут казаться вполне реальными, — ответил Свенсон, — человеку, который от них страдает.

— Вся наша жизнь превратилась в настоящий ад, — пожаловался Джордан. — Мы не можем даже выйти прогуляться, потому что я все время боюсь, что она начнет приставать к прохожим на улице, говорить им всякие глупости. Так не может дальше продолжаться.

— Не может, конечно, не может, — согласно закивал Свенсон. — Вы и не должны были.

Я раньше даже не догадывалась, что Джордан такой замечательный актер. Он выглядел таким подавленным, терпеливым, самоотверженным мужем с истеричной невыносимой женой. И Доктор Тед проглатывал все это и не кривился.

— Мне невыносимо видеть ее такой, — сказал Джордан. — Ей нужно назначить какой-то курс лечения.

— Именно поэтому я здесь, мистер Блэр.

— Не говорите так, будто меня здесь нет, — возмутилась я.

— А мы и не говорим, Мэг, — заявил Свенсон и взглядом указал Джордану на дверь, стремясь поскорее его выставить и всерьез начать сеанс психотерапии. — Почему бы вам пока не подождать снаружи? Если нужно будет, мы вас позовем.

— Расскажи ему все, Мэг, — сказал Джордан с надрывом. — Я не могу до тебя достучаться, так, может, хоть ему удастся.

— Мы с Мэг поладим. — Доктор Свенсон лучезарно улыбнулся.

Джордан вышел, однако я была уверена, что недалеко. Он наверняка крутился где-то неподалеку и подслушивал, чтобы, как только доктор уйдет, можно было использовать мои замечания как повод для наказания. Перспектива навлечь на себя его гнев делала откровенный разговор опасным, и все же я решила рискнуть.

Я села и почувствовала, что замерзаю. Я закуталась в полотенце, как в шаль.

Свенсон сидел на стуле напротив. Он внимательно изучал меня с явным участием, после чего заявил очевидную вещь:

— Вы себя неважно чувствуете, да?

Я фыркнула и рассмеялась.

— Нет. Я чувствую себя хреново.

— Как вы думаете, почему?

— Потому что муж морит меня голодом и пичкает наркотиками. Может, он вдобавок еще меня и травит. Попросите патологоанатома, когда он будет делать мне вскрытие, это проверить, ладно?

— Хорошо. — Он сочувственно кивнул. — Но зачем мужу могло понадобиться так ужасно с вами обращаться?

— Откуда я знаю? Он же форменный псих.

— Он хочет положить вас в больницу.

— Меня это почему-то совсем не удивляет.

— Меня интересует, что вы думаете на этот счет.

— Он просто хочет убедить вас в том, что я сумасшедшая, чтобы вы поставили официальный диагноз. Поэтому после того, как он меня убьет и обставит это как самоубийство, ваше заключение будет очень полезным приложением к полицейскому отчету.

Я очень живо представила себе примечание детектива: «Жена подвергалась интенсивному психиатрическому лечению».

— Я довольно неглупый парень, у меня есть своя голова на плечах. Не думаю, что мистер Блэр мог заставить меня во что-либо поверить.

— Судя по тому, как вы меня оцениваете, вижу, он уже в этом преуспел.

— И как же я вас оцениваю?

— Так, словно мне самое место в психушке.

— Ну, ваше место вряд ли в психушке, выражаясь вашим же языком. — Он улыбнулся, пытаясь меня утешить. — Вы всего лишь устали и немного растеряны. Вот и все.

— А разве этого недостаточно?

— Расскажите мне о нападении, происшедшем прошлой ночью.

— Каком нападении?

— Мистер Блэр рассказал, как вы без причины на него набросились, расцарапали лицо

и ему пришлось повалить вас на пол, чтобы как-то остановить.

— Это уж точно.

— Не могли бы вы описать мне подробности этого инцидента?

— А это что-то изменит?

— Вопрос сейчас не в том, изменит это что-то или нет. Я всего лишь пытаюсь понять, что с вами происходит, Мэг.

Какой смысл ему вообще что-то рассказывать? Как можно рассчитывать на его помощь, а главное — в чем она могла выражаться? Я могла бы на какое-то время укрыться в психбольнице, но это наверняка ловушка. Джордан не мог позволить мне так легко ускользнуть, поэтому если он сам настаивал на госпитализации, то в этом наверняка был какой-то подвох. Просто я пока не могу сообразить, какой именно.

Почему бы не довериться Свенсону? Тогда я, по крайней мере, умру со спокойной душой, зная, что есть человек, которого моя смерть насторожит. Тогда это перестанет быть тайной и не даст Джордану поступить так же с другой женщиной.

— Хорошо. Послушайте, это может показаться полным бредом, но дело вот в чем: он выбрал меня. Не знаю, как или почему. Просто выбрал и все. Он заманил меня в свою жизнь и с тех пор непрерывно мучит и пытается убить.

Доктор нахмурился еще больше.

— Наверное, ужасно постоянно это осознавать.

— Я уже привыкла. Он очень скользкий тип, очень хитрый и расчетливый, привыкший все контролировать. Он и свою первую жену постоянно истязал, а после убил.

— Как вы уже упоминали...

— Он много месяцев держал меня в роли пленницы. Однажды, после того как я долго просила и умоляла, он взял меня с собой на прогулку. Когда он отвлекся, я украла у какой-то женщины телефон и с него позвонила Стиву.

— Стив — это ваш бывший парень?

— Да. Я рассказала, как сильно я напугана и что не могу выбраться отсюда самостоятельно. Он как раз ехал сюда за мной, но Джордан убил его, чтобы он не смог меня отсюда вытащить. Это случилось буквально в квартале от этого места.

— Мэг, я понимаю, что вы искренне во все это верите, но неужели вы не понимаете, как нелогично это звучит?

— Да, но вы же сами сказали, что хотите понять.

— Хочу, хочу.

— Я напала на Джордана потому, что нашла в его ящике вещи Стива.

— Какие вещи?

— Предметы, которые пропали после ограбления.

— Гм. — Он окинул меня оценивающим взглядом, раздумывая над ответом, после чего предложил: — Вы не хотели бы вместе со мной заглянуть в тот ящик? Не хотели бы и мне показать, что же такое вы там увидели?

Я невесело рассмеялась.

— Нет, Джордан наверняка уже все оттуда убрал.

— А что, если я все же взгляну одним глазком? Просто проверю на всякий случай.

Я ненавидела его за то, что он мне подыгрывает, хотя на самом деле считает это нелепым заскоком. И все же я махнула рукой в сторону коридора.

— Можете делать все, что вам заблагорассудится, Доктор Тед. Чувствуйте себя как

дома.

Он сочувственно потрепал меня по руке, встал и вышел. Как я и подозревала, Джордан примостился у двери, изображая из себя обеспокоенного супруга. Они о чем-то пошептались между собой, после чего прошли в спальню. Их не было довольно долго, после чего Свенсон вернулся, снова захлопнув дверь у Джордана перед носом.

— Ну как, нашли что-нибудь интересное? — спросила я.

— Вообще-то нет, Мэг. Это оказался всего лишь ящик.

— Что? Неужели никаких искусственных членов? Плеток? Эротических мазей?

Он поджал губы, прищурил глаза.

— У вас какое-то болезненное пристрастие к вопросам, касающимся секса.

— Неужели?

— Вы в последнее время не замечали за собой повышенного интереса к сексу?

Он чуть ли не облизывался от такой перспективы.

— Вообще-то, Джордан заставляет меня делать такие мерзкие вещи, что даже если у меня в жизни никогда больше не будет секса, я не расстроюсь.

Он энергично закивал, словно я наконец сказала что-то существенно важное, затем открыл свой саквояж и достал из него шприц.

Я в ужасе отшатнулась.

— Зачем это?

— Это успокоительное. Оно поможет вам расслабиться и частично избавит от паранойи.

— Но я не параноик. Я знаю, что реально, а что — нет.

Здесь я немного приврала, но чувствовала, что так надо.

— Я не могу допустить, чтобы вы снова попытались что-нибудь с собой сделать.

— Что вы имеете в виду?

Он досадливо вздохнул.

— Не нужно со мной притворяться. Думаете, я не вижу синяки у вас на шее?

— Синяки? — Я положила руку на шею и вздрогнула, почувствовав боль, которой прежде не замечала. — Что за черт? — задумчиво произнесла я, скорее обращаясь к себе, чем к нему.

— Вы пытались повеситься. Разве не помните?

— Думаете, я пыталась повеситься?

— Ваш муж обо всем мне рассказал, но мы сделаем так, чтобы ваше состояние стабилизировалось. Мы обеспечим вам необходимое лечение и уход.

Мы не мигая смотрели друг на друга, пока я взвешивала свои варианты. Страшно хотелось отказаться от лечения, которое он решил мне назначить, но разве я могла? Как я могла с ним бороться? Как я могла бороться с ними обоими? Зачем изводить себя по мелочам? Надо мной и без того уже довольно долго издевались, потому что это была лишь капля в море, из-за которой вряд ли стоило переживать.

Я равнодушно пожала плечами и протянула ему руку.

— Конечно, делайте со мной что хотите. Все же делают.

— О, Мэг, мне бы очень хотелось, чтобы вы считали меня своим другом.

— Закадычные приятели, Доктор Тед. Не вопрос.

Я закрыла глаза, вздрогнув лишь, когда в меня вошла иголка, но все прошло довольно быстро. Когда я снова открыла глаза, он опять рылся в своем саквояже. Затем достал оттуда

папку с файлами.

— Это ваше согласие на лечение, — пояснил он.

— Если я подпишу их, то попаду прямо в психушку?

— Нет. Просто мы бы хотели их иметь на случай, если они вдруг понадобятся.

— А если я откажусь?

— Тогда мы с вашим мужем пойдем другой дорогой.

— Вы отправите меня лечить принудительно? Запишете в больницу против воли? Вы это мне хотите сказать?

— Мы бы хотели избежать действий, которые могут вызвать скандал, поэтому надеемся заботиться о вас в домашних условиях. Если мы сможем сохранить ваше состояние в тайне, то последствия этого на вашей репутации не скажутся.

— Как это удобно для Джордана, — заметила я с сарказмом. — Публичное слушание по вопросу принудительного лечения в психиатрической больнице было бы для него так некстати. Люди узнают, что он не одну, а целых две жены довел до ручки.

— Давайте не будем сейчас беспокоиться о том, что может быть. Лучше сосредоточимся на том, что есть, а именно на том, что вы больны и что вам для выздоровления нужна квалифицированная помощь.

— Я не больна, черт возьми!

Но он не обратил внимания на мое замечание и как ни в чем не бывало продолжал:

— После того как я уйду, вы можете поговорить об этих документах с мистером Блэром. Уверен, вдвоем вы придете к нужному решению.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — эхом отозвалась я, лучась сарказмом.

— Лекарство очень скоро начнет действовать, и вы заснете. Когда проснетесь, то нервничать станете значительно меньше.

— Замечательно. Чем больше я похожу на зомби, тем больше мне это начинает нравиться.

— А еще я передам мистеру Блэру список препаратов, которые прописал, чтобы он мог вам их давать. С дозировкой я его ознакомлю. Это поможет продержаться в относительном равновесии до моего следующего визита.

— Спасибо, — покорно согласилась я, понимая, что если Джордана назначить ответственным по таблеткам, то у меня не останется другого выбора, кроме как их принимать.

Он встал и улыбнулся мне на прощание.

— Я к вам завтра еще зайду.

— Не могу дождаться, — солгала я.

Он направился к двери, а я вообразила, что мы с ним больше никогда не увидимся и что когда в следующий раз при нем назовут мое имя, я уже буду мертва. Он показался мне хорошим человеком, который искренне хотел помочь, и не его вина, что прежде ему никогда не приходилось сталкиваться с такими психами, как Джордан. Он понятия не имел, с кем имеет дело, и я совершенно не виню его в том, что он с известной долей скептицизма слушал мои дикие рассказы.

Да и кто бы смог разглядеть за учтивыми, обходительными манерами и внушительным банковским счетом личину маньяка? Меня, например, он в свое время легко ввел в заблуждение.

— Эй, док, — окликнула я его.

— Да, Мэг.

— Если вам сообщат о том, что я умерла — прятала таблетки, а потом их разом все проглотила, повесилась или что-то еще в этом роде, — не верьте, хорошо?

— Мэг, вам не нужно так переживать. Все будет хорошо.

— Я хочу жить, — упрямо заявила я. — Не забудьте обо мне, ладно? И... и... когда вы узнаете, что я якобы покончила жизнь самоубийством, поговорите с Эшли.

— Эшли?

— Сестра Бритни. Она вам расскажет, что со мной случилось. Что случилось с нами обеими.

— Мэг...

— Пообещайте мне.

— Хорошо, хорошо, — успокоил он меня, но я видела, что он снова мне подыгрывает. В его глазах я с каждой секундой выглядела все ненормальнее.

— Я не рассчитываю, что вы пойдете в полицию или куда-то еще. Я просто хочу, чтобы хотя бы кто-то знал, что он со мной сделал.

Он нахмурился, сбитый с толку моей позицией.

— Постарайтесь отдохнуть, Мэг. Некоторые современные лекарства могут творить чудеса. Вам совсем скоро станет лучше.

Он ушел, и я слышала, как они с Джорданом совещаются, как идут в гостиную, как доктор Свенсон покидает квартиру.

Джордан вернулся и повернул ключ в замке, снова запирая меня. Лишний раз убеждаясь в том, как я была права и как сильно ошибался доктор, я уставилась в потолок и захихикала от приступа безудержного веселья. Теперь я действительно казалась сумасшедшей, как и утверждал Джордан.

Мы вернулись туда, откуда это все началось.

Я стояла в гостиной пляжного домика Джордана и смотрела из окна на виднеющийся вдали океан. Голубое небо и перистые облака... казалось, что сейчас то особое осеннее утро, когда можно натянуть шорты и пойти на пляж играть фрисби. В действительности же за окном было очень холодно, штормило, и ветер был слишком сильный, даже змея не запустить.

Джордан вывез меня поздней ночью, пока я была слишком сонной, чтобы возражать. Я не стала спрашивать, зачем ему это вдруг понадобилось, да меня это, признаться, не особо и волновало. Все лучше, чем сидеть взаперти в кладовке, к тому же я надеялась воспользоваться сменой места и попытаться сбежать.

В кармане не было ни цента, не было ни удостоверения личности, ни телефона, но между гор виднелись изгибы трассы 101. Я представила себя у обочины с поднятым вверх большим пальцем, пытающуюся остановить машину или грузовик. Наверняка нашелся бы кто-то, кто подобрал бы меня и умчал прочь, не задавая лишних вопросов.

Джордан подошел сзади, положил руки мне на плечи, что мне категорически не понравилось, и тоже взглянул на океан.

— До сих пор боишься высоты? — с издевкой поинтересовался он.

— Нет, от этого ты меня избавил, — солгала я.

Он рассмеялся, прекрасно зная, что это не так.

— Думаю, сейчас в самый раз было бы полазить по горам.

Я в подробностях помнила тот ужасный день, после которого мне было так плохо. Он терроризировал меня, заставляя лазать по скалам. Я ударила его локтем под ребра и отошла на безопасное расстояние.

— Я больше никуда не полезу. Никогда.

— Полезешь, если я тебе велю.

— Можешь превратить меня в кровавое месиво, но я этого делать не буду.

Он загадочно кивнул, отчего у меня мурашки побежали по спине. У него были и более действенные методы принуждения. С их помощью он заставлял меня делать все, что угодно, даже то, что я клялась не делать никогда. Но в этот раз, к моему удивлению, он оставил эту тему.

— Хорошо, — удивительно легко согласился он. — Давай просто покатаемся.

— Хорошо, давай.

Если он хотел куда-то поехать, я совершенно не возражала. Мне так редко выпадала возможность побыть на людях, возможность незаметно улизнуть, пока его кто-то будет отвлекать. Он достал из стенного шкафа мою куртку, и пока помогал одеваться, у меня хватило наглости его подколоть:

— Как же ты выпускаешь меня наружу — не боишься, что я сбегу?

— А почему я должен волноваться? Ты взрослая женщина, Мэг, я не твоя няня. Зачем мне тебя в чем-то ограничивать?

— Брехло ты самое настоящее. Зачем ты меня сюда притащил?

— А ты не знаешь?

— Понятия не имею, твою мать.

— Ненавижу, когда ты начинаешь материться. Когда я на тебе женился, не думал, что ты окажешься такой вульгарной.

— А когда я выходила за тебя замуж, то тоже не думала, что ты окажешься таким больным засранцем.

Он горестно вздохнул, словно я была самой тяжелой обузой в мире.

— Я терпел как мог.

— Правда? И чего же такого ты хотел от меня, чего я тебе не дала?

— Я хотел все.

— И я дала тебе все.

Он нахмурился.

— Нет, не дала. Ты вообще никогда мне ничего не давала.

Его слова были полностью лишены смысла. Но прошло то время, когда я стала бы тратить силы, пытаюсь понять, что же он хочет этим сказать.

— Но если уж я такая никчемная, то просто подай на развод. Зачем истязать меня до смерти?

— Потому что это очень забавно.

— Мне это забавным не показалось.

— Что ж, зато я повеселился как следует.

— Неужели?

— Да.

Он говорил серьезно? Или шутил? Его мысли и мотивы всегда были для меня полнейшей загадкой, поэтому сейчас я, как обычно, понятия не имела, говорит он правду или нет.

Мы сели во внедорожник и покатали вниз по дороге. Я бесстрастно глядела по сторонам, умом понимая, что вид очень красивый, только эта красота ни капельки меня не трогала.

Наконец мы проехали указатель, обозначающий въезд в парк штата Орегон, Джордан сбавил скорость и повернул. От шоссе отходила проселочная дорога, петлявшая среди поросших лесом холмов. По ней мы забирались все выше и выше, пока не приехали на уединенную стоянку. Наша машина была единственной. Здесь, на высоте сотен футов над уровнем моря, облака образовывали сплошную завесу. Небо казалось серым, океан тоже, вдалеке разворачивался шквал дождя.

Побережье растянулось на мили к северу и к югу. Не было видно ни городов, ни телефонных столбов, ни домов или радиовышек, одни только деревья и выпирающие скалы. Мы были заброшены на край земли — два последних уцелевших человека.

Мощные порывы ветра раскачивали машину, и я не хотела выходить. Дурно становилось от одной мысли о том, что мы забрались так высоко, к тому же у меня были не самые хорошие предчувствия. Зачем Джордан привез меня в это живописное безлюдное место?

Он выбрался из машины и поежился от холода. С заднего сиденья забрал свою куртку, затем обошел машину и открыл дверцу, подал мне руку — видимо, ждал, что я на нее обопрусь.

— Вылезай, Мэг.

— Нет.

— Ты должна насладиться видом.

— Мне и отсюда все отлично видно.

— Отсюда будет лучше.

Он указал на какие-то пояснительные знаки.

— Это историческое место. Пойдем со мной. Тебе понравится.

Я продолжала упираться, поэтому он просто вытащил меня из машины и поставил на асфальт. Я думала, что у знаков остановимся, но мы вышли на тропинку и зашагали вверх. Жуткое место: с одной стороны опасный отвесный спуск, с другой — живописный уступ, до которого довольно далеко идти и нет ограждений. На уступ можно было забраться, лишь преодолев многочисленные опасные изгибы.

Вокруг торчала сотня плакатов с предупреждениями: «Впереди опасные скалы!», «Не сходите с проложенных дорожек!», «Путешественники должны соблюдать особую осторожность!»

Я остановилась как вкопанная, отказываясь идти дальше, но он тянул меня все настойчивее.

— Куда ты меня тащишь? — спросила я.

Он показал на уступ.

— Туда.

— Я не пойду.

— Не тебе решать.

Я вырвалась и вернулась к машине, в ту же секунду он подлетел и, не успела я опомниться, обхватил меня за талию, поднял и понес к тропинке.

Гигантские древние ели нависли над нами, волосы и одежду трепал ветер, внизу ревел и бился о камни пенный прибой. Между нами и пропастью не было ничего — ни забора, ни поручня. Уступ был абсолютно отвесным, стоило только взглянуть на него, как у меня начинала кружиться голова.

Я боялась, что, если пошевелюсь, он потеряет равновесие или ослабит хватку и мы полетим вниз, поэтому брыкаться перестала. Он был доволен тем, что я сдалась, и наконец поставил меня на твердую землю.

Я упала у ближайшего валуна, вцепившись в него мертвой хваткой, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

— Мэг, ты боишься?

— Пошел к черту!

Большим и указательным пальцами он схватил меня за подбородок и крепко сжал, заставляя смотреть только на него и больше никуда.

— Мне нравится, когда ты напугана.

Я ударила его по руке.

— Ты больной. Я всегда об этом подозревала.

— Не всегда, — возразил он. — Были времена, когда ты думала, что я могу пройти по воде, что это я зажигаю звезды.

— Это было до того, как я поняла, что ты свихнувшийся псих.

— Думаешь, я сумасшедший?

— Не думаю. Уверена.

— А почему? Только лишь потому, что требовал больше, чем ты готова была дать? — Он осклабился, злой и угрожающий. — Что такого в наркотиках и сексе в кругу друзей? Если ты не хотела участвовать, то сказала бы что-нибудь.

Он постепенно отрезал меня от парковки, и я на глаз оценивала ширину дорожки,

прикидывая, сколько места мне нужно, чтобы проскочить мимо.

— Значит, так ты это представляешь? Ты убедил себя, что раз я не сопротивлялась достаточно часто или достаточно сильно, то в этом виновата только я сама?

— Именно.

— Как удобно!

— Да, а разве нет? Я рассказал о твоих специфических сексуальных предпочтениях Доктору Теду, и он согласен со мной в том, что твоя непрерывная тяга к сексу просто поразительна. Его очень заинтересовал твой случай, он хотел бы как следует тебя изучить.

— То есть это у меня сексуальные проблемы?

— Да, и теперь это документально оформлено.

Я иронично усмехнулась.

— Скажи, а твой воспаленный мозг когда-нибудь прекращает плести интриги?

— Тебе не стоит так заикливаться на моих дефектах. Лучше обрати внимание на свои.

— А они есть?

— Это ты сумасшедшая, Мэг. Тебя осмотрел известный психиатр и рекомендовал длительную госпитализацию. Тебя могут признать невменяемой и направить на принудительное лечение.

— Очень умно, Джордан.

— Да. Скажешь, нет?

— Почему же ты тогда сразу не положил меня в больницу?

— Будучи преданным и заботливым мужем, — он так и сочился сарказмом, — я решил подарить тебе последние несколько дней свободы, прежде чем последовать советам врачей и изолировать тебя. Я повез тебя в твое любимое место, где мы провели медовый месяц.

— Значит, приют для душевнобольных мне все еще светит? Когда? Как только мы вернемся в Портленд?

— Может быть. А может, и нет. Если вдруг ты совершишь самоубийство — скажем, сбросишься с этого утеса во время истерического припадка, — то это не станет ни для кого сюрпризом.

Я с горечью осознала, что он был совершенно прав. Он полностью отрезал меня от внешнего мира, и мне оставалось только догадываться, какие истории он рассказывал людям, интересующимся, что со мной стало. От меня долгое время не было ни слуху ни духу, я ни с кем, кроме Доктора Теда, не разговаривала. Да и во время нашей короткой беседы я зарекомендовала себя не самым лучшим образом. Он ничуть не сомневается, что я могу причинить себе вред. Синяки на шее это доказывают.

— Я тебя ненавижу, — прошипела я.

— Ты ненавидишь меня? — Он рассмеялся, причем прозвучало это очень зловеще и неестественно. — Я не могу позволить испытывать ко мне такие чувства.

— Это не тебе решать! — ответила я его же фразой, которая так ему нравилась и которая так меня бесила. — Я буду чувствовать то, что пожелаю. Это не твое вонючее дело!

— Ты все еще пытаешься от меня уйти.

— У меня не было такой возможности. Твоя тюрьма слишком надежна.

— Но ты позвонила Стиву. Он уже ехал тебя забирать, а я не мог ему этого позволить.

— Ты ошибаешься. Ему на меня было наплевать. Он не собирался приезжать. — Это помогало смягчить чувство вины — притвориться, будто Стив не воспринял меня всерьез, не планировал мне помогать.

— Нет, ему доставляло удовольствие быть твоим рыцарем в сверкающих доспехах. Зачем ты обратилась к нему, Мэг? Ты же знала, что мне это не понравится.

— Я требую развода, — смело заявила я. — Хочу, чтоб ты оставил меня одну, хочу быть как можно дальше от тебя.

— Когда ты выходила за меня замуж, то клялась, что будешь со мной, пока смерть не разлучит нас.

— Не буквально!

— Тебе возбраняется мне лгать, Мэг. Когда же ты наконец это усвоишь? Ты принадлежишь мне и будешь рядом со мной всегда.

Я не собиралась оставаться рядом с ним даже ближайшие несколько секунд, если, конечно, смогу придумать, как бы сбить его с ног и добежать до парковки.

— Все кончено, Джордан. Наша встреча была ошибкой. Ты должен с этим смириться. Мне от тебя ничего не надо. Я просто исчезну, и мы оба будем жить дальше каждый своей жизнью.

— Ничего не кончено, Мэг. Хотя мне нравится наблюдать за твоими жалкими попытками сбежать, ты должна прекратить со мной бороться. Это бессмысленно. Тебе меня не пересилить.

На мои слова он не обратил ни малейшего внимания, подошел ко мне вплотную, и я оказалась прижата к валуну. У этого мерзкого подонка была эрекция, и его член уперся мне в ногу.

— Ты собираешься трахнуть меня здесь, даже когда опасаясь меня и не знаешь, как я могу себя повести?

— Да, черт возьми. Когда ты боишься, чувства обостряются, поэтому секс должен быть фантастическим.

— Я не стану этого делать. Ты не сможешь меня заставить.

— Ты так считаешь? Знаешь, а ведь Бритни в свой последний день мне тоже отказала. Она не умела плавать и боялась воды. Она не захотела заниматься сексом, в то время как я сказал, что она должна.

— Ты хотел трахнуть ее, когда она была... была... до ужаса напугана?

Я уставилась на него, испытывая острое желание бросить какое-нибудь оскорбление ему в лицо, которое бы действительно его ранило, но ничего подходящего, что точно бы описывало его суть, в голову не приходило.

— Ты чудовище! — воскликнула я в сердцах, хотя это было еще мягко сказано.

— Бритни сказала мне то же самое — и посмотри, что с ней произошло. Ты не усвоила урок, Мэг. Ты все еще не поняла, как опасны порой бывают слова, но скоро поймешь.

Он наклонился и очень крепко меня поцеловал, заталкивая свой язык мне чуть ли не в глотку. Он запустил руку под куртку и грубо схватил меня за грудь. Я вырвалась, но он все еще перекрывал мне путь к отступлению. Обойти его на таком крошечном участке не представлялось возможным. Я была зажата скалой с одной стороны и валуном с другой, места для маневра катастрофически не хватало.

— Пусти! — в бешенстве крикнула я.

— Нет.

— Выпусти меня отсюда!

Тревога в голосе постепенно нарастала.

— Нет, — ответил он все так же невозмутимо.

Я глянула ему через плечо туда, где стояла наша машина, в надежде увидеть туристов, которые вслед за нами решили сходить на утес. Но как и все последние месяцы, спасти меня было некому. Рассчитывать нужно было только на себя.

— Если ты еще хоть раз ко мне притронешься, я тебя убью, — клятвенно пообещала я.

— Правда убьешь? Что-то я сомневаюсь, что у тебя на это хватит решимости.

Он снова стал меня теснить, прижимая к скале, схватил за бедра, прильнув ко мне всем телом.

— Сейчас я тебя трахну, — предупредил он, — когда ты так близко к краю, когда точно знаешь, что в любой момент можешь сорваться.

Он принялся возиться с пуговицей у меня на брюках, со змейкой и уже собирался их спустить. Но я ни за что не буду заниматься с ним сексом в таком ужасном месте! Ни за что!

Я начала сопротивляться не на шутку. Я больше не боялась потерять равновесие и разбиться насмерть. Ярость и паника неожиданно придали мне силы, которую я уже и не чаяла обрести.

— Да! — страстно зашептал он, зажимая меня в железные тиски. — Борись! Борись за жизнь! Отдайся страху, это так возбуждает!

Он вплотную прижимал меня к себе, я изогнулась и укусила его за грудь, вцепившись зубами с такой силой, что отчетливо ощутила, как рвется кожа. Он дернулся от боли, но я не ослабила хватку, — ему пришлось залепить мне пощечину, чтобы освободиться.

Мы стояли, впившись друг в друга глазами. Наконец-то он сбросил маску, выпустив наружу всю свою ненависть, демонстрируя истинные чувства. На его лице читалась такая лютая злоба и презрение, что я невольно попятилась, испугавшись его так, как никогда прежде не боялась.

— Почему ты на мне женился? — спросила я.

— Потому что у меня была такая возможность. Потому что ты была совершенно одна. Во всем мире не оказалось ни единого человека, которому была бы небезразлична твоя судьба, и я мог делать с тобой все, что угодно. — Он жестом указал на скудный ландшафт, смеясь над тем, как обнажилось нутро каждого из нас, как высоко мы забрались и в какое безлюдное место попали. — Ты моя и навсегда таковой останешься. Я привел тебя сюда и могу трахнуть или убить — все равно никто не узнает. Теперь ты поняла?

— О да, — сказала я. — Теперь я поняла.

Исход мог быть только один. За долю секунды, пока сердце совершает один удар, я бросилась к нему и толкнула изо всех сил. Он торжествовал, упивался своей властью надо мной, и я застала его врасплох, когда он этого совсем не ждал. Он покачнулся и попытался ухватиться за меня. Не знаю, хотел ли он таким образом удержаться на ногах или увлечь меня вместе с собой, но я отскочила как можно дальше.

Гравитация тащила его вниз. Все произошло настолько стремительно, что я даже не успела осознать, что наделала. С выражением крайнего изумления на лице, но не проронив ни звука, он перевалился через край, тело его полетело вниз и исчезло в мгновение ока.

Я так и осталась стоять, оцепенев от неожиданности, не в силах оторвать взгляд от того места, на котором он только что стоял. В голове все крутилось в бешеном вихре, голос разума пронзительно визжал от пережитого шока. Я хотела глянуть вниз, но слишком боялась перегнуться через край и увидеть его распластанное тело.

Не знаю, может, он сейчас, весь расплющенный, с раздробленными костями, но живой, лежал внизу подо мной либо он все-таки долетел до бурлящей внизу воды и утонул.

Даже если он кричал, ревел мое имя, падая и ударяясь об уступы, рокот прибоя был настолько оглушителен, что я этого не слышала.

Меня трясло, перед глазамиплыли круги, я совершенно утратила координацию, ослабла от головокружения и голода и думала, что прямо здесь потеряю сознание. Я на ощупь попыталась отыскать свои вещи, собраться с мыслями, чтобы решить, как же быть дальше. Моим естественным и истинно человеческим побуждением было спасти его, но если он все еще был жив (я, наверное, буду проклята за такие мысли), я не хотела, чтобы его спасли.

И тут наконец-то показалась группа туристов. Они не успели меня заметить, и я съезжилась за валуном: необходимо было успокоиться, чтобы меня не приняли за сумасшедшую.

Что говорить? Что делать? Нужно сказать им, что что-то произошло, но что бы такое придумать? Я только что столкнула Джордана со скалы. Скорее всего, он погиб, но мог оказаться серьезно ранен, зависнув над пропастью, — в таком случае мне необходимо было тянуть время и молиться, чтобы он скончался до того, как придут спасатели.

Как я могла кого-то убедить, что мой красивый богатый муж заманил меня в это ужасное место, чтобы убить? Кто поверит, что он собирался столкнуть меня отсюда, а потому мне пришлось столкнуть его первой?

Правда казалась нелепой и просто нереальной. Это на меня была заведена история болезни в психушке. Это у меня были проблемы с алкоголем и наркотиками. Это я была молодой бедной девушкой, которая возникла из ниоткуда, чтобы выйти замуж за миллионера.

Я выскочила из укрытия и побежала к туристам, крича и размахивая руками.

— Помогите! Помогите! — стенала я. — Помогите! О Господи, помоги! Джордан сорвался! Джордан сорвался с утеса!

Я добежала до ошеломленного мужчины, стоявшего первым, и упала ему на руки, старательно изображая из себя убитую горем вдову, которой я должна стать с этого момента.

— Расскажите еще раз, что произошло.

Я взглянула на шерифа. Внешне он выглядел как заурядный провинциальный коп: необъятный живот, перевалившийся через пояс брюк, редющие волосы и висящий второй подбородок. Любой бы на моем месте принял его за идиота или шута горохового, но я хорошо усвоила урок и была слишком умна, чтобы купиться на обманчивую внешность. Равно как и на фальшивое дружелюбие, которое он силился изобразить.

— Я же вам уже говорила, — сказала я устало. — Он стоял вон там, как вдруг...

Меня передернуло, и я не закончила предложение.

— Высота здесь еще та, — отметил он как бы невзначай.

— Это точно. — Спасатели на каменистом пляже внизу были так далеко, что казались группкой муравьев. — Скажите, он... он... мертв?

— О да. — Он смерил меня пристальным взглядом, словно стараясь проникнуть в самые сокровенные мысли. — Парень просто не мог выжить после таких увечий.

— Какой кошмар! — Я зажала рот ладонью — мне даже не пришлось притворяться, что мне плохо. Морская болезнь была вполне настоящей.

Я радовалась тому, что Джордан погиб, но старалась не выказывать ликования. Если бы он выжил, то проклял бы меня за мой поступок, и мне и тысячи лет не хватило бы, чтобы загладить свою вину.

— Давайте еще раз повторим все сначала, — произнес назойливый шериф.

Я поежилась, тоскливо вздохнула и солгала:

— Это был несчастный случай. Жуткая, жуткая случайность. Он стоял у самого края, разговаривал со мной, как вдруг земля просела. Все случилось мгновенно.

Я щелкнула пальцами, как бы показывая, как стремительно все произошло.

— Еще бы, — задумчиво произнес он. — Вы ему что-нибудь говорили?

— Когда он падал?

— Нет. До того.

— Конечно. Я просила его отойти подальше от края.

— Но он вас не слушал?

— Он слышал, что я сказала, но лишь рассмеялся и заявил, что администрация парка просто перекрыла бы проход и не пускала сюда людей, если бы это было опасно. Он думал, что я волнуюсь без причины.

— Что вы здесь делали?

— Любовались пейзажем. А вы что думали? — Я указала на тропинку. — Мы пришли на эту площадку ради прекрасного вида. Он хотел, чтобы я любовалась...

— Покажите точно, где он стоял.

— Вон там.

— А вы?

— Вот здесь.

К счастью, на земле остались следы стычки, на основании которых вполне можно было сделать вывод, что все произошло именно так, как я и рассказала. Но шериф попался очень дотошный: он внимательно осмотрел скалу, оценил угол наклона и отвесный обрыв, спускающийся к воде в сотнях футов внизу. От его взгляда не укрылся ни один камешек, ни

одна веточка. И хотя внешне он выглядел спокойным и расслабленным, я буквально чувствовала, как бурно кипит его мысль, анализируя полученные данные.

Меня то бросало в дрожь, то вдруг я чувствовала облегчение, поражаясь собственной выдержке. Ужасно хотелось убежать на стоянку, прыгнуть в машину и поскорее свалить отсюда. Но нельзя было вызывать подозрения. Шериф, похоже, уходит пока не собирался, и я как скорбящая вдова должна была торчать здесь вместе с ним, всячески изображая участие и желание помочь следствию.

Спасателям кое-как удалось вытащить тело Джордана из бурлящих прибрежных вод. Его положили в специальный мешок и как раз в этот момент обматывали веревками, чтобы затянуть наверх. Со стороны это выглядело ужасно.

— Скажите, я обязана на это смотреть? — спросила я, прислоняясь спиной к валуну.

— Вам нехорошо?

— Да, нехорошо! — огрызнулась я. — Я замерзла и устала, хочу поскорее добраться домой и лечь в постель.

Он внимательно на меня посмотрел, после чего кивнул.

— Пройдемте к вашей машине.

После этих слов я готова была броситься ему на шею.

— Спасибо.

Я принялась спускаться, внимательно глядя под ноги, стараясь лишний раз не смотреть в сторону океана. Казалось, прошла целая вечность, пока я наконец-то сошла с этой проклятой тропинки и ощутила под ногами асфальт. Я еле удержалась, чтоб не упасть на колени, целуя землю.

Шериф провел меня до машины, но задержал, прежде чем я успела забраться внутрь.

— Я должен задать вам еще несколько вопросов.

— А это не может подождать? Очень вас прошу. — На глаза у меня навернулись слезы, настоящие, искренние. Скорее прочь отсюда, чтобы дать волю своим чувствам, чтобы никто не видел.

Я попыталась открыть дверцу, но она оказалась заперта.

— Черт! — выругалась я; с каждой секундой раздражение мое росло.

— Что?

— Ключи остались у Джордана в кармане.

— Я могу приказать помощнику вас отвезти. Куда вам?

Хороший вопрос. Действительно, куда мне лучше податься? В пляжный домик, который я ненавидела всеми фибрами души? Или в пентхаус, который долгое время был моей тюрьмой?

У меня не было никаких связей, не было денег, семьи, друзей, но я не собиралась никого посвящать в эти трудности. Мои исковерканные отношения с «любимым», ныне покойным мужем шерифа совершенно не касались.

— Наверное, в наш пляжный домик. Это вниз по дороге.

— Вы живете в Портленде?

— Да.

Вообще-то, дома у меня не было, поэтому с таким же успехом я могла утверждать, что живу в любом другом месте.

— Как долго вы планируете оставаться на побережье?

— Да не знаю я! — Я явно выказывала больше раздражения, чем надо было. —

Простите, просто я совершенно измотана и сбита с толку. Что будет дальше?

— Нам нужно будет еще раз побеседовать.

— Хорошо. Дайте мне номер, и я вам позвоню.

— Вообще-то так не делается, — возразил он. — Это вы должны дать мне свой номер, по которому с вами можно связаться.

Я устала на него, ничуть не сомневаясь, что сейчас в его глазах выпляжу чертовски виноватой. Я не знала нашего номера телефона. Я вообще не знала, есть ли он у нас. Как можно было пояснить то, что я не владею простейшей информацией?

И я выпалила старый номер, который был у нас до того, как Джордан решил сменить тарифный план.

Шериф вытащил из кармана блокнот и записал. Я смутно представляла, что он может подумать, когда позвонит и узнает, что номер не обслуживается уже многие месяцы. Надеюсь, я к тому времени уже успею исчезнуть.

— Ну, теперь я могу идти?

— Конечно.

Он жестом подозвал к себе помощника и распорядился сопроводить меня домой и вернуться на место происшествия. Я уже шла к полицейской машине, когда шериф бросил мне вдогонку:

— Эй, миссис Блэр, разве вам совсем неинтересно?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что миссис Блэр — это я. Я резко развернулась.

— О чем вы?

— Ну, хотя бы насчет тела вашего мужа.

— Хорошо. Так что там с телом?

— Будет проведено вскрытие.

— Зачем?

— Чтобы установить причину смерти.

— Он же упал со скалы! Я и так знаю, что вы там обнаружите: множество порезов и синяков. Может, даже поврежденный череп и сломанные кости.

— Мне тоже так кажется.

— А потом тело отдадут мне?

— Да, чтобы вы смогли его похоронить. Я с вами свяжусь.

Я поняла, что не мешало бы проявить большую заинтересованность, но как ни старалась, убитую горем жену изобразить не смогла.

— Что-то еще?

— Как только я ознакомлюсь с результатами вскрытия, то сообщу вам о том, как продвигается расследование.

— Какое расследование? — Он все-таки меня разозлил, и я стала на него наступать. — Он просто упал с этой чертовой скалы. Или вы хотите сказать, что дело обстояло иначе?

— Нет, что вы, не собираюсь я ничего говорить.

«Пока что», — прозвучало между строк.

Было очевидно, что он не поверил ни одному моему слову и решил, что Джордан погиб не без моей помощи. Я улыбнулась понимающей уверенной улыбкой. Он мог предполагать все, что угодно. Туристы видели только, как я бегу к ним, обезумев от страха, но они понятия не имели, что произошло до того, поэтому я была единственным свидетелем. И я унесу эту

тайну с собой в могилу.

— Думаете, это я его толкнула? — спросила я прямо.

— А вы толкали?

— Вы очень подозрительный человек.

Он пожал плечами.

— Работа такая.

— Я очень любила мужа, — солгала я в который раз. — Мы были очень близки.

— Неужто? Как по мне, вы не выглядите сильно расстроенной.

— Это потому, что я сейчас в состоянии шока.

— То есть вы еще не осознали, что произошло?

— Точно. Не осознала.

— А если я зайду позже, у меня есть шанс застать вас в печали?

— Может быть. А может, я никогда не выйду из шока и никакой реакции вы от меня не дождетесь.

Он достал солнцезащитные очки и водрузил их на нос. Я прекрасно поняла, что это был тщательно продуманный жест, с помощью которого он рассчитывал меня напугать. В стеклах очков отражалось мое костлявое затравленное «я».

— Даже не всплакнете украдкой? — поддел он меня.

— Скажите, а что, есть книга, в которой написано, как нужно вести себя в подобных ситуациях? Если есть, то не могли бы вы мне ее одолжить, чтобы я подготовилась и правильно вам отвечала?

— Сколько вы прожили вместе?

— Ну, мы практически новобрачные.

— Мои поздравления. — Уж больно ехидно, на мой взгляд, это прозвучало. — Все, что было потом, мне знать не обязательно, я правильно понял?

Его самодовольная ухмылка говорила о том, что мне так просто не отделаться, что он будет взвешивать и обсуждать, пересматривать и оспаривать.

В то время как я была настолько далека от всего этого!

— До свидания, шериф.

— До свидания, миссис Блэр. Мне жаль, что так вышло.

— Мне тоже.

Я села в полицейскую машину, и помощник шерифа, следуя моим словам, отвез меня домой. Мы довольно быстро добрались, я пролепетала слова благодарности и пулей выскочила из машины, не дожидаясь даже, чтобы он вышел и подал мне руку. Я помахала на прощание и зашла за угол дома, делая вид, что собираюсь воспользоваться задней дверью. Я не хотела, чтобы он здесь маячил и наблюдал.

Я следила за ним из-за кустов. Он несколько минут не заводил двигатель, но потом все-таки уехал. После того как звук мотора затих вдаль, я обошла по периметру дом, пробуя каждое окно и дверь, но все они оказались захлопнуты или заперты. Перед парадным входом я на всякий случай заглянула под коврик и горшки с цветами и, к своему удивлению, обнаружила там ключ.

Учитывая то, каким мелочным и дотошным был Джордан, я не ожидала от него такого глупого поступка, но мне это было на руку. Я вошла, некоторое время потопталась в нерешительности. Дом путал безмолвием. Я очень устала, мне необходимо было немного подремать, но в этом доме было слишком много призраков, в компании которых совершенно

не хотелось находиться.

Я приготовила себе бутерброд и медленно, смакуя каждый кусочек, его съела, больше не боясь, что за моей спиной материализуется Джордан и отберет его у меня. Ничего вкуснее я в своей жизни не ела. Медленно дожевала, заново приучая свой сморщенный желудок к нормальной плотной пище, затем обошла каждую комнату в поисках наличности, драгоценностей и любых других дорогостоящих предметов, которые я могла бы отнести в ломбард.

Поразительно, но в одном из шкафов я наткнулась на свои старые вещи: черные джинсы, футболку, куртку и ботинки. Я скинула с себя то, что купил мне Джордан, переоделась и почувствовала себя куда более комфортно, несмотря даже на то, что старые джинсы стали мне велики и пришлось взять кусок веревки, чтобы подпоясаться.

Я вышла, закрыла за собой дверь, спрятала ключ под цветочным горшком и направилась вниз по склону в сторону трассы. В кармане было несколько сотен долларов, а еще ожерелье и сережки с настоящими драгоценными камнями. Я понятия не имела, вел ли Джордан учет своим ценностям, можно ли установить, что именно эти украшения пропали, но в тот момент меня это совершенно не волновало.

Черт побери, я все-таки была его женой! Я ничуть не сомневалась, что буду лишена прав на наследство согласно брачному договору, который он так предусмотрительно заключил. Но мне и не нужно было много, мне всего лишь нужны были средства, чтобы начать новую жизнь. Я заслужила такую возможность. Будем считать это возмещением за моральный ущерб. Если кто-то и станет возмущаться, что я незаконно присвоила украшения, то я просто скажу, что он подарил мне их на день рождения. А кто сможет доказать обратное?

Меня подобрал первый же проезжавший дальнобойщик и отвез прямиком в город. Я сразу пошла в пентхаус, отметившись на посту охраны. Боялась, что охранники не пустят, что квартиру Джордана опечатали, пока расследуются обстоятельства смерти, но никто не сказал мне ни слова.

Я внесла свою фамилию в список и поднялась на лифте.

Думаю, я могла бы остаться в его квартире. Я была законной женой Джордана, а значит, у меня было право там находиться. Я могла бы нанять адвокатов, и пусть они отвоевывают мою долю в его имуществе, но я была настолько измучена, что мне ничего больше не хотелось, кроме как убраться подальше. Меня преследовало дикое ощущение, что если я здесь останусь, то двери сами, как по волшебству, закроются и я снова окажусь в заточении. Нужно бежать, пока есть возможность.

Все здесь напоминало о Джордане, а я хотела забыть этот кошмар. Как и в пляжном домике, здесь было слишком много призраков. Я не смогу здесь и глаз сомкнуть, настолько мне страшно. Вдруг усну, а когда проснусь, выяснится, что Джордан на самом деле не погиб и я до сих пор его пленница.

Я тщательно все обыскала, извлекая мои спрятанные двадчатки, рассованные по самым укромным и неожиданным местам. Мне обломился большой куш: у Джордана в офисе в ящике стола обнаружилось несколько тысяч долларов и куча драгоценностей, которые я тут же присвоила без долгих раздумий или угрызений совести.

И хотя я все обыскала, но нигде не нашла телефон Стива и диски. Понятия не имею, что Джордан мог с ними сделать. Зато я нашла кассеты, на которых были мы с Эдрианом, а также сам Джордан в самых отвратительных ракурсах со множеством каких-то женщин. Но это не было достаточным доказательством в деле «Я против Джордана» и не объясняло,

почему я его возненавидела и убила. Я вообще не хотела, чтобы кто-нибудь это когда-нибудь увидел, не хотела, чтобы все его жертвы снова подверглись унижению, когда копы устроят здесь обыск и наткнутся на эти записи.

Я сложила все в большую матерчатую сумку и поставила ее у выхода. Остановилась у панорамных окон, выходящих на восток. Мне хотелось еще хоть раз увидеть очертания горы Худ, увидеть, как закатное небо окрашивается в различные оттенки розового и пурпурного. Но лил дождь, и долина выглядела серой и унылой.

Я вспомнила о Стиве, о том, какой замечательный это был человек, как много для меня значила его дружба. Я искренне сожалела о том, что не оценила ее по достоинству, что не задумываясь отшвырнула ее прочь. Я гадала, как бы узнать, где он похоронен, отважусь ли я когда-нибудь прийти к нему на могилу или послать открытку его матери или Мэри.

Стив погиб из-за моей жадности и глупости и из-за того, что я спуталась с Джорданом. Я напрягла память и попыталась вспомнить, как Джордан впервые привел меня в свой пентхаус. Тогда мне казалось, что я безумно влюблена, что я не заслужила такого счастья и что я делаю правильный выбор, совершаю правильные поступки.

Страшно было осознавать, как сильно я тогда заблуждалась. Смогу ли я впредь доверять своим суждениям?

Я пришла сюда в мокром платье и после всего, что мне довелось пережить, уйду практически с тем же. Была в этой басне какая-то мораль, но я понятия не имела, в чем она заключалась.

Я вернулась в кабинет и вытащила папку с именем Бритни. Мы с ней были примерно одного возраста, одного роста, поэтому я взяла ее свидетельство о рождении и идентификационный код. Зачем — пока не знаю.

Джордан так старательно пытался меня изменить, чтобы я превратилась в нее, и по большому счету ему это удалось. Не знаю, кто я теперь, но уж точно не Мэг Уайт. Если в моей душе остались какие-то крупинки прежней Мэг, то пройдет еще очень много времени, прежде чем я смогу возродиться. Я на распутье и слишком оглушена, чтобы решить, что для меня лучше.

Я отчего-то была уверена, что могу воспользоваться документами Бритни, чтобы сотворить себе новое «я». Я должна сохранить их на случай, если окончательно решу исчезнуть — если мне когда-нибудь понадобится исчезнуть.

Я покинула квартиру с кучей денег, драгоценностей и папкой Бритни, спрятанной под курткой, на плече — сумка с порнографическими кассетами. Я спустилась и вышла на улицу. Был холодный осенний вечер, моросил мелкий, навевающий тоску дождь, но промокшие насквозь пешеходы уже к нему привыкли и, похоже, перестали замечать. Они не спеша прогуливались по улице, разговаривали, смеялись. Движение было все таким же сильным, по мокрому асфальту неслись машины и велосипеды.

В конце квартала я заметила мусорный бак, подошла и выбросила кассеты вместе с сумкой. Я помолилась за Бритни и других женщин, которых сжил со свету Джордан. Внезапно меня охватил приступ радости. Я вдруг осознала, что мой поступок послужил залогом того, что он никому больше не сможет причинить вреда.

Я закрыла крышку бака и огляделась, решая, куда же идти дальше...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Примечания

Ксанакс — транквилизатор, уменьшает беспокойство, чувство тревоги, страха, напряжения. Отмечена антидепрессивная активность препарата. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Дешевые места на открытой спортивной арене. Выражение связано с тем, что на открытых местах солнце «отбеливает» зрителей.